

АЛЕКСАНДР
ПЫЛЬЦЫН

ШТРАФБАТ

НАКАЗАНИЕ,
ИСКУПЛЕНИЕ

Военно-историческая быль

Александр Пыльцын

Штрафбат. Наказание, искупление

«Алетейя»

2018

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

Пыльцын А. В.

Штрафбат. Наказание, искупление / А. В. Пыльцын —
«Алетейя», 2018

ISBN 978-5-906860-74-3

В отличие от всех прежде изданных книг А. В. Пыльцына о штрафбате, география боевых действий штрафных частей Великой Отечественной войны значительно расширена и объем фактического исторического и иллюстративного материала увеличен в связи с появлением и привлечением большого количества новых документов, полученных из ЦАМО РФ и при помощи поисковиков-энтузиастов. Это одна из редких книг, основанная на личных воспоминаниях, подтвержденных историческими документами. Впервые в книге дана оценка взаимосвязи таких правовых категорий, как «преступление», «наказание» штрафными частями, сроки пребывания в них, «искупление вины» подвигом и «покаяние», что в определенной степени перекликается с известной формулой Ф. М. Достоевского. Приводятся документальные примеры несправедливого преследования некоторыми высокопоставленными политическими работниками военачальников высокого ранга, а также слежки за теми, чьи родственники имели судимость по «популярной» в предвоенные и военные годы 58-й статье УК РСФСР. Книга основана только на реальных событиях, с участием реально существовавших физических лиц. В ней нет ни одного выдуманного боевого эпизода, ни одного вымышленного лица и даже ни одной вымышленной фамилии.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-906860-74-3

© Пыльцын А. В., 2018

© Алтейя, 2018

Содержание

Слово к читателю. Введение в штрафбатовскую тему	7
Глава 1	19
Глава 2	29
Глава 3	48
Глава 4	66
Глава 5	82
Глава 6	99
Глава 7	118
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Александр Пыльцын

Штрафбат: наказание, искупление.

Военно-историческая быль

*Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память – наша совесть.
Она как сила нам нужна...*

Ю. Воронов

*Эта память – верьте, люди, —
Всей земле нужна.
Если мы войну забудем,
Вновь придет война.*

Роберт Рождественский

*И за столом, припомнив о былом,
Пред совестью своей мы не лукавим,
Но беспокойно думаем о том,
Что мы другим после себя оставим.*

Александр Ольшанский

К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне

*Всем офицерам, штрафникам и их командирам 8-го Отдельного
штрафного офицерского батальона 1 – го Белорусского фронта,
прошедшим трудными дорогами войны от Сталинграда до Берлина,
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Автор и издательство искренне благодарят всех, без чьей неоценимой помощи не было бы этой книги

Слово к читателю. Введение в штрафбатовскую тему

*Гордиться славою своих предков
не только можно, но и должно;
не уважать оной
есть постыдное малодушие.*

Александр Пушкин

*Разве можно бывшее забыть?
До сих пор годы мчатся, как пули...
Мы суровой солдатской судьбы
До краев всем народом хлебнули.*

Михаил Ножкин

Свою часть Великой Отечественной войны судьбы военные предопределили мне пройти до самого Дня Победы в составе офицерского штрафбата не штрафником, а командиром взвода и роты. «Штрафная» тема долгое время была закрытой в литературе и искусстве, на это многие годы неразумно закрывали глаза. С наступлением безграничной горбачевской «гласности» она вдруг стала модной, ее утрировали и исказили до бесстыдства. Об этих необычных формированиях, созданных в самое опасное для Родины время по известному приказу Сталина № 227 «Ни шагу назад!», многие годы идут уже не споры, в которых должна рождаться истина; напротив, расширяются преднамеренная ложь и всяческие спекуляции на полуправде. Идет много инсинуаций о штрафбатах, в которые якобы массово «жестоким сталинским режимом» загонялись совершенно невинные, *не совершавшие преступлений*, но понесшие *незаслуженные наказания*. Конечно, в какой войне не бывает случаев несправедливости. О них здесь тоже пойдет речь.

Строгий запрет на информацию о штрафных батальонах и ротах был установлен сразу же с приказом Сталина «Ни шагу назад!», изданным в 1942 году «Без публикации», а значит, и все, что им определялось, в прессу не поступало. Для предотвращения нарушений этого положения приказом № 034 от 15.02.1944 года маршала Василевского А. М. подтверждалось *запрещение открытой публикации* «всех сведений о заградительных отрядах, штрафных батальонах и ротах». Это положение действовало долгие годы после войны и порождало массу всяческих домыслов, затем уже и вымыслов просто любителей всяческих сенсаций, да и откровенной лжи разнужданных фальсификаторов об этом непростом явлении в истории Великой Отечественной войны.

Даже крупнейшие военачальники в своих мемуарах по воле политической цензуры либо о штрафных формированиях вообще не упоминали, либо маскировали под «особые отряды» или «лыжные батальоны». Вот и не вводились в научный оборот истинно правдивые сведения о штрафбатах и штрафниках.

За полтора года моего пребывания в штрафбате в нем никогда не появлялись никакие корреспонденты ни центральных, ни армейских или фронтовых газет. Именно из-за отсутствия официальной информации в народе стали распространяться слухи о штрафбатах, как правило, непременно в связи с заградотрядами, хотя их рядом со штрафбатами никогда не было.

Известно, штрафные роты и штрафные батальоны реально были, скрывать это было неразумно. Они активно действовали на фронтах Великой Отечественной войны и, безусловно, внесли свою лепту в Победу. Но особые в военное время эти формирования, прежде всего,

внесли огромный вклад в воспитание и становление человеческой личности, реабилитацию и искупление гражданского греха.

На излете своей уже более чем 90-летней жизни я решился на обобщение всего мною написанного ранее в книгу о ПРЕСТУПЛЕНИЯХ и НАКАЗАНИЯХ в связи с бывшими в нашей военной истории штрафбатами (ротами). Решаясь на это, я никоим образом не покушаюсь на славу великого Достоевского и представляю читателям новый вариант своей военно-исторической были **«Штрафбат: наказание, искупление»** Она обогащена многими дополнительными архивными сведениями, очень важными для понимания особенностей того времени, и о самих штрафных формированиях, и о заградотрядах, история которых еще мало освещена правдиво, а вымысла о них много. Ради этого я повседневно ворошу свою память, чтобы «допомнить», а не «досочинить», не придумать прошлое, чтобы заполнить пробелы памяти, как образно об этом сказал фронтовой поэт Александр Межиров:

Мне б надо биографию дополнить,
В анкету вставить новые слова,
А я хочу допомнить, все допомнить,
Покамест жив и память не слаба.

В этой книге я попытаюсь сделать основные выводы о больших и малых преступлениях, о степени вины тех, кого направляли в штрафные формирования, мерах наказания за них, соответствии этих мер составу преступлений, о реальном искуплении вины штрафниками или даже их покаянии. Хочу сразу предостеречь читателя, что это будет не научно-юридический исследовательский манускрипт, а только рассуждения человека, проведшего в офицерском штрафбате командиром взвода и роты полтора года, поэтому основные положения будут рассматриваться на фоне реального офицерского штрафбата с использованием некоторых документов и свидетельств, касающихся отдельных армейских штрафных рот (ОАШР).

Понимаю, что очень нелегко раскрывать истину чего-либо малоизвестного, потаенного, а тем более – уже оболганного, извращенного. Это можно и нужно делать исключительно правдой, основанной не только на личных воспоминаниях и собственных документах войны, но и на документах, сохранившихся у других участников войны, и прежде всего – на архивных документах. Это важно не столько для удовлетворения любопытствующих, сколько для того, чтобы вооружить их правдой для борьбы со все более наглыми, как забугорными, так и собственными, искажителями нашего героического прошлого и его трагических страниц.

Главной целью и основным направлением деятельности этих извращенцев нашей российской истории является злостная клевета на наше общее прошлое, искоренение жизненного опыта советских людей, посвятивших свои жизни защите, возрождению и процветанию нашей Родины, борьбе за ее свободу от любого порабощения. Извращение военной истории Советского Союза – это попытка подменить правду о России ложью, а сам наш героический народ представить каким-то неуправляемым быдлом.

Правдивый мемуарист – хороший помощник историка, и самым главным в его воспоминаниях должен быть честный исторический подход к обстановке, при которой то или иное явление прошлого происходило. Сегодня нам внушают, что все в нашей истории было либо «неправильным», либо вовсе «преступным», пытаюсь разрушить в сознании россиян последнее, что сохраняет святость, что объединяет всех нас – память о Великой Победе. Вместо того чтобы рассказать людям то, что было на самом деле, и почему ему навязывается чужое видение вопроса, всячески втолковываются готовые оценки, искусно возбуждается негодование против «советского античеловеческого режима», а правдивая информация затушевывается, скрывается или представляется в нужном лжецам свете.

Много лет меня волновала атмосфера умолчания истории штрафных батальонов в литературе, прессе и вообще в средствах массовой информации. Нигде, ни в официальной печати, ни в военных мемуарах видных военачальников, об этих батальонах ничего не говорилось. В Советской военной энциклопедии ранних лет о них было сказано только в общем и применительно к армиям других стран. Меня, прошедшего рядом со штрафниками в роли их ближайшего, взводного и ротного, командира, эти извращающие историческую правду «исследования», «романы», фильмы привели к мысли поведать миру истинную, подтвержденную документально правду о реальных штрафбатах, а не о придуманном «Штрафбате» Володарского и Достая, не об «Утомленных солнцем» Михалкова. Фильмами и публикациями, сознательно искажающими фронтовую действительность в штрафбатах, мы, бывшие штрафники и их командиры, оказались фактически оболганными своими же «правдолюбями», чего мы, старшее поколение – фронтовики и твердо стоящие на позициях правды честные люди – не должны оставлять без адекватной реакции. Ныне идет небывалое ранее сражение на военно-историческом фронте, и наша победа в Великой Отечественной войне остро нуждается в защите. Изданием своих книг-воспоминаний, документально оснащенных архивными материалами, к этому стремлюсь и я.

Одумайтесь, господа историки, писатели, журналисты, деятели кино и телевидения. История страны есть просто ее история, и ее надо рассказывать так, как это было на самом деле. Искажение прошлого уничтожает будущее, поскольку прерывает необходимую для развития самобытной страны связь времен и поколений. Отрицая наше героическое прошлое, фальсификаторы подводят нас к выводу, что Россия не имеет будущего, что она может быть только сырьевым придатком Запада.

Многие послевоенные годы я надеялся на то, что из числа уцелевших фронтовых штрафбатовцев найдется же кто-то из очевидцев, кто сможет как бы изнутри, на фактическом материале правдиво рассказать об этих уникальных формированиях Великой Отечественной. Увы, правдивых публикаций так и не дождался. Мои боевые друзья по штрафбату давно подталкивали меня на этот нелегкий, ответственный труд – написать для современников и потомков свои, именно *штрафбатовские* воспоминания о войне и таким образом опровергнуть, дезавуировать ту ложь, которая наслоилась за послевоенные годы.

Дневников на войне мы не вели. Офицерам переднего края, особенно в штрафбате, мягко говоря, это было «не с руки». И самое трудное, что вначале казалось мне непреодолимым вообще, – это огрехи и провалы памяти. Она, коварная, с годами растеряла многие детали событий, названия сел и городов, в которых они происходили, фамилии и имена бойцов и командиров, с которыми бок о бок довелось пережить то нелегкое время.

У талантливого советского поэта Ярослава Смелякова есть такие строки:

И академик сухопарый,
И однорукий инвалид —
Все нынче пишут мемуары,
Как будто время им велит!

Видимо, само время повелело и мне взяться за перо, за это нужное и важное, на мой взгляд, дело. Как в пушкинском «Борисе Годунове»: «При свете лампы умудренный жизнью монах Пимен пишет правдивую летопись...»

И я, как тот монах Пимен, правда, не при лампаде, а с компьютером, тоже решил на документально обоснованную, правдивую книгу о штрафбатах, об этой части военной истории, очень сложной, большинству еще малоизвестной, но многожды извращенной нечестными «деятелями» современных СМИ и другими «сочинителями». Считаю это важным особенно теперь, когда уже не стало реальных свидетелей того времени, почти всех моих боевых товари-

щей, а тем более – самих штрафников, и погибших в боях, и тех, кто выжил тогда, в огне войны, но не дожил до наших дней. Мои настойчивые поиски очевидцев штрафбатов уже малоэффективны. Время неумолимо, нас, «долгожителей», остается все меньше и меньше. Чувствую себя «последним из могикан», то есть из штрафбатовцев Великой Отечественной. Даже телевизионщики обращаются за интервью ко мне, вероятно, уже как к единственному из тех, кто был сам свидетелем и участником того грозного времени и еще помнит его. Простите меня, дорогой читатель, если я применительно к себе опять приведу слова великого Пушкина из того же «Бориса Годунова», которые он вкладывает в уста Пимена:

Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил.

Как-то в одном из интервью прессе я сказал: *наверное, нам Богом дано жить долго именно для того, чтобы успеть рассказать правду о той Великой войне.* Не мне судить, насколько Господь меня «книжному искусству вразумил», но благодарен Ему бесконечно за то, что «многих лет свидетелем господь меня поставил». Посему считаю долгом своим рассказать о том, какие чувства тогда нас обуревали и какие ценности были в основе патриотизма, в основе безграничной любви к Родине, той любви, которая и обеспечила Великую Победу в невиданно жестокой войне со злейшим врагом всего человечества – фашизмом. Объективности ради, сквозь призму лет и событий я не корректирую во времени ни своих чувств, ни своих впечатлений, ни даже, по возможности, своих оценок. И если иногда к этому прибегаю, то только со ссылками на авторитетные источники, с которыми согласен.

Полагаю, мне удалось рассказать о том, что нам довелось увидеть, прочувствовать и пережить, показать ту фронтовую солидарность офицеров в штрафбате, штрафников и их командиров, которая действительно была в то грозное, кровавое время.

Наш штрафбат, как говорят об этом документы войны, *формировался одним из первых таких батальонов* еще под Сталинградом.

Особо хочу сказать о помощи, которую оказал мне, несмотря на постигшую его почти полную слепоту, мой боевой друг периода боев в Польше и Германии, подполковник в отставке Алексей Антонович Афонин, живший до недавнего времени в Омске. Он мой земляк по военному училищу в Комсомольске-на-Амуре, с ним мы не один месяц фронтовых будней провели в штрафбате бок о бок. Я даже рискнул в 2005-м юбилейном году Победы, невзирая на свои тоже преклонные лета и неблестящее здоровье, съездить к нему в Сибирь, чтобы еще раз пообщаться и «подзарядиться» его живыми воспоминаниями. Почти «дотянув» до 93 лет, в январе 2012 года он ушел навсегда.

Несколько лет тому назад удалось найти в Рыльске через военкомат Курской области старшего лейтенанта Костюкова Алексея Ивановича, командира взвода моей роты, участвовавшего в захвате плацдарма на Одере. Мы постоянно держали связь, он многое тоже успел поведать, но пришло и его время 21 мая 2013 года.

Вот и все! Теперь из тех, кого мне удалось найти из нашего штрафбата, не осталось никого. Ведь нам, тогда еще совсем молодым, теперь уже за 90, а многие мои друзья ушли из жизни, не преодолев и этот роковой рубеж.

Дорогие моей памяти имена друзей, упоминаемые в описании боевых действий и фронтового штрафбатовского быта, по праву могли бы быть среди моих соавторов. Как пелось в одной советской пионерской песне, «без друзей меня чуть-чуть, а с друзьями много». Их фамилии с краткими данными читатель найдет в специальной главе моей книги, где, наряду со штатными офицерами, я поместил также документально установленный мартиролог офице-

ров-штрафников нашего батальона, погибших на полях сражений, отдавших жизни за Родину, за возвращение прав и чести советских офицеров.

И сегодня я в постоянном поиске документов о штрафбатах, а также тех, кто хранит воспоминания, фронтовые фотографии, так или иначе связанные с историей нашего штрафбата документы о своих отцах или дедах, пополняю сведения не только о нашем штрафбате. Уже в 2014 году откликнулся Кирилл Батуркин, внук одного из моих близких друзей, командира пулеметной роты майора Бориса Тачаева. От них всех я получил драгоценные материалы об их героических предках, документальные материалы и воспоминания, в сокращенном виде помещенные в Приложении 6 и дополнившие эту документальную повесть.

Я сожалею, что просто не смогу перечислить всех добрых людей Беларуси, где мне посчастливилось бывать, будь то Минск, Брест, Гомель, Любань, Хатынь или ставший мне близким Рогачев, с его селами, агрогородками, весками (деревнями). Моя искренняя и безмерная благодарность энтузиастам, сердечным людям, Римме Ястремской, Людмиле Гулевич и еще многим, помогавшим мне сбором материалов о Рогачеве, об их знатном земляке, нашем героическом комбате полковнике Осипове Аркадии Александровиче.

Конечно, восстановить даты событий, рубежей обороны и полос наступления мне помогли мемуары известных личностей – военачальников Великой Отечественной войны, прежде всего Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, генералов А. В. Горбатова, С. М. Штеменко и других. Во многом мне помогла официальная военно-историческая литература, а также публикации известных военных историков Юрия Рубцова, Игоря Пыхалова, Владимира Дайнеса.

Итак, собственная, врубившаяся навеки память, переписка с друзьями, их потомками, работа со справочными изданиями, архивными материалами и военными мемуарами и многое другое позволили мне создать эту книгу. При этом использованы малоизвестные широкому читателю архивные документы именно по нашему 8-му штрафному батальону, и теперь подлинность событий, происходивших в нем, подкреплена множеством ксерокопий архивных документов того времени, которые любезно предоставлены мне Центральным архивом МО РФ из Подольска, его добрыми людьми. Мои просьбы всегда встречают благосклонность работников архива, и прежде всего начальника архива полковника Игоря Альбертовича Пермякова и его заместителя Натальи Михайловны Емельяновой. Моя безграничная признательность им, понимающим важность правдивых публикаций об истории войны.

Особую признательность выражаю вице-президенту российского общества «Знание», председателю правления МОО «Общество „Знание” Санкт-Петербурга и Ленинградской области», доктору экономических наук, академику, профессору, ректору Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права Сергею Михайловичу Климову и главному финансисту этого общества, заслуженному экономисту Российской Федерации Антонине Васильевне Ружа. Именно они, в те переломные и тяжелые годы после развала Советского Союза, отважились финансировать первую публикацию моей книги «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина». Вышедшая в ленинградском обществе «Знание» двумя изданиями моя книга «Штрафной удар, или

Как офицерский штрафбат дошел до Берлина» была первой правдивой публикацией о конкретном, 8-м Отдельном штрафном батальоне, прошедшем с боями от Сталинграда до Победы. Она фактически дала путевку в жизнь другим моим книгам, хотя в эти годы были и прямо противоположные «произведения», изображающие извращенно историю этих непростых формирований Великой Отечественной войны. Законодательное собрание Санкт-Петербурга, «высоко оценив историческое значение книги „Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина”», присудило мне в 2005 году Литературную премию имени Маршала Советского Союза Л. А. Говорова.

Вскоре, также двумя изданиями в Лондоне (Англия), вышла в переводе на английский эта книга под названием «Penalty Strike» общим числом 2250 экз. Наши российские издательства «Яуза», «ЭКСМО» тоже откликнулись и издали мои книги значительным тиражом. Белорусское издательство в Минске после тщательной сверки фактологии текста в Институте истории Национальной академии наук Беларуси дважды издавало «Страницы истории 8-го штрафного батальона 1-го Белорусского фронта», снабдив издание грифом «научно-популярное».

В 2012 году московское издательство «Вече» выпустило еще одну, значительно большего объема, книгу «Штрафбат в бою. От Сталинграда до Берлина без заградотрядов». Все мои книги о штрафбатах оказались так востребованы, что в продаже их даже в интернет-магазинах не найти.

Таким образом, вопреки фальсификаторам, вместе с другими честными военными историками мы вводим в научный оборот правдивые сведения о штрафбатах. Чаяния представителей поколения победителей о том, чтобы успеть рассказать правду о нашем прошлом, выразил в своих стихах весьма уважаемый мною ленинградский поэт, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств Анатолий Владимирович Молчанов, которого я часто цитирую. Этот неординарный человек пережил в детстве ленинградскую блокаду и остался ленинградцем на всю свою жизнь. Она, к величайшему сожалению, уже оборвалась, прямо скажем, из-за «перестроенной», «модернизированной» на рыночный лад отечественной медицины. Это был потрясающе правдивый поэт, боровшийся за правду до конца своих дней.

Вот такая нам выпала доля,
Всю советскую правду хранить.
И пока мы живем – не позволим
Нашу правду другой подменить.

Перед памятью автора этих строк, перед памятью воинов, отдавших свои жизни ради свободы Отечества, ради тех поколений, которых долгие годы старательно вводили в заблуждение злонамеренной ложью всякого рода дельцы от истории и литературы, я тоже считаю своим долгом *«не позволить нашу правду другой подменить»*.

На мои довольно долгие годы жизни вообще (уже пройден порог 90-летия) и 40-летней армейской службы в частности, выпало много событий, встреч с людьми, разными и по характерам, и по той роли, которую они сыграли в моей жизни.

Главная цель этой моей книги: показать то непростое, но поистине героическое время через людей, с которыми меня сталкивали обстоятельства, через события, которыми заполнялась жизнь. Показать и ту Эпоху, которая осталась теперь лишь в нашей памяти, да еще и в честных произведениях представителей, увы, уже уходящего поколения победителей. Жаль, не отражена она достойно в школьных или вузовских учебниках и даже заменена солженицынскими профанациями. А правду об этом времени нужно знать и помнить всем, кто приходит нам на смену, чтобы не вырасти «Иванами, не помнящими родства».

В этой новой книге, в отличие от прежних моих изданий, много совершенно новых документальных материалов, которые дали ей новое направление, характерную фабулу. Здесь показан не только штрафбат в войне, но и взаимосвязь условий появления подобных формирований, соотношения категорий «преступление-наказание-искупление». А от «романов» или всякого рода аналогичных публикаций на «штрафную тему» без указания «адреса», документальной базы и реальных лиц, описываемых событий книга отличается тем, что в ней нет ни одного вымышленного события, ни одного надуманного боевого эпизода, ни одной нереальной

фамилии персонажа. Исключениями могут быть только те фамилии, которые память просто не удержала.

Как говорил в свое время великий Маяковский:

<...>

Моя фамилия в поэтической рубрике.

Радуюсь я – это мой труд

Вливается в труд моей республики.

Радуюсь и я, что хоть не в «поэтической рубрике», но своими книгами, вливающимися в труд честных историков, открываю правду, пусть об одной только, весьма сложной грани большой и тяжелой войны, выпавшей на долю нашего поколения, к сожалению извращенной недобросовестными писаками. В отличие от писателей-сочинителей считаю себя писателем-документалистом, писателем-ме-муаристом на основе строгой правдивости. Высшей оценкой своих книг считаю мнение известного советского писателя Юрия Васильевича Бондарева, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР, признанного классика советской военной прозы: «Получил Вашу книгу... Материал интересный, скорее всего – не просто материал, а документ Великой Отечественной войны...» (см. Приложение 6). Многочисленные отзывы и публикации моих читателей подтверждают это. Они в несколько сокращенном виде помещены в том же Приложении.

Не без гордости сообщаю, что правду о штрафбатах, изложенную в моих книгах, известный режиссер студии документальных фильмов «Отражение» из зауральского Кургана Александр Голубкин отразил в фильме «Штрафбатея», который с успехом прошел на многих международных кинофестивалях, завоевал «Гран-при» и множество дипломов.

Жаль, нашего «Штрафбатю» не пускают на официальные телеканалы. Зато там лживый 11-серийный «Штрафбат» Володарского и Достая объявили «самым правдивым», а показывать *правду о штрафбатах* многие из них не хотят.

Многие телеканалы России, создавая документальные ленты на тему штрафбатов, непременно обращаются либо к моим книгам, либо непосредственно ко мне. Правда, некоторые из них в своих фильмах пытались «поправить» домислами реальность, не совпадавшую с их понятиями, например НТВ, «Россия-1». Особенно возмутительно обошелся со свидетельствами фронтовиков Кирилл Набутов (1-й ТВ-канал, серия его фильмов «Пока не поздно»). Я вынужден был потребовать непосредственно от руководителя канала Константина Эрнста снять с экрана эту поделку, оскорбляющую честь и достоинство ветеранов. Этот фильм, как и сама программа, были закрыты, но даже элементарного извинения ни от Эрнста, ни, тем более, от самого Набутова не последовало.

Из множества откликов на мои книги и публикации помещу здесь, вне Приложения 6, лишь несколько, в том числе очень для меня значимый, от коллектива Облученской школы, из которой в 1941 году мы, дальневосточные юноши, шагнули в войну.

«Уважаемый Ветеран, дорогой наш выпускник Александр Васильевич! Ваши книги, публикации в газетах, выступления по телевидению помогают нам несколько иначе взглянуть на жизнь, на окружающий нас мир. Мы в школе проводим обсуждения в старших классах, подобные встречи-обсуждения прошли среди ветеранов и коммунистов города. Вы, Александр Васильевич, для нас являетесь примером стойкости, жизнелюбия и оптимизма.

Коллектив учителей, мальчишки и девчонки Вашей родной Облученской средней школы № 3 имени Героя Советского Союза Ю. В. Тварковского»

В 2008 году, после выхода в свет моей книги «Правда о штрафбатах» и фильма «Цена победы. Генерал Горбатов», прошедшего по ТВ-каналу «Россия-1», в котором состоялось и мое участие, мне посчастливилось познакомиться с Ириной Александровной Горбатовой – внучкой легендарного командарма, генерала Горбатова Александра Васильевича, боевые задачи которого нашему батальону довелось выполнять в Белоруссии в феврале 1944 года. И я с удовольствием привожу здесь фрагменты из ее писем ко мне:

«Уважаемый Александр Васильевич! Еще раз с большим удовольствием прочитала 3-е издание Вашей книги. Ваши воспоминания производят сильное впечатление своей достоверностью, искренностью и глубиной переживаний. Спасибо Вам за теплые слова, сказанные в адрес генерала Горбатова. Никто не останется равнодушным к Вашей правде и той боли, которую Вы испытываете, когда сталкиваетесь с лживыми „произведениями“ новых летописцев нашей Великой Отечественной. У Вас много союзников и среди молодежи. Все же Вы достигали до людей и, несмотря на рекламные кампании, уже редко кто считает тот фильм „по-володарски“ о штрафбате истиной в последней инстанции и смотрит его».

В декабре 2012 года на «Исторических чтениях на Лубянке» с докладом о штрафных подразделениях в Военно-Воздушных Силах РККА выступал доктор исторических наук, профессор А. М. Демидов. Он переслал мне записку, которую привожу дословно:

*«Уважаемый Александр Васильевич. С большим интересом прочитал и продолжаю изучать Вашу книгу. Считаю Вашу работу лучшей из всех прочитанных по очень важной и актуальной проблеме истории Великой Отечественной войны.
С наилучшими пожеланиями, А. Демидов
7.12.12.»*

В это же время меня пригласили на форум «17 марта» провести интернет-конференцию. Длится она более трех месяцев, была насыщенной самыми неожиданными вопросами по истории Великой Отечественной войны от респондентов разных возрастов и социальных категорий. Я, как мог, честно им отвечал. Не буду вдаваться в подробности, но приведу, несколько сократив, мнение только одного из многих участников форума, 38-летнего Станислава Валерьевича О. из Запорожья:

«Хочу выразить свою сердечную признательность Александру Васильевичу за предоставленную возможность из первых уст узнать правду о самой великой – и самой страшной войне. Спасибо Вам за то, что взяли на себя это тяжкий труд. Если бы не вы, фронтовики, нам пришлось бы учить историю по Володарским да по Солженицыным. Желаю Вам вменяемых редакторов в издательствах, которые поймут, что книги писателя Пыльцына нужны не столько лично генералу Пыльцыну, сколько всем нам, живущим сегодня благодаря подвигу многих фронтовиков».

Мои книги не могут, наверное, кардинально изменить что-либо в настоящем. Но они, слава Богу, меняют на диаметрально противоположное то, чему успели «научить», что фальшивого, вредного, антиисторического упорно, бессовестно вдалбливают в умы послевоенных поколений. Особенно активны в этом средства массовой дезинформации.

Газета «Правда» 8.06.2013 года поместила статью Ольги Яковенко «Война окончилась, бой продолжается. Офицер штрафбата опровергает мифы антисоветчиков». В ней отмечается:

«Последние пятнадцать лет Александр Васильевич Пыльцын работает над книгами об истинной роли в войне штрафных батальонов. Личность, биография и взгляды Александра Васильевича привлекают внимание большой аудитории, в том числе и молодежной. Вся его жизнь опровергает множество мифов и фальсификаций, которые сегодня навязывают обществу. Причем, как отмечает Александр Васильевич, методы этих мифов и фальсификаций становятся все более изощренными, расширяется круг фальсификаторов и приемы их творческого влияния».

Здесь, полагаю, очень уместны строки из совсем недавно прочитанного мною сборника стихов современного оригинального поэта-врача Евгения Смолякова, которые очень совпали с моими мыслями о результативности трудов моих:

Все же мне удалось, как в сраженье,
Умирая за каждую пядь,
Пусть в недалеком моем окруженье,
Чьих-то душ бастионы занять.

Надеюсь, и мои книги «занимают бастионы душ» читателей и как-то выправляют искаженные злонамеренной ложью представления о прошлом, пусть не у всех, но у многих из них, как об этом сказал недавно объявившийся внук моего фронтowego друга Бориса Тачаева, Кирилл Батуркин:

«От книги Вашей не мог оторваться. Ожидал встретить „сухой“ исторический очерк, а получилось, что сам окунулся в эту тревожную, иногда жуткую, атмосферу, где есть место и юмору, и оптимизму. Хочу признаться, до этого мои представления в общем основывались на известных штампах: войну выиграли „горами трупов“, „водкой“ и „заградотрядами“. Да и оценки вроде бы уважаемых людей были категорично очернительными. Я имею в виду вроде бы солидного писателя В. Астафьева, роман „Прокляты и убиты“ которого я и считал образцом „последней правды“ о войне. Да и вообще, нам настойчиво прививалась идея о том, что вся „правда“ – она оттуда, с Запада, ее и надо слушать, на нее равняться. Последние события показывают: такого потока бесстыдной лжи и хамства от западных СМИ и всевозможных „общественников“ на моем коротком веку еще не было. Очень хорошо, что все наконец встало на свои места».

Я очень благодарен всем, кто правильно меня понимает и это понимание старается донести до широких масс. В этом ряду я отмечаю честные СМИ: российский телеканал «Культура», МТРК «МИР» за уважительное отношение к созданию документальных лент и телеинтервью на «штрафную тему», православный сайт «Русская народная линия» и сайт «17 марта», публикующий мои статьи по «штрафным» и другим современным проблемам без искажений и «поправок».

Только добросовестные историографы, честные военные историки, пишущие о штрафбатах и других штрафных формированиях, докапываются до истины, глубоко исследуя архивные материалы. Большинство же современных журналистов, касаясь этих непростых событий, обычно пользуются публикациями того времени, когда по законам строгой цензуры практически о штрафных батальонах и ротах ничего не было в открытой печати.

То «штрафбатовское» время, конечно же, нельзя оторвать от всего, что ему предшествовало, и от того, как оно повлияло на мою долгую последующую воинскую службу и жизнь вообще. Само определение меня в штрафбат, хотя и на командную должность, многие другие факты, происходившие со мной на фронте и вообще в моей 40-летней воинской службе, рож-

дали иногда неясные, а иногда и вполне обоснованные предположения, что меня тоже *каким-то образом наказывают* за репрессированных отца и брата матери. Будто я должен как-то расплачиваться за то, что они были осуждены по общеизвестной тогда 58-й статье УК РСФСР.

Во многом такие предположения были не иначе как плодом воображения, но, к сожалению, не всегда. О большинстве всех фактов и сомнений по поводу этой связки **преступлений** и **наказаний** я упоминаю по ходу событий и на фронте, и в своей дальнейшей многолетней воинской службе. Мне пришлось в этих целях совершать экскурсии и в «доштрафное» время воинской службы, и даже в детские годы, ибо все это формировало и взгляды, и сознание, и мировоззрение, которые тем или иным образом проявлялись в боевой обстановке. Как говорят, «и ежу понятно», что оболванивание масс, особенно через популярное ныне телевидение и некоторые сайты и сети Интернета, привело к неадекватному восприятию, прежде всего подрастающим поколением, исторических фактов. Налицо довольно печальные результаты, когда весь советский период истории нашей страны в умах нескольких уже поколений видится через «солженицынский ГУЛАГ» или астафьевских «Проклятых и убитых».

Есть у поэта-фронтовика Василия Дмитриевича Федорова такие строки, написанные еще в 1956 году:

Все испытав, мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая, займет наш враг.
Займет, сводя все те же счета,
Займет, засядет, нас разя...
Сердца! – да это же высоты,
Которых отдавать нельзя!

Упустили мы, по крайней мере и у себя в России, и во многих бывших советских республиках, это предупреждение фронтовика. Грянула так называемая «перестройка» умов, затеянная и во многом довольно успешно осуществляемая псевдоисториками и фальсификаторами по «забугорным» рецептам и «дорожным картам». Она уже привела к тому, что в сердца наших людей проникли антинародные идеи, и в том числе – отрицание Великой Победы советского народа над немецким фашизмом.

Как можно не откликнуться на слова поэтессы Клары Аникиной, которая призывает:

День Победы – весенний, прекрасный,
Озареньем уходит в века,
И чернить его ложью напрасно:
Вера наших детей – в нас – крепка!
Ветеран, пока жив, защищайся,
Гордо встань, правду-матку скажи!
С борзописцами словом сражайся,
Не сдавай, ветеран, рубежи!

Вот мы, фронтовики Великой Отечественной, кто еще жив, не сдаем завоеванные рубежи, не складываем оружия в борьбе за правду о героизме советского народа в той уже давней, но близкой нам войне, приведшей к разгрому германского фашизма. Даст Бог, придем и к разгрому любого другого фашизма, нацизма, в какие бы одежды они ни рядились, какие бы маски ни надевали, бандеровские или им подобные. И вдохновляют нас на эту борьбу наши сверстники, честные прогрессивные писатели, поэты, и наши молодые потомки, верящие в

нас. Растет плеяда честных историков молодого поколения, к которым я отношу и моих друзей Игоря Пыхалова, доктора исторических наук, профессора Юрия Рубцова, доктора философских наук, председателя Петербургского исторического клуба Андрея Вассоевича, в своих книгах, статьях, теле- и радиопередачах опровергающих злостные измышления вралей-антиисториков. Когда же наступит и наш, воинов Великой Отечественной, последний час, то уверен, наши идейные последователи будут так же вместо нас стойко бороться за правду о Священной войне, помня твердо:

Но ведь была она, была Победа,
И недругам ее,
Своим или чужим, – не отдадим!

Наверное, из этого, несколько распространенного, введения в тему книги читатель понял, о чем пойдет речь в ней, на какой исторической и нравственной позиции стоит и стоять будет оставшаяся жизнь ее автор. Книга эта поможет раскрыть *особенности преступлений и наказаний за них* направлением в штрафные формирования, а также *искупления вины* в них, перевоспитания и даже покаяния. Автор будет очень рад, если его точку зрения на наше прошлое разделят представители тех, кому жить в будущем, кто уже сменяет наше, увы, уходящее поколение.

Хронологию своего повествования, как уже говорил выше, я прерываю иногда просто необходимыми главами и вставками, то о своей довоенной, то послевоенной жизни. Но все это, как мне пишут многие из читателей, им интересно, так как большинство из них активную, взрослую жизнь начали в конце 20-го века, а то уже и в 21-м. А мы, ветераны Великой Отечественной – аборигены прошлого века, прошлой социально-политической формации общества, – хорошо понимаем, что многим хочется знать, *как все это было тогда*. Как соотносились в годы войны понятия ПРЕСТУПЛЕНИЕ и НАКАЗАНИЕ, какой ценой добывалось ИСКУПЛЕНИЕ вины в войне.

Книга эта о прошлом, а читатель может сравнивать это с настоящим и находить пути к лучшему будущему. Есть одно очень меткое выражение: «Кто не хочет знать прошлое, тот не имеет права на будущее».

Великий Тютчев полтора века тому назад написал знаменитое:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Да, нам не дано... Но как хотелось бы, чтобы каждый, кто оставляет свое слово потомкам, мысленно продолжил для себя великое завещание Федора Ивановича хотя бы такими словами: *Но чтобы не иметь вины, мы предугадывать должны!*

Автор рассчитывает и будет очень рад, если наше доброе слово о прошлом отзовется сегодня и в будущем, как беспристрастное выражение любви к своей родине, своему народу. Надеюсь, что нашу точку зрения на героическое прошлое разделят представители тех, кому жить в будущем, и, несмотря на кликушество русофобов и антиисториков, наше слово вызовет то сочувствие, которое и есть благодать.

Для пожилого человека естественно ностальгировать по времени своей молодости. Моя эта работа – тоже ностальгия, но не столько по нашей молодости и времени, выпавшему на нашу боевую юность. Это ностальгия *по любви к Отечеству*, за которое полегли в землю мои родные братья, мои боевые друзья, в том числе и офицеры-штрафники, с кем довелось нам,

их командирам, делить непростую фронтовую судьбу. И так хочется передать высокое чувство патриотизма, преданности и любви к многострадальной Родине – России – нашим потомкам, в будущее.

Дорогие читатели! Любите Родину, любите истинную, не искаженную и не извращенную ее историю, полную героизма, самопожертвований и Побед. Счастливого, справедливого будущего вам!

Глава 1

Сберечь истинную историю войны и Победы

*Хватит измыываться над Победой,
Крокодильими слезами обливаясь.
Вы там не были, а значит, вы – невежды!
Вам раз плюнуть – прошлое охаять...*

Павел Апидамский

*О дети словоблудья, ваш удел —
Плести словесной лжи тугую пряжу.
Чернить того, кто был белей, чем мел,
И обелять того, кто был чернее сажи.*

Автор не установлен

Сберечь истинную, а не надуманную историю всего нашего героического поколения так важно сейчас, когда она, эта история, порой бессовестно, тенденциозно искажается, извращается некоторыми «историками», писателями, сценаристами, драматургами.

Особой целью фальсификаторов является тема штрафных батальонов. И, спекулируя на этой мало раскрытой истинными историческими документами теме, лжеисторики, спекулянты на истории, чаще всего педалируют соотношения вины и уровня ответственности за нее, то есть ПРЕСТУПЛЕНИЯ и НАКАЗАНИЯ. При этом еще клеветуют на установленные на военное время формы ИСКУПЛЕНИЯ вины.

В средствах массовой информации мода охаять нашу военную историю привела к тому, что необычные воинские формирования Великой Отечественной войны – штрафбаты – стали освещаться как дикая смесь слухов о фронтовых офицерских штрафбатах и армейских штрафных ротах, якобы комплектуемых преступниками-рецидивистами из мест заключения, с царящими в них тюремно-лагерными порядками. В постсоветские годы, а перед юбилеями Победы особенно, в различных российских СМИ усиливался поток публикаций «популярных» авторов, демонстрация телефильмов на «штрафную» тему.

В первую очередь я имею в виду 11-серийный «художественный» фильм «Штрафбат», поставленный режиссерами В. и Н. Досталь по одноименному роману Эдуарда Володарского и показанный к 60-летнему юбилею Победы.

В этом фильме (и романе) все перевернуто с ног на голову! Самое первое, что во всех таких киноподелках нужно опровергать, – не офицерских штрафбатов просто не было! Штрафбаты состояли *только* из проштрафившихся (совершивших преступления или серьезные нарушения дисциплины) офицеров. Умышленное смешение провинившихся офицеров, рядовых дезертиров и разного рода уголовников в одно понятие – «штрафбат» – характерно для многих, не желающих знать истину. Никаких «врагов народа» или уголовников-рецидивистов к фронту и близко не подпускали. Почему же создатели фильмов, берущиеся за эту тему, не читают не то что правдивых публикаций, но даже много раз уже опубликованный приказ Сталина «Ни шагу назад!», коим и учреждались штрафные батальоны и роты?

В канун 60-летнего юбилея Победы мне в составе делегации Межрегиональной организации Общества «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области довелось побывать на гостеприимной земле Беларуси, в Минской области. Не буду говорить о ярких, незабываемых

мых впечатлениях, которые остались у нас от увиденного там во время этой поездки. Какое впечатление произвел скандальный фильм «Штрафбат» на участников Великой Отечественной, свидетельствуют строки из статьи «А душа молода» в белорусской военной газете «Во славу Родины». Там шла речь о бывшей фронтовой медсестре Серафиме Ивановне Панасенко, посмотревшей этот «художественный» фильм. Вот только цитата оттуда:

«Часть войны стрелковый батальон, где служила медсестрой Серафима Панасенко, прошел плечом к плечу с фронтовым штрафбатом... После того как на российском телевидении был показан нашумевший сериал „Штрафбат“, этот теле „шлягер“ привел Серафиму Ивановну в негодование. Вместо реальных штрафников, с которыми ее однополчане брали Кенигсберг, шли в атаки на врага с криком „За Родину!“, „За Сталина!“, которых вовсе не нужно было выгонять на передовую под дулом пистолета, фронтовичка увидела бандитов-рецидивистов. Вместо удовольствия от фильма, снятого как раз в канун 60-летия Победы, в душе остались обида и боль».

Этой киноподелке, несмотря на массовое неприятие ее ветеранами из-за оскорбительных искажений исторических фактов, присваивали звучные эпитеты, вроде «шедевр из золотой серии отечественного киноискусства», «художественное воплощение истинной правды о войне», «самый правдивый фильм о войне» и т. п.

Несмотря на шквал критики фильма, позиция постановщика 11-серийного «Штрафбата» Н. Досталю четко им обозначена (например, в «АИФ» № 21, 2010 г.), где он договаривается до того, что в той войне «столько миллионов убито... зазря». По Досталю выходит: лучше было позволить Гитлеру уничтожить всю «советскую нацию», чем жертвенно защитить свою страну и мир от уничтожения и порабощения.

Жестко и справедливо критикуют эти фильмы и их идеологов от рядовых фронтовиков до президента Академии военных наук и честные исследователи документов того времени. Однако российское телевидение ежегодно «крутило» этот злонамеренно лживый фильм фактически и по всему миру специально подгадывая то ко Дню Победы, то к другой военно-исторической дате. Сегодня, когда «штрафная» тема стала модной, многие коммерческие издательства бросились собирать «сочинения» людей, что-то слышавших о штрафниках или просто способных на выдумки. Видимо, рейхсминистр пропаганды Геббельс был не первым (первым был Гитлер в своей «Майн кампф»), но и не последним, кто поклонялся известному постулату: «Чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят».

Общеизвестно, что нынешнее молодое поколение предпочитает получать информацию с телевизионных или смартфоновских экранов, планшетов и т. и. После выхода на телеэкраны сериала «Штрафбат» они эту информацию получили. Очень непросто теперь убедить их в том, что увиденное не имеет ничего общего с действительностью, что авторы фильма не имели даже приближенного представления о реальных штрафбатах и не захотели его получить. Опровергателям такой «информации» на те же экраны не пробиться, а книги или другую «бумажную» информацию, которая честным критикам доступна, большинство современных молодых людей активного возраста игнорирует.

Наша славная история искажена и в фильме Н. С. Михалкова «Утомленные солнцем-2», в котором знаменитый режиссер «отправил» своего героя, «врага народа» Котова, и целый лагерь политзаключенных в штрафбат в самые первые дни войны и явно на запредельный срок. Хотя известно, что штрафбаты создавались лишь с августа 1942 года и срок пребывания в них был не более трех месяцев, а политзаключенным туда путь вообще был закрыт.

В 2011 году по телеэкранам прошла кинофальшивка Пиманова «Жуков», вызвавшая у нас, ветеранов, просто омерзение. В главной роли – теперь уже известный актер Александр Балуев. Главным содержанием этого фильма является отнюдь не полководческий гений леген-

дарного Маршала Победы, спланировавшего и выигравшего самые крупные сражения Великой Отечественной войны, – нет, в этом фильме рассказывается о «сексуально озабоченном» бабнике, и выдается это за «правду, которую утаивали», а его полководческий авторитет игнорируется.

Что касается Пиманова, то у меня с ним тоже был контакт, и тоже малоприятный. Буквально за неделю до 60-летия Победы меня в Санкт-Петербурге навестила съемочная группа от Пиманова, тогда генерального директора ТК «Останкино». Цель – записать на видео рассказ о нашем штрафном батальоне, как свидетельство человека, прошедшего штрафбатовскую школу. Съемка состоялась, мне даже сразу назвали дату телеэфира, вручили поздравительную открытку от Пиманова и тысячерублевую купюру, которую я воспринял как полагающийся гонорар или как подарок ко Дню Победы.

Но пришло назначенное время, прошел и День Победы, а моего интервью не было. Миловидная женщина, возглавлявшая съемочную группу, на мои телефонные звонки отвечала уклончиво, а потом сообщила, что материал забракован, а ее уволили, как не справившуюся с заданием. Я понял, что заказчик, то есть Алексей Пиманов, рассчитывал получить материал в духе «Штрафбата» Володарского-Досталя или подтверждающий хотя бы основные версии их фильма, но ничего подобного не получил и отснятый видеоматериал забраковал.

Тогда я послал ему письмо, в котором написал: «Вас не устроила истинная правда о штрафбате, и вы, пытаясь выхолостить мое интервью, а потом и вовсе затерли его, так как оно не совпадало с точкой зрения не выдавших войны авторов „Штрафбата“, да и, как оказалось, вашей личной». Назвал его действия открытой попыткой «подкупить» меня этой купюрой, заявив, что «ни за какие иудины деньги, ни за вашу тысячу сребреников мы, ветераны, ни совесть свою, ни память, ни гордость и честь офицерскую не продаем». Письмо опубликовала газета «Советская Россия». Так что мою пощечину, хотя и не реальную, он все-таки, полагаю, получил.

Или другой пример фильмов «наоборот», лента «Сволочи» Антонесеяна. Из арсенала действий фашистов во время войны известны факты, когда они забрасывали подростков с оккупированных советских территорий в качестве диверсантов в наш тыл. Подтверждение этому в Ориентировке Особого отдела НКВД Юго-Западного фронта № 1244/6 от 4 декабря 1941 г.: «Об использовании немецкой разведкой подростков для сбора разведывательной информации о частях Красной Армии в прифронтовой полосе. 15 ноября 1941 г. особым Отд. НКВД 34-й кавдивизии задержаны 3 мальчика в возрасте 8-10 лет. Они рассказали, что в г. Бобруйске немцы собрали до 50 человек детей в возрасте от 8 до 10 лет, не имеющих или потерявших родителей, и обучают их разведывательной работе. После месячного обучения 10 человек были переброшены немецкой разведкой через р. Северный [правильно «Северский»] Донец в районе с. Каменка Харьковской области на нашу территорию...» Однако в фильме режиссера Антонесеяна по сценарию Владимира Файнберга все наоборот: злобные бериевцы засылают диверсантов-малолеток в немецкий тыл или пускают под вражеские пулеметы.

Снова небольшое отступление. С Файнбергом меня познакомили, когда я только работал над первой своей книгой о штрафбате и это просочилось в печать. Тогда он что-то сочинял на «штрафбатовскую» тему и решил мне показать некоторые фрагменты, видимо считая, что все в штрафбатах должны затаить зло на Сталина за создание таких батальонов. Его сочинения не имели ничего общего с действительностью, что я и дал понять Файнбергу.

Но то «художественные» фильмы, авторам которых даже на исторические темы ныне почему-то дают право переиначивать историю на свой лад в угоду «режиссерскому видению».

В этом же ряду и телепередачи! Едва ли фронтовики могли простить канал НТВ за передачу «Генералиссимус», посвященную Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину. Это часть многосерийной документальной телеэпопеи «Алтарь Победы», запущенной к 65-й годовщине Победы. Несмотря на положительную, порой даже восторженную оценку фронтовиками

роли Верховного, заканчивается эта серия таким «итогом»: «Победа в Великой Отечественной войне достигнута советским народом не благодаря, а вопреки Сталину». Будто он всеми силами работал не на свою Победу, а на гитлеровцев, противостоял прославленным генералам и маршалам в управлении войсками, то есть мешал всему советскому народу разгромить врага. А судьей Сталина выступил известный киноактер Кваша, в жизни и понятия не имеющий о войне или о значении в ней даже сержантов, не то что командующих.

Один из команды создателей этого фильма (имя не называю по этическим соображениям) на мое возмущение таким «итогом» отреагировал: «Нам была установка не обелять Сталина». Но тем, кто берется за исторические фильмы, *очернять* историю своей страны только потому, что она в недалеком прошлом была Советским Союзом, – просто подло!

В ленте «Штрафбат» этой же серии судьей мнений фронтовиков, прошедших суровую школу штрафбатов, выступал тоже киноактер Серебряков, утверждавший, что в фильме Володарского с его участием «все правда». Невольно приходит тривиальное «А судьи кто?». Оказывается, на НТВ судьями служат лицедеи, что привыкли произносить, хоть и талантливо, но чужие слова, жить чужими мыслями. Выходит, они лучше знают правду, чем мы, видевшие и саму войну, и штрафбаты в реальности! Но с нашим ветеранским возмущением ныне не считаются ни на телевидении, ни во властных структурах.

После публикации в январе 1985 года в «Комсомольской правде» статьи И. Руденко, впервые открыто рассказавшей читателям о нашем 8-м штрафном батальоне и о долгом моем пребывании в нем в качестве командира, известный писатель-фронтовик Вячеслав Кондратьев прислал мне письмо, где писал, что о штрафниках кое-что слышал, но сам о них ничего не знает, а ему нужно это знать на будущие планы, и просил раскрыть кое-что.

Завязалась переписка, а читая его публикации о войне, я заметил, что в них почти назойливо выпирало стремление найти выражения похлеще. Явно был замечен какой-то излишний натурализм, о чем я, неискушенный в писательском творчестве, не смел ему «указывать». Но подумалось, как бы он не стал на путь извращения штрафбатовской темы.

Наша переписка, однако, вскоре была омрачена публикацией в «Литературной газете» 1 января 1990 года его комментария «Парии войны» к «документальному» фильму Льва Данилова «Штрафники». Кондратьев, в действительности не соприкасавшийся со штрафбатами или штрафниками вообще, но со склонностями к поиску «острого», «необычного», был, вероятно, обманут такими «знатоками», как Данилов. В той статье Вячеслав Леонидович писал, что поскольку в годы войны Сталину «нужна была армия бесплатной рабочей силы», то за пустяки давали «чудовищные сроки», а потом пополняли этими зэками штрафбаты. Вот и здесь как шило из мешка торчит главная у «знатоков» мысль несоответствия преступлений мере наказания. Ссылался он и на «заградовские» пулеметы. Мне стало обидно, что он поверил Данилову и не принял во внимание свидетельства офицера, варившегося в этом «штрафном котле» до самой Победы.

Написал я Вячеславу Леонидовичу сердитое письмо. В нем позволил себе указать ему, что в кадре, где изображен станковый пулемет за цепью наступающей пехоты, обычный рядовой пехотинец поймет, что это просто огневая поддержка пехоты, а огнюдь не «заградовский» пулемет, как это утверждается в фильме. И еще добавил: «Как это вы, фронтовик-сержант, опытный боец, да еще с солидным стажем довоенной службы, поверили бредням какого-то киношника, не нюхавшего фронтового пороха». Видимо, Кондратьев обиделся. Ответа от него я не получил и сожалел, что наша переписка оборвалась.

Спустя много времени, 20 сентября 1994 года в газете «Правда» из статьи В. Кожемяко «Последний выстрел сержанта Кондратьева» узнаю о самоубийстве Вячеслава Леонидовича. Стало как-то не по себе...

Владимир Владимирович Путин, став уже Президентом России, говорил 22 июня 2001 года: «Мы будем защищать правду об этой войне и бороться с любыми попытками исказить эту

правду, унижить и оскорбить память тех, кто пал, поскольку историю нельзя исказить». Еще через пять лет, в 2006 году, как и все участники войны, я получил стандартное поздравление с Днем Победы, в котором, напоминая о 65-летию с трагической даты начала Великой Отечественной войны, Владимир Владимирович писал: «Исторический масштаб и значение Победы не подвластны времени. Ведь то, что было истинно великим, останется великим навсегда».

Дмитрий Медведев, сменивший его на посту Президента, спустя три года в своем обращении к участникам Отечественной войны, констатировал: «Мы стали чаще сталкиваться с тем, что называется сейчас историческими фальсификациями... Мы никому не позволим подвергнуть сомнению подвиг нашего народа». Но почему-то бесконечно и безнаказанно позволяем, позволяем, позволяем...

Летом 2009 года Медведев даже издал Указ о создании специальной «Комиссии по противодействию фальсификации истории». В составе этой комиссии, как ни странно, не оказалось ни одного ветерана войны или видного и честного военного историка...

Жаль, что ни эти призывы руководителей нашей страны, ни Указ о «противодействии» не стали рекомендацией для все более наглеющих любителей «свободы слова», «переоценщиков» нашего героического и трагического прошлого.

Все это должно было заставить нашу Российскую Думу действительно задуматься над вопросами ответственности за злонамеренное искажение исторических событий Великой Отечественной войны. Не следовало отклонять подобные законопроекты, как она отвергла в 2009 году подобное предложение тогда еще руководителя МЧС Сергея Шойгу из-за того, что такой закон «нарушает права граждан на свободу выражения мнения».

Когда уже министр обороны Сергей Шойгу во время активизации неонацистских сил на Украине возобновил свое предложение, наша Госдума наконец ускорила принятие «Федерального закона о введении уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, а также распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР во время Второй мировой войны». Закон этот принят Госдумой в апреле 2014 г., а 5 мая 2014 г. его подписал Владимир Путин. Конечно, если бы этот закон был принят намного раньше, как давно требовали этого ветераны Великой Отечественной, может, и не случилось бы такое масштабное оживление бандеровщины на Украине, да и русофобов у нас дома. Жаль, что не только они и сегодня продолжают утверждать, что *только пулеметные заслоны послужили причиной подвигов* бойцов Красной Армии. Отдельные высокопоставленные политики, к сожалению, тоже.

Очевидное и культивируемое историческое невежество таких «знатоков», их клевета на героев Великой Отечественной войны заставляют спросить: не заградотрядовские ли пулеметы принудили 470 бойцов повторить подвиг пехотинца

Александра Матросова, закрыв своими телами вражеские амбразуры? Или 506 авиаэкипажей совершали подвиг Николая Гастелло, направляя свои самолеты на войска и технику врага, тоже под угрозой пулеметов мифических энквэдэвских «заградсамолетов»? И если ни один корабль, ни одна подводная лодка советского ВМФ не спустили боевой флаг перед противником, то это все было «эффектом заградотрядов»?

Как и честные военные историки, я тоже утверждаю, что и за штрафбатами, в том числе за нашим 8-м ОШБ 1-го Белорусского фронта (бывшего ранее Сталинградским, Донским, Центральным и просто Белорусским), как и за армейскими штрафными ротами, *никогда не выставлялись заградотряды*, создаваемые в соответствии с тем же приказом № 227. Современные истинные историки, при самом тщательном поиске, не обнаружили архивных свидетельств того, что заградотряды гнали в атаку свои войска под дулами пулеметов или расстреливали отступающие войска.

Однако не я первый встаю против кинодеятелей, сочинявших клеветнические «художественные» киноподелки, и любителей демонизации заградотрядов. Ведь та ложь, которую они пытаются внедрить в сознание масс, даже в первом приближении ничего общего не имеет

с исторической правдой. Признанным боссам киноиндустрии давно следует взять за правило *максимум исторической точности и строгую взвешенность собственных фантазий*, вспомнив хотя бы грозные слова бывшего президента Медведева о том, что «мы никому не позволим подвергнуть сомнению подвиг нашего народа». Тем более что их выдумки порой переходят даже границы приличия.

Моя безмерная благодарность всем моим респондентам, так высоко оценившим и мои книги о штрафбатах, и мою позицию в борьбе против разного рода лжеисториков и фальсификаторов в нашей военной истории.

Все подобные проблемы Великой Отечественной войны, ставшие с некоторых пор «спорными», убедительно, с большой доказательной базой, подробно отражены во многих уже публикациях, в том числе в книге Игоря Пыхалова «Великая Оболганная война» (М., «Яуза»), выдержавшей многократные издания. Какой зубодробительный отпор дан в ней новоявленным клеветникам России!

Отрадно нам, старшему поколению, что, несмотря на огромный наплыв антиисторических фальсификаций разного толка, очернителям прошлого не удалось затуманить мозги всем поколениям, приходящим нам на смену. А значит, выживет истина, будет жить славная, не запачканная лгунами и фальсификаторами, героическая история нашей Великой Родины!

Как образно и точно сформулировал ленинградский поэт Анатолий Молчанов оценку того действительно немислимо тяжелого военного времени и для воинов, и для всей страны:

Да, нам было немислимо плохо,
Путь к Победе был устлан костью...
Но всегда, до последнего вдоха,
Мы советскими были людьми.

Фальсификаторы и очернители героического прошлого нашей истории искусно и умело (надо отдать им должное) формируют негодование потомков по поводу коммунистической идеологии и социалистических ценностей, презрение ко всему советскому периоду нашей Родины. То ли безнаказанно, то ли прямо по вражеской указке внедряют они в еще не окрепшие умы и души молодежи чувства безразличия, а подчас и ненависти к той великой Родине, которую мы, советское поколение, не жалея ни сил своих, ни самой жизни, защищали от фашистского нашествия. По их мнению, и войну-то народ выиграл сам, не благодаря умелому руководству наших маршалов и генералов, а лишь «трусами своих солдат врага забросавших», «кровью советских людей заливших Европу».

Немецкие военные знамена и штандарты – к подножию Мавзолея Ленина, 1945 год

Может, устроители парадов 9 мая в Москве и других городах в честь Победы, веря им, не упоминают на этих парадах ни одного командующего фронтом, не говоря уже о Верховном Главнокомандующем. А о том, как поверженные фашистские знамена бросали к подножию Мавзолея на Параде Победы, стараются вымарать из исторической памяти людей, пряча от участников и гостей парадов это историческое место декоративной фанерой, будто какое-то стыдное место. Получают установки и специалисты, организующие с Красной площади трансляции любых торжеств, чтобы Ленинский мавзолей не попал в объективы телекамер.

Конечно, известная всему миру трибуна на Красной площади могла напоминать, что тогда на ней стоял другой, истинный Верховный Главнокомандующий, действительно приведший свою страну и свой народ к Великой Победе.

В последние десятилетия появилось много «искателей правды», которые во всей непростой военной истории нашей страны выискивают и беспардонно преувеличивают только негатив, а если его не находят, то безбожно лгут, выдумывая небылицы.

Одни умышленно, другие по неразумению уродуют правду прошлого, внедряют неверие в героизм советского народа и его высокий патриотизм, проявленные в годы смертельной опасности, нависшей над Отечеством, сеют определенный нигилизм, своего рода «депатриотизацию», «дегероизацию». Все советское, так или иначе связанное или намеренно связываемое с именем Сталина, свалено в сточную канаву лжи и клеветы. Хотелось бы напомнить этим клеветникам слова фронтового поэта Фатыха Карима, погибшего в боях под Кенигсбергом в 1945 году. Он, словно оттуда, из небытия, дает нам потрясающий совет:

Собрать бы мне на площади большой
Всех подхалимов и клеветников,
Отрезать языки тупым ножом
И бросить их голодной своре псов!

Одумайтесь, клеветники и злопыхатели! Ведь если праведники наши с того света хотят провести над вами такую экзекуцию, то уж ТАМ, куда всем нам неизбежно придет время уходить, вам надо будет держать ответ не только перед Богом, но и перед ними. Верить в это предсказание или нет, дело каждого. Но все равно это что-то значит!

А ниспровергатели достижений Советского Союза, в том числе и в Победе над фашизмом, изошряются в способах своих нечистых дел. Всем памятна история с конкурсом «Имя России», когда только «нужный подсчет» голосов «исключил» Сталина из победителей этой акции.

В 2014 году нашим ВГТРК было решено провести новую акцию к Дню Победы 9 мая, общероссийский конкурс «Имя Победы». Учитывая результат предыдущей акции и все возрастающий в народе авторитет имени Сталина как выдающегося военачальника и государственного деятеля, авторы новой акции приняли свои, явно целенаправленные, меры.

Во-первых, в список претендентов на имя, наиболее подходящее к Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., не включили имя Сталина, пытаясь отделить, «отвязать» в сознании народа имя Сталина от Победы в Великой Отечественной войне и еще раз утвердить уже много раз провозглашенную антиисторическую идею: «Народ победил не благодаря, а вопреки Сталину». Тем самым это имя намеренно и надежно изъяли не только из явных претендентов на первенство, но и вообще из участия в проекте. Можно сказать, переиначивая известную фразу, «нет претендента – нет проблемы». Если бы в списках ВГТРК имя генералиссимуса было, то не нужно быть оракулом, чтобы предугадать итоги голосования.

Во-вторых, несмотря на то что акция «Имя Победы» приурочена именно к годовщине Победы 1945 года в Великой Отечественной войне, в список включили имена многих даже малоизвестных в истории России. В итоге был сформирован список из ста военачальников, начиная с древнерусских князей Вещего Олега, Святослава, даже Мстислава Удатного (Удалого), заканчивая нашими современниками, такими как генералы Лебедь и Шаманов, к Великой Отечественной никакого отношения не имеющих.

Похоже, что этот список ста российских военачальников составлен по примеру американцев, опубликовавших в свое время список 100 великих полководцев мира, в котором Сталина тоже нет, зато Гитлер там 14-й по «величию». Этот «великий» проиграл войну Сталину! Из советских полководцев Маршал Победы Жуков – после Конева, который почему-то впереди, на 54-м месте. Всех туда собрали, даже второразрядных американцев, а Чуйкова, Говорова и многих других наших маршалов и генералов в этом списке вообще нет. Вот откуда наши «знатоки» военной истории получают «установки», ноты чьих песен на их пюпитрах.

Всем ясно, что ни древние Вещий Олег или Удатный, как и современный, уважаемый мною, командующий ВДВ генерал Шаманов, да и почти вся остальная сотня из списка, тем более Колчак, Деникин и многие другие, к Великой Победе 9 мая 1945 года никаким образом не причастны. Значит, устроители акции «Имя Победы» таким шулерским способом Победу над фашисткой Германией в небывалой в истории мира войне уподобили то ли битве Вещего Олега с «неразумными хазарами», то ли битве Удатного при Калке, то ли даже колчаковскому беспределу в Сибири. Во всяком случае, здесь совершенно ясно видны уши тех, кто хотел бы принизить значение советской Победы 45-го и стереть ее величие из сознания людей.

Наконец, третье: в прежней акции «Имя России» голосовать можно было по телефону, и в ней могли принять участие все, кому доступен телефон, естественно, в том числе и старшие поколения. Зато в новой акции «Имя Победы» свое мнение смогли высказать только лица, уверенно владеющие компьютерами, что априори выбило из рядов участников голосования ветеранов Великой Отечественной. Ведь известно же, компьютерами из 80-90-летних ветеранов владеют вообще едва ли больше одного-двух процентов. Но именно в памяти этих ветеранов прочно признание выдающейся роли в Победе Верховного Главнокомандующего Сталина.

Похоже, устроители акции «Имя Победы», в дополнение к известным мерам по «монетизации льгот», лишившим участников войны их законных прав и привилегий, решили добавить свое злодейство, искусственно лишили их еще и права высказать свое мнение по далеко не чуждой им проблеме истории России.

В подтверждение предположений о возможных результатах этой акции, будь она проведена честно, надо добавить такой факт. Нижегородское отделение партии «Великое Отечество» и клуб «Суть Времени» справедливо посчитали организаторов общероссийского конкурса «Имя Победы» *специально, обдуманно* исключившими И. В. Сталина из своего списка. Видя такой виртуальный беспредел, нижегородцы создали альтернативный проект «Настоящее имя Победы». Намеренно сохранив все правила, по которым проводился конкурс ВГТРК, в том числе и голосование только по Интернету, добавили лишь две кандидатуры претендентов: Петр I и Иосиф Сталин, умышленно не включенные в проект ВГТРК.

Альтернативный проект «Настоящее имя Победы», без затрат на рекламы в СМИ и обычную раскрутку, всего за две недели собрал более 65 000 голосов. Как и следовало ожидать, первое место уверенно занял Иосиф Виссарионович Сталин, потеснив в проекте ВГТРК на второе место Александра Васильевича Суворова, а на третье – Георгия Константиновича Жукова. Как видно, и без участия большинства ветеранов Великой Отечественной войны, не владеющих компьютером, имя Сталина первенствует в умах и молодых поколений, чего, надо полагать, больше всего и боятся руководители ВГТРК или те, кто их вдохновляет.

Современные «творцы настоящей правды», хулители нашей Победы, снедаемые страстью подражать «главным победителям» в той войне, Соединенным Штатам, не могут подняться до нравственно-духовных высот поколения победителей. В своих измышлениях эти «творцы» пытаются опустить истинных победителей до своего низкого, обывательского уровня злостных ненавистников героического прошлого собственной страны. Наши СМИ практически захвачены подобными «политологами», «историками», «писателями» и прочая, прочая.

Принятый недавно у нас в России Закон об уголовной ответственности *только за реабилитацию нацизма*, к сожалению, пока никого не укротил из разгулявшихся русофобов. Вероятно, именно поэтому все чаще среди молодежи появляются всякого рода фашиствующие, а то и явно профашистские организованные группы. Особенно проявляют они свою антирусскость в связи с оживлением бандеровско-го неофашизма в Украине. Видимо, этот закон пока «действует» так же «эффективно», как, например, законы о противодействии коррупции.

Об уголовной ответственности за фальсификацию в СМИ исторических событий Великой Отечественной войны у нас пока в парламенте, жаль, даже речи не идет. Кстати, в Думе все чаще подменяют понятием «Вторая мировая» очень важный именно для нас, граждан России, термин «Великая Отечественная война». Это явно тоже в угоду Западу и тем, кто хочет вытравить из новых российских поколений сознание *величия* битв именно в защиту Отечества.

И пусть я повторюсь, но еще раз хочу напомнить всякого рода злопыхателям: истина, гласящая, что высшей формой преступления является предательство прошлого, никогда не перестанет быть истиной. И как прекрасно ответил в свое время тем, кто «жалеет» нас, представителей довоенного поколения, известный советский поэт Ярослав Смеляков:

Я не хочу молчать сейчас,
Когда радетели иные
И так и сяк жалеют нас,
Тогдашних жителей России.
Мы грамотней успели стать,
Терпимей стали и умней
И не позволим причитать
Над гордой юностью своей.

Как продолжение мыслей Ярослава Смелякова, привожу опять строки выдающегося ленинградского поэта, члена-корреспондента Петровской академии наук и искусств Анатолия Молчанова, горячее и честное сердце которого, к сожалению, уже перестало биться:

Нам говорят, что наше поколение
Прожило на коленях жизнь свою...
О, как мы пели, «стоя на коленях»!
Теперь так демократы не поют...

А завершить эту главу я хочу тоже стихами, но написанными моим сыном Александром, как обращение уже к его детям, к совсем юному поколению:

Замрите, слушайте, смотрите, ребяташки,
Дыханье затаив, став чуткими втройне:
Ведь вы последние девчонки и мальчишки,
Которым суждено услышать о войне.

К этим строкам стихотворения своего сына я добавил пару своих строк:

От тех, кто сам все это вынес, пережил,
Кто видел смерть в упор, но победил!

Да, пока мы живы, именно услышать, прочесть в наших воспоминаниях, а не в неоднократно выхолощенных учебниках. Тем более, в не совсем правдивых, а то и откровенно лживых книжонках, или увидеть в «кривом зеркале» современных электронных СМИ. Узнать непосредственно от тех, кто сам все это видел, кто своим героизмом, своей преданностью Родине смог заслонить страну свою от злейшего врага и обеспечить тем самым жизнь и будущее многих поколений нашей Родины.

И пусть ваша вера в правдивое слово о героической истории народов страны, которой в недавнем времени был Советский Союз, будет тоже своеобразным штрафным ударом по фальсификаторам всех мастей.

Глава 2

Рождение 8-го офицерского штрафбата

*Сталинградская битва, враг рвется за Волгу,
Захватил Дон, Кубань, занимает Кавказ,
Только русские верят: «Теперь уж недолго,
Как начнем наступать – жди, Германия, нас!»*

Анатолий Молчанов, ленинградский поэт

*Артобстрел, минометы, винтовка и штык,
Зубами к победе сквозь этот ад,
Перед глазами победа – один только миг:
Только вперед – и ни шагу назад!*

Рамиль Биктимиров

У меня, правда, может быть, меньше, чем у других, но какое-то представление о штрафбатах уже имелось, хотя бы из приказа Наркома обороны № 227, исторического документа, общеизвестного, как приказ Сталина «Ни шагу назад!», однако как далеко оно оказалось от реального!

Как я уже упоминал во вступлении, неоценимую помощь мне в исследовании архивных материалов оказало ЦАМО РФ, и это пролило дополнительный свет на историю нашего штрафбата. Это тот самый штрафбат, который *формировался одним из самых первых*, еще на Сталинградском фронте в 1942 году всего только через полмесяца после объявления исторического документа, приказа НКО № 227 от 28 июля 1942 года, получившего в армейской среде название *приказ Сталина «Ни шагу назад!»*. Ему, созданному в соответствии с приказом войскам Сталинградского фронта № 073 от 13.08.1942 года, предстоял особо долгий боевой путь от Сталинграда до Берлина. Вероятно, не следует вдаваться в подробности, почему именно на этом фронте началось формирование штрафбатов. Ведь именно там, на Волге, решалась тогда судьба нашей Родины – Советского Союза.

Именно тогда был сформирован наш штрафбат № 1. Первым командиром этого батальона был гвардии майор Григорьев Яков Федорович. Почти одновременно с ним формировался штрафбат Воронежского фронта и еще некоторые другие. На любом фронте, где потом появлялись штрафбаты, их нумерация для внутрифронтного пользования начиналась с № 1. Затем всем штрафным батальонам всех фронтов *уже в масштабах всей Красной Армии* были присвоены номера распоряжением Начальника Оргштатного управления ГлавУпраФорма Красной Армии № орг. /2/78950 от 25.11.1942 г. Присваивали номера начиная с правого, северного фланга. На Ленинградском фронте ОШБ получил номер 1-й, на Волховском фронте – 2-й, 3-й номер достался Калининскому фронту, 4-й ОШБ – Карельскому фронту, 5-й номер получил батальон Северо-Западного фронта, и так далее. Нашему батальону присвоили № 8, а батальону Воронежского фронта – № 9. Так сложилась военная судьба этих двух последних штрафбатов, что *они оказались в числе первых из созданных по приказу № 227 и последних дошедших до конца войны, до Берлина*, до Победы. И прекратили они свое существование после сдачи всех документов в архив в августе 1945 года, 8-й – под Берлином, и 9-й – под Прагой.

Гвардии майор Григорьев Я. Ф.

Первым комиссаром был батальонный комиссар Ларенок Павел Прохорович.

Я постоянно ишу документальные материалы о 8-м ОШБ. К сожалению, мне пока не удалось «добыть» более подробных сведений о первом комбате Григорьеве, но мои поиски иногда приводят к очень важным подробностям. В архивах газеты «Советская Россия» за 2007 год нашел статью о том самом батальонном комиссаре, Павле Прохоровиче Ларенке, присланную в газету его сыном, Анатолием Ларенком, к сожалению, уже покинувшим наш мир.

Комиссар Ларенок П. П.

Полагаю, он не был бы на меня в обиде, если часть его статьи я включу в эту главу, тем более, что *свидетельства первого комиссара* только усилят документальность моей книги. Вот некоторые фрагменты из воспоминаний комиссара Ларенка.

Фрагмент первый о том, как подбирались командиры и политработники в командный состав штрафбата. Я привожу его с некоторыми сокращениями:

«В первых числах августа 1942 года меня вызвали к начальнику политуправления фронта тов. Галаджеву. После непродолжительной беседы он предложил мне должность... комиссара штрафного батальона. Я согласился и через два часа был представлен командующему фронтом Рокоссовскому. Был час ночи, когда я впервые в жизни увидел прославленного

генерала. – Не струсите? – спросил Рокоссовский. – Это более опасная служба, чем в обычных частях. В бой поведете командиров. И сами пойдете рядом. – Не струшу, – ответил я.

Дальше разговор велся в непринужденной форме. Рокоссовский расспросил меня о родителях, о семье, которая оказалась на оккупированной территории, о службе в армии. Потом Рокоссовский вызвал адъютанта и распорядился подготовить два приказа: один – о присвоении мне звания батальонного комиссара (я был старшим политруком), другой – о назначении меня комиссаром штрафного батальона. Рокоссовский встал из-за стола, крепко сжал мою руку и поздравил с присвоением очередного звания и назначением на новую должность...»

Фрагмент второй – о дисциплине, вооружении и снабжении штрафников, искуплении ими вины:

«Дисциплина у нас была железная. Не помню ни одного случая неповиновения. Мы были хорошо вооружены, отлично обмундированы, ежедневно получали традиционные сто граммов. Ни в чем не было недостатка. Получивших ранение, даже незначительное, или совершивших героический поступок без промедления отправляли в тыл, он восстанавливался в прежнем звании. Если отличился в бою, награждался и по выздоровлении направлялся на фронт в обычную часть».

Далее Анатолий Ларенок рассказывает, что его отец в августе 1943 года был тяжело ранен. С поля боя его вытащил штрафник по фамилии Попельш, который сам получил ранение в ногу Их вместе доставили в госпиталь. Войну закончил в Берлине, там он встретился с... майором Александром Попельшем, который участвовал в штурме рейхстага. Так обычно складывались взаимоотношения офицеров-штрафников с офицерами постоянного состава. Примеров этому в моей книге читатель встретит немало.

А вот как был назначен в постоянный состав штрафбата майор Пиун Павел Ильич, воевавший в 8-м ОШБ с сентября 1942 года политруком минометного взвода, а после упразднения политруков – агитатором батальона:

«Офицерский состав 27 ОПРОСа Сталинградского фронта построили для получения назначений в боевые подразделения. Представитель кадрового аппарата фронта был, видимо, человеком, любившим пошутить. Объявив, что требуется командный состав в штрафной офицерский батальон, он спросил, есть ли добровольцы. Вперед никто не шагнул. „Тогда, – продолжил кадровик, – добровольцы такие-то выйти из строя”. И назвал несколько фамилий, в том числе фамилию Пиун».

Возвращаясь к первым дням формирования нашего штрафбата, можно утверждать, что «днем рождения» штрафного батальона, одного из первых в истории Великой Отечественной войны на Сталинградском фронте, надо считать не 15 августа, когда майор Григорьев, назначенный приказом по фронту, прибыл в батальон и издал приказ № 1 о вступлении в должность комбата, а 2 августа, буквально на 5-й день после издания приказа № 227. Хотя в перечне Генштаба ОШБ № 1 Сталинградского фронта его существование обозначено 1.08.1942 года, но именно 2 августа прибыла первая группа офицеров командного состава и стало поступать пополнение батальона в село Самофаловка Сталинградской области. Кто не помнит известной фразы Яшки-артиллериста из фильма «Свадьба в Малиновке»: «Был бы начальник, а гарнизон приложится». Здесь же вначале был «гарнизон», а его командир «приложился» только на 13-

й день. Вот он и продолжил формировать «гарнизон» и делал с ним первые шаги непростого боевого пути.

В этот же день комбат назначил своего заместителя, начальника штаба, помощника по снабжению, командиров рот и взводов, их замов, комиссаров рот и политруков взводов (по штату политработники были предусмотрены и во взводах, чего не было в обычных подразделениях).

Пользуясь тем, что мы располагаем сегодня ксерокопией приказа № 2, считаю целесообразным в основном привести его содержание, как документа по формированию *первого в истории Красной Армии штрафного офицерского батальона*, созданного по приказу «Ни шагу назад!».

ПРИКАЗ

По 1 Штрафному батальону Сталинградского Фронта

15 августа 1942 г. № 2 с. Самофаловка

По части строевой

§ 1

Прибывший 2.08.42 г. старший и средний начальствующий состав назначаю на следующие должности:

Капитан Чернявский Григорий Петрович – зам. командира батальона.

Капитан Лобань Григорий Иванович – адъютант старший.

Старший лейтенант Заборовский Николай Петрович – адъютант.

Капитан Черный Спиридон Григорьевич – командир 1 стр. роты.

Капитан Юхта Иван Лукич – командир 2 стр. роты.

Капитан Блинов Григорий Иванович – командир 3 стр. роты.

Лейтенант Носач Василий Антонович – заместитель командира 1 стр. роты.

Ст. лейтенант Новиков Александр Яковлевич – заместитель командира 2 стр. роты.

Ст. лейтенант Колитвинцев Михаил Андреевич – зам. командира 3 стр. роты.

Ст. лейтенант Лебедев Алексей Степанович – ком. 1 стр. взвода 1 стр. роты.

Лейтенант Титенко Иван Алексеевич – командир 2 стр. взвода 1 стр. роты.

Ст. лейтенант Пономарев Тихон Тимофеевич – командир 3 взвода 1 стр. роты.

Лейтенант Иванов Федор Андреевич – командир 1 стр. взвода 2 стр. роты.

Лейтенант Майский Владимир Васильевич – ком. 2 стр. взвода 2 стр. роты.

Лейтенант Пичугин Василий Григорьевич – командир 1 стр. взвода 3 стр. роты.

Лейтенант Соколов Евгений Леонидович – командир 2 ст. взвода 3 стр. роты.

Лейтенант Филиппов Василий Иванович – командир взвода снабжения.

Капитан Кучеренко Михаил Петрович – командир роты ПТР.

Ст. лейтенант Чесноков Степан Матвеевич – командир 1 взвода роты ПТР.

Лейтенант Терещенко Михаил Григорьевич – командир 2 взвода роты ПТР.

Военфельдшер Винник Даниил Акимович – командир санитарного взвода.

Интендант 3 ранга Перельман Яков Моисеевич – помощник командира по снабжению.

Техн. – интендант 2 ранга Измайлов Иван Петрович – начальник ПФС.

Техн. – интендант 2 ранга Кукоякин Стенарий Иванович – начальник ОВС.

Военврач 3 ранга Синонов Виктор Яковлевич – начальник санслужбы.

Начальникам ПФС и ОВС зачислить прибывший начальствующий состав на все виды довольствия согласно имеющихся аттестатов.

§ 2

Лейтенант госбезопасности Ефимов Павел Тимофеевич приступил к исполнению служебных обязанностей Оперуполномоченного Особого отдела НКВД Сталинградского фронта по обслуживанию 1 Штрафного батальона.

Командир 1 ОШБ Сталинградского фронта гвардии майор Григорьев

Военком батальона батальонный комиссар Ларенок

Начальник штаба капитан Лобань

Уже тогда батальону предписывалось иметь в своем составе три стрелковые роты по три взвода, роту противотанковых ружей (ПТР) двухвзводного состава. Для управления и обеспечения боевых действий были сформированы штаб, тыловые службы, хозяйственный и санитарный взводы. Несколько позже, когда стала совершенно ясной необходимость надежной охраны штаба с огромным количеством персональных документов (в том числе личных дел на каждого офицера-штрафника), было предусмотрено иметь и комендантский взвод. При этом все эти отдельные взводы обеспечения и охраны комплектовались рядовыми и сержантами постоянного состава. Даже в самих ротах штрафников были не только старшина роты и писарь-каптенармус из постоянного сержантского состава, но по самому первому штатному расписанию полагалось еще и отделение (5–6 человек) санитаров-рядовых во главе с санинструктором-сержантом.

Когда командовал ротой уже я, в роте, кроме офицеров, были из постоянного состава только старшина да писарь-каптенармус. Еще раньше в ротах штатные санитарные отделения комплектовали не санитарями-рядовыми, а штрафниками из числа женщин. В дальнейшем и это положение претерпело изменения, оказание помощи раненым возложили на самих бойцов, выдавая на каждое отделение дополнительное количество ИПП (индивидуальных перевязочных пакетов) и равномерно распределяя по подразделениям медицинских специалистов из числа штрафников, так как направление в штрафбаты женщин со временем было прекращено.

О том, насколько строго подбирался командный состав в боевые подразделения батальона, говорят и следующие документы:

ПРИКАЗ

по 1 ОШБ № 8 от 21.08.1942 г.

..Находящиеся на должности командиров взводов Манский Владимир Васильевич и Соколов Евгений Леонидович показали себя неинициативными, слабо подготовленными, нетребовательными командирами, что не дает возможности справляться со взводами 1 Штрафного батальона. Лейтенантов Майского В.В. и Соколова Е.Л. от должности командиров взводов отстраняю с направлением в распоряжение Отдела кадров. Одновременно прошу Отдел кадров прислать замену.

Командир 1 ШБ гв. майор БУРКОВ,
батальонный комиссар ЛАРЕНОК,
начштаба капитан ЛОБАНЬ

Или вот выписка из другого приказа по штрафному батальону:

За попытку уклонения от командировки к передовой линии фронта, командира стрелковой роты капитана Юхту Ивана Лукича от занимаемой должности отстраняю, направляю в Отдел кадров Фронта и ходатайствую перед Военным Советом о снижении его в воинском звании до лейтенанта.

Первый бой батальона, вернее только роты, сформированной из имеющегося в нем личного состава, произошел 9-10 октября 1942 года. На этот бой командир батальона получил Боевое распоряжение Донского фронта № ОУ/0127 от 2.10.42 г. и в тот же день издал приказ № 47:

1 Сформировать маршевую роту численностью 116 человек <...> с вооружением: станковых пулеметов – 2, ручных пулеметов – 12, ППШ – 36, винтовок – 60. В 16.00 отправить по маршруту <...> и к исходу 3.10.42 сосредоточиться в Садки.

2. Для сопровождения роты и передачи ее в распоряжение командующего 24 Армией выделяю своего заместителя – капитана Чернявского...

Я специально привожу текст этого приказа, чтобы дезавуировать вымыслы досужих сочинителей о том, что штрафников гнали в бой даже без оружия. Обратите внимание: на 116 человек – 110 единиц стрелкового вооружения, не считая наганов, полагавшихся первым номерам пулеметных расчетов. При этом автоматического оружия – 50%! Да, к слову, и никаких заградотрядов: сопровождает роту штрафников всего-то один капитан, заместитель комбата. Первые боевые потери: погибли три штатных офицера (командир роты капитан Блинов Григорий Иванович, командиры взводов лейтенанты Герасимов Александр Прокопьевич, Иванов Федор Андреевич) и 21 офицер-штрафник.

Обратите внимание еще на один документ ЦАМО РФ:

ПРИКАЗ

по 1-му ОШБ № 70 от 26.10.1942 года.

Полагать убывшими в Действующую армию 1-ю стрелковую роту в составе:

Комсостава —14 чел.; младшего начсостава и рядовых – 3 чел.

Переменного состава – 37 чел.; итого – 54 чел.

Слова «в Действующую армию» подчеркивают, что все остальные числящиеся в штрафбате к боевым действиям не были причастны. Да и рота в 37 бойцов – это фактически полный взвод, но некогда, наверное, было ждать достаточного пополнения, хотя со времени отправки роты в составе 116 бойцов прошло три недели.

Вероятнее всего, еще даже не полностью сформированную роту тоже потребовалось «пустить в дело». Не так уж много было тогда «проштрафившихся» офицеров, хотя время под Сталинградом было напряженное. Зато на 37 бойцов – 14 офицеров постоянного состава! Все-таки «активные штыки»!

Первые серьезные боевые потери наш штрафбат (вернее, его одна рота) понес на высоте 108,4 в районе села Котлубань в полосе действий 24-й армии генерала Галанина Ивана Васильевича.

Уже значительно позднее, изучая труды военачальников, я обнаружил в книге генерала Горбатова «Годы и войны», что он, получив тогда назначение заместителем генерала Галанина,

постоянно держал под контролем наиболее ответственные участки 24-й Армии. Конечно, в этой книге из цензурных соображений ничего нет о штрафбатах. Только в значительно более позднем издании 2008 года упомянут наш 8-й ОШБ. Но мне кажется вполне естественным, чтобы А. В. Горбатов, с его неугомонным характером, да еще имевший за плечами годы лишения свободы, поинтересовался и участком, на котором впервые действовала только что сформированная рота офицерского штрафного батальона. Это допущение я делаю на основе того внимания к штрафбату, которое проявил Александр Васильевич при действиях нашего штрафного батальона в составе его 3-й армии при освобождении белорусского города Рогачева в феврале 1944 года. Там командарм Горбатов проявил истинную заботу о сохранении и досрочном освобождении штрафников за боевые заслуги «без пролития крови». Но об этом подробнее в свое время.

Из донесений 8-го ОШБ (фонды ЦАМО РФ) можно представить тогдашний штрафной контингент. Например, за период со 2.10.1942 по 1.01.1943 года в батальон поступил всего 331 человек: 154 осужденных военными трибуналами и 177 – по приказам комдивов и выше – за трусость, неустойчивость и другие прегрешения на поле боя. За это же время было 71 убитый и 138 раненых (209 человек или более 60 %!). Они, как говорят, искупили свою вину, кто кровью, а кто и жизнью. А вот еще один документ из Архива Минобороны, донесение начштаба 8 ОШБ начальнику Отдела укомплектования Донского фронта № ОУ/027:

Доношу, что рота, сформированная в количестве: старший и средний начсостав— 16, младший начсостав – 2, рядовых— 1, переменников – 111, 12 января 1943 года в 5.00 отправлена в распоряжение 252 сд 65 А для выполнения боевых задач.

НШ 8 ОШБ майор Лобань

Как видно, батальон едва успевал формировать полнокровные роты, а их уже ждали боевые задачи. Кстати сказать, 8-й штрафбат за свою боевую историю по крайней мере трижды передавался в 65-ю армию для выполнения боевых задач, но каждый раз штрафники чувствовали неприязненное отношение командарма Батова.

Читателю, безусловно, интересно, какая категория офицеров попадала в штрафники. Вот несколько цифр из другого донесения за период с первых дней существования 1-го ОШБ Донского фронта по 30 декабря 1942 года:

Начальники штабов дивизий, бригад и им равных – 6
Командиры полков, батальонов, дивизионов – 27
Командиров рот, батарей взводов, зам. ком. рот— 152
Штабных офицеров полка, батальона – 12
Политработников – 37
Офицеров военно-воздушных сил – 24
Начальников служб, складов, арт. и автотехников— 17
Работников райвоенкоматов, военторга – 2
Секретарь Военного трибунала – 1
Оперуполномоченный Особого отдела НКВД— 1

По воинским званиям:

Полковник и равные ему – 1
Подполковник и равные – 4
Майор и равные – 5
Капитан и равные – 26
Старший лейтенант и равные – 44
Лейтенант, младший лейтенант и равные – 199

Лейтенант госбезопасности – 1

Как видно из приведенных списков, «неприкасаемыми» не были ни политработники, ни сотрудники военных трибуналов, ни даже уполномоченные особых отделов. А вот бывших военнопленных тогда еще в штрафбате не было. Они в значительном количестве появятся позже, когда наши войска станут освобождать временно оккупированные территории.

Во исполнение приказа № 09/125 от 30.09.1942 года командующего войсками Донского фронта генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, 1-й ОШБ переведен с временного на постоянный штат № 04/393. Этим же приказом личный состав расформированного 2-го ОШБ в количестве 36 человек передавался в состав 1-го ОШБ.

Было, значит, вначале сформировано в составе Донского фронта *два* штрафных батальона, в пределах норм, установленных приказом № 227, но, видимо, сам приказ уже сработал на укрепление дисциплины, и подходящего числа трусов и паникеров не доставало, чтобы заполнить всю предусмотренную емкость штрафбатов до 800 человек! И свели эти *два* штрафбата в единый. При этом переведенных из *второго* оказалось всего 36 человек вместе с командным составом!

Майор Бурков Д. Е.

Менее чем через 3 месяца, 3 ноября 1942 года произошла смена комбатов. В должность командира 1-го штрафбата на основании Приказа войскам Донского фронта № ОКФ/ЗОЮ вступил майор Бурков Дмитрий Ермолович. Но Бурков в свою очередь был заменен только более чем через 7 месяцев. Видимо, твердых норм здесь не существовало. Все диктовалось обстановкой.

Теперь еще раз о том, как штрафные офицеры освобождались от наказания и смывали кровью свою вину перед Родиной. Ходили упорные слухи о штрафниках как о «париях войны», то есть «отверженных, бесправных, жалких», как трактуется это слово в толковом словаре русского языка Д. И. Ушакова. Многие современные СМИ и теперь продолжают муссировать подобного рода «факты».

Но вот пока один из многих документов, донесение командира 1-го ОШБ за ноябрь 1942 года, где «переменниками» называются штрафные офицеры, ставшие на время пребывания в штрафбате «временными солдатами»:

21 ноября 1942 года пали в бою 3 замкомвзвода¹ и 5 переменников, ранены 1 комроты, 2 комвзвода и 11 переменников. 22 ноября погибло 3, ранено 10 переменников, 27 ноября ранено 17 переменников. 29 ноября из батальона, по результатам предыдущих боев, отчислено: по ранениям – 18 чел.; досрочно, как проявивших себя в боях – 5 чел.; отбывших срок – 9 чел.

Этот документ ЦАМО РФ опровергает слухи о том, что штрафникам тогда было лишь два выхода: ранение или смерть. Как видно из этого донесения, были еще и третий, и даже четвертый выходы – проявить себя (как надо!) в бою и, наконец, по истечению «отмеренного» срока.

О звании штрафников. Я много раз слышал, будто в других штрафбатах просто к бывшему воинскому званию штрафника добавлялось слово «штрафной» (например, «штрафной майор») или вообще все именовались «штрафными рядовыми». Не знаю, было ли такое решение «местным», в каждом батальоне свое, но у нас в батальоне и, как мне удалось установить, в других штрафбатах, например в 9, 10, 14 и 16 ОШБ, был такой порядок: официально было принято название всех штрафников одинаково: «боец-переменник». Как говорили ветераны, видимо по инициативе генерала Рокоссовского К. К., чтобы лишний раз не травмировать психику «временных солдат», не подчеркивать их «штрафное» положение, едва ли способствующее их «перевоспитанию», было принято всех, относящихся к переменному составу батальона, называть именно «*бойцами-переменниками*», а не «штрафниками». К своим командирам они обращались, как обычно принято в армии, например «товарищ капитан», а не «гражданин начальник», как это демонстрировали киношники в телесериале «Штрафбат» Володарского-Досталя, или «гражданин капитан», как утверждают многие писатели, не знающие истинной правды о штрафбатах. Видимо, они полагают, что штрафные формирования – это не что иное, как военная тюрьма на фронте, со всеми тюремными или лагерными манерами. Бедная же у них фантазия!

Вскоре, когда формирование штрафбатов по фронтам и штрафных рот по армиям было приведено в порядок в масштабе всей Красной Армии, 1-й штрафбат Донского фронта, как и все другие на других фронтах, получили единую нумерацию. Приказом по батальону № 120 от 14.12.1942 года было объявлено, что «на основании Распоряжения начальника Оргштатного Управления Главного Управления Формирования Красной Армии № ОРГ/2/789500 от 25.11.1942 года, Отдельному Штрафному батальону Донского Фронта присвоен № 8».

Ко времени Курской битвы батальон состоял из штаба, трех стрелковых рот, роты автоматчиков, пулеметной, минометной и роты противотанковых ружей, взводов комендантского, хозяйственного, связи. Был в батальоне и медико-санитарный взвод с батальонным медпунктом. И, конечно же, представитель «Особого отдела СМЕРШ» (Смерть Шпионам). В мою бытность этим уполномоченным был старший лейтенант Глухов. Каково было его воинское звание «по линии госбезопасности», не помню, в чем состояла его работа, просто не вникал и с ним не контактировал.

Оклады денежного содержания офицерам постоянного состава были установлены штатным расписанием и составляли:

Командир батальона и его заместитель по политчасти.....	1900 рублей ²
Заместители командира батальона по строевой части.....	1300 рублей
Начальник штаба бата-	
льона.....	1200 рублей

¹ Замкомвзводами тогда еще назначались офицеры постоянного состава.

² Повышенное денежное содержание замполитов в отличие от просто заместителей обусловлено, по-видимому, тем, что оно было установлено, когда эта категория политработников состояла еще в ранге комиссаров.

Помощники начальника штаба (ПНШ).....	1000 руб-
лей	
Командиры рот, их заместители по политчасти.....	1000 рублей*
Заместители командиров рот.....	
900 рублей	
Командиры взводов в ротах, ком. санвзвода (врач), другие ПНШ...800 рублей	
Фельдшер медпункта батальона.....	750
рублей	

Оклады наших ротных и взводных командиров были на 100 рублей выше, чем в стрелковых батальонах, то есть такие, как в гвардейских частях. Это и послужило поводом для шутки о том, что наш батальон – «почти гвардейский!». О штатной структуре батальона того времени написал мне в своих памятных записках и мой фронтовой друг по штрафбату Петр Загуменников, привлеченный к формированию батальона перед Курской битвой. Тогда, подтверждал он, в каждой роте и каждом взводе, кроме командиров, предусматривались офицерские должности заместителей по строевой части и комиссаров рот и политруков взводов. Вскоре офицерские должности комиссаров рот, заместителей командиров взводов и политруков этих подразделений упразднили.

Я никогда не имел личного представления об *армейской штрафной роте*, поэтому тут же расскажу и о ней с публикации полковника юстиции Андрея Мороза в «Красной звезде» 11 апр. 2007 года: «Штатом роты, кроме командира и его заместителя, предусматривались должности трех командиров взводов, трех их заместителей по строевой части, заведующего делопроизводством – казначея и фельдшера в офицерском звании. Предусматривался и внушительный состав политработников: военный комиссар, агитатор роты и три взводных политрука. В октябре, после восстановления в Красной Армии единоначалия, политработники начали поступать уже не военными комиссарами и политруками, а заместителями командиров по политчасти».

Видимо, такое значительное насыщение командного звена и политсостава штатными офицерами в штрафных подразделениях предполагалось исходя из того, что иначе управляться со штрафниками, а в штрафбате особенно, где все они в бывших офицерских званиях до полковника, будет невозможно. Однако, как оказалось, эта проблема была перестраховочной, и в ротах оставили по одному «строевому» заместителю, и то не всегда, во взводах же их вообще заменили двумя замкомвзводами из числа самих штрафников.

Правда, подобное сокращение такого количества намечавшихся ранее политработников в батальоне, оказывается, позволяло содержать сравнительно большой политаппарат при заместителе комбата по политчасти. За все время моей службы в штрафбате я так и не понял, чем же эта масса политработников, за исключением отдельных энтузиастов, бывавших в наших подразделениях в любой обстановке, занимается.

Вот в таком, уже «причесанном» по опыту боев, штрафном *офицерском* батальоне я и оказался в декабре 1943 года. Еще раз утверждаю, что *не офицерских штрафбатов в те годы на фронте просто не могло быть*, если только местное командование не шло на какое-нибудь упрощение, выгодное на данный момент! И попытки некоторых, с позволения сказать, «историков» навязать мысль о том, что из штрафных рот формировались штрафбаты, из них штрафные полки, а из последних даже штрафные дивизии и чуть ли не целые штрафные армии, не более чем бред психически нездоровых людей. А этими «откровениями», например, пытались убедить телезрителей авторы «документального» фильма «Воры в законе», кажется, еще в 2003 году.

Поскольку я находился в штрафбате только с конца 1943 года, то боевых действий батальона до этого времени буду касаться лишь по документам Центрального архива Министерства

обороны (ЦАМО РФ). Помогли мне в этом и воспоминания моих «одноштрафбатовцев», в том числе того же Петра Загуменникова, а также бывшего штрафника, полковника в отставке Семена Басова, угодившего в «переменники» нашего штрафбата под Курском, как и многие другие из числа бежавших из немецкого плена, или вышедшие из окружения не в составе подразделений, или длительно пребывавшие на оккупированной территории и не участвовавшие в партизанском движении.

Восьмой Отдельный штрафной (офицерский) батальон, как я уже говорил, начал свою «биографию» как 1-й ОШВ Сталинградского, а затем Донского и Центрального фронтов. На этом фронте ему предстояло принять участие в Курской битве уже *не поротно*, как прежде, а *в составе батальона по полному штату*, до 800 человек, как это было определено приказом № 227. Стал он таким в конце марта 1943 года в селе Змиевка, недалеко от города Орел. Постоянный состав управления батальона и его подразделений пополнялся в основном за счет офицеров, получивших боевой опыт в Сталинградской битве. А пополнение переменным составом шло обычным, «явочным» порядком, когда штрафники самостоятельно прибывали в батальон, и даже целыми подразделениями, сформированными при запасных полках. Так 26 апреля 1943 года комбат, тогда еще майор Бурков, в приказе по батальону № 115 записал: «Сформированную новую роту штрафников при фронтовом запасном полку, подчинить мне».

Вот тогда, когда батальон был пополнен по полному штату до 800 человек и в нем было уже 7 полнокровных рот, у комбата (штатная категория «полковник») стало два общих заместителя, начальник штаба и замполит (по штатному расписанию «подполковники»), а также помощник по снабжению. У начальника штаба – уже четыре помощника (ПНШ-1, -2, -3, -4) – майоры. Можно только представить, сколько штабной, канцелярской работы по учету офицерских документов, личных дел, всякого рода аттестатов, приговоров, постановлений на почти тысячу офицеров с учетом текучести переменного состава... Поэтому и штат штаба такой, да еще много делопроизводителей, писарей.

В каждой роте могло быть до 200 бойцов, и роты эти по численному составу фактически приближались к обычному стрелковому батальону. Таким образом, штрафбат в полном составе скорее приближался к стрелковому полку, тем более что полки-то первого эшелона почти никогда не бывали укомплектованными полностью. Штатная должность командира роты – майор, его заместителей и командиров взводов – капитан, что на одну ступень выше, чем в обычных частях. И дисциплинарная власть всех командиров подразделений по отношению к штрафникам, которые на время пребывания в штрафбате приравнивались к рядовым, была также соответственно выше на ступень. Командир батальона по отношению к штрафникам имел власть командира дивизии, то есть мог за какие-нибудь провинности назначать новые или дополнительные сроки пребывания в штрафбате, предавать суду военного трибунала и т. д.

Батальон начал формировать по полному штату под Курском еще майор Бурков, но когда штрафбат стал приобретать вид самостоятельной боевой единицы, способной выполнять автономно боевые тактические задачи, командование Фронтом решило передать его в руки более опытного командира. *Приказом войскам Центрального фронта № 0272 от 11.05.1943 года командиром 8-го Отдельного штрафного батальона назначается подполковник Осипов Аркадий Александрович.*

К концу мая батальон был в основном сформирован и занял оборону в составе 7-й Литовской стрелковой дивизии на участке Малоархангельское (Орловской области) – Поныри (Курской области), где в начале Курской битвы и принял боевое крещение уже в полном штатном составе, как полнокровная самостоятельная боевая единица. Здесь, на Курской дуге, *впервые штрафной батальон был введен в бой по штату № 04/393* и в упорных, жестоких боях в течение почти двух месяцев надежно держал оборону. Под командованием подполковника А. А. Осипова 8-й ОШ Б отстоял позиции, отведенные ему. Здесь приведу один приказ по батальону,

которым буквально за три дня до перехода в наступление комбат Осипов поднял дух личного состава.

Подполковник Осипов А. А.

Фотокопия «Удостоверения за участие в героической обороне Сталинграда»

ПРИКАЗ

по 8 Отдельному штрафному батальону Центр, фронта
№ 160

12 июля 1943 г.

Д. Армия

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 22 декабря 1942 г. за участие в героической обороне гор. Сталинграда награждены медалью «За оборону Сталинграда» бойцы, командиры и политработники 8 Отдельного штрафного батальона ЦФ.

Вручая высокую награду от имени Президиума Верховного Совета Союза ССВ выражаю полную уверенность, что личный состав батальона с коварным врагом всего человечества – немецким фашизмом покажет образцы мужества и отваги. (Медали «За оборону Сталинграда» вручаю согласно прилагаемого акта на выдачу таковых.)

Командир 8 ОШВ ЦФ подполковник Осипов
Начальник штаба капитан Рубилов

15 июля, прорвав вражескую оборону, батальон перешел в наступление на Тросну. Уже в первые дни наступления штрафбат понес существенные потери: *погибло 88, пропало без вести 23, ранено 159.*

Ранее, как уже говорилось выше, в бой отправлялись не только отдельные роты численностью 100 и более человек, как это было в первом бою в начале ноября 1942 года, но и малокомплектные роты численностью едва более 50 человек. Иногда вводились в бой и усиленные роты, в состав которых, кроме стрелковых взводов, входили, в зависимости от обстановки, пулеметный взвод, взвод ПТР и даже взвод от роты 82-мм минометов.

Тогда из штатных 100 офицеров постоянного состава в батальоне недоставало 31. А из положенных по штату 769 штрафников числилось 698, то есть недоставало всего чуть больше 9 %. В числе «бойцов-переменников» находились только 39 по приказам командиров, зато 207 – по приговорам военных трибуналов и 452 *бывших в плену, окружении и на оккупированной территории* (почти 65 %!), или, как мы их всех потом привыкли называть, «окруженцы», избегая термина «пленные» и т. п. Вот они и были тогда, оказывается, основной составляющей штрафбата! Среди бойцов-переменников к началу Курской битвы находилось и 8 женщин. Это потом, говорят, было личное указание командующего фронтом генерала Рокоссовского о запрете направлять в штрафные формирования женщин, которое впоследствии было узаконено специальной директивой Генштаба.

Вот некоторые данные о составе штрафников батальона по родам войск и служб, воевавших на Курской дуге:

Пехотных командиров.....	270
Артиллеристов и минометчиков	131
Офицеров бронетанковых войск.....	22
Офицеров инженерных подразделений.....	17
Офицеров военно-воздушных войск.....	8
Связистов.....	38
Кавалеристов.....	9
Офицеров остальных родов войск и служб.....	79
Офицеров политсостава, юристов.....	59
Административной и интендантской служб.....	65

А вот данные о штрафниках того времени по возрасту (полных лет):

18–21	65
22–26	188
27–31.....	234
32–36.....	117
37–46.....	86
47 и старше.....	8

Таким образом, в то время самый «популярный» возраст штрафников – от 22 до 36 лет, что составляло 77 % от всего переменного состава. Наверное, тогда эта цифра соответствовала и составу всего офицерского корпуса Красной Армии.

Теперь некоторые данные о вооружении батальона.

Передо мной «Донесение о численном и боевом составе 8 Отдельного штрафного б-на ЦФ по состоянию на 30 июня 1943 года». Если по штату батальону полагалось 435... винтовок, то в наличии было на 100 больше, правда, автоматов вместо 139 имелось на 44 меньше. Ручных пулеметов было 27, что полностью покрывало потребность 9 стрелковых взводов в трех ротах. Противотанковых ружей – 16, ротных 50-мм минометов – по одному на каждый взвод и т. д. Эти данные для тех, кто пытается убедить, что штрафников гнали в атаку даже вовсе безоружными.

Ну и еще в дополнение к этим цифрам: лошадей в батальоне был тогда некомплект. Вместо 49 предусмотренных по штату имелось только 29. Зато было два грузовых автомобиля. Это потом, с ходом боевых действий парк автомобилей прирастал неуклонно. Между прочим, в батальоне даже был один легкий танк! Но, скорее, он не был боевой единицей, а представлял собой «гордость» батальона, так как ни я, ни кто-либо из моих сослуживцев не помнил, чтобы этот танк участвовал в боевых действиях. По слухам, этот советский танк был подбит немцами, экипаж его погиб, а штрафники-танкисты восстановили его собственными силами. И вот он даже «вошел в штат» батальона. Надо, однако, уточнить, что эти данные взяты из донесения штаба батальона, когда штрафбат стоял в обороне полтора месяца перед знаменитой Курской битвой.

Знакомый уже читателю военинженер 3-го ранга Басов, бывший тогда штрафником 8-го ОШБ, в этих боях был ранен в голову. Как он рассказывал, рану перевязал ему его командир взвода, вскоре погибший в тех же боях (фамилия его накрепко у Басова забылась). По возвращении в батальон после госпиталя Басов был ознакомлен с приказом командующего Центральным фронтом за подписями генерала армии Рокоссовского и члена Военного совета фронта генерала Телегина, и вручили ему выписку из этого приказа. Вот она:

**ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА
ВОЙСКАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА
№ 0601**

25 августа 1943 г.

Действующая Армия

В соответствии со статьей 18 Приказа Наркома Обороны СССР № 298 от 28.09.42 г. переменный состав 8 Отдельного Штрафного батальона Центрального Фронта, проявивший в боях на фронте мужество, отвагу и получивший ранение в бою, отчисляется из Штрафного батальона, восстанавливается в правах начальствующего состава и препровождается на ранее занимаемую должность:

3. Бывший инженер технической роты 409 Отдельного Строительного батальона Киевского Укрепрайона военинженер 3 ранга тов. Басов Семен Емельянович, 1915 года рождения г. Фатеж Курской области, русский, служащий, образование высшее общее, Ленинградский автомобильно-дорожный институт в 1938 году, военного не имеет, в Красной Армии с 1941 года, в батальон поступил 11.05.43 г. на 2 месяца по решению Комиссии в соответствии с Директивой Военного Совета Центрального Фронта № 00553 от 11.03.43 г., в боях действовал смело и решительно, будучи наблюдателем, смело выдвигался за траншеи переднего края, своим наблюдением добывал ценные сведения. В бою проявлял решительность, мужество и стойкость,

выдвигался за передовые траншеи переднего края, доставлял ценные сведения о противнике. 15 июля 1943 года ранен и госпитализирован.

Командующий войсками, Генерал армии РОКОССОВСКИЙ
Член Военного Совета Центрального Фронта, Генерал-майор ТЕЛЕГИН
Верно: Зав. делопроизводством 8 ОШБ ЦФ лейтенант а/с Хмелев И. Г.

Прибыв в часть, которая была определена ему в Инженерном управлении фронта, Басов С. Е. был восстановлен уже в новом звании – «инженер-капитан».

Бывший штрафник, военинженер 3-го ранга Басов С. Е.

Бои на Курской дуге, как и ранее, показали беспримерную стойкость штрафного батальона, его способность вести решительное наступление и, несмотря на значительные потери, упорно пробиваться вперед. В Курской битве батальон *потерял только в день начала наступления погибшими 55 и ранеными 84 штрафника*, а за неделю боевых действий в списке погибших оказалось еще 53 и пропавших без вести – 23 «переменника».

Приказы о восстановлении в правах офицерского состава и воинских званиях составлялись отдельно по погибшим, раненым, освобожденным досрочно за подвиги, проявленные на поле боя, и по тем, кто отбыл определенный за преступление срок пребывания в штрафном батальоне.

Вот, например, пункт 2-й из приказа по батальону № 167 от 2.08. 43 г., изданного сразу же, по горячим следам боев на Курской дуге, и подписанного комбатом, подполковником Осиповым:

На основании приказов Военного Совета Центрального Фронта отчислить из батальона переменный состав:

по приказу № 0615 получивших ранения в бою – 159 человек;

по приказу № 0616 досрочно отчисляемые, как особо отличившиеся в боях – 68 человек;

по приказу № 0617 погибшие в боях – 88 человек. Согласно пофамильного списка.

Чтобы читатель представил себе сравнительные цифры потерь, приведу данные из донесения штаба 8-го ОШБ за 19 сентября 1943 года о потерях противника в его полосе: «Убито оберофицеров – 12, унтерофицеров – 41, солдат – 450. Взято в плен – 1 солдат».

Как видите, штрафники, как правило, в плен немцев не брали, а уничтожали их. Нужно сказать и о том, что некоторых штрафников, особо проявивших себя в боях, командование батальона рассматривало (с учетом их желания и согласия) на замещение вакантных должностей офицеров постоянного состава.

В том же приказе по 8-му ОШБ № 167 от 2.08.1943 года в параграфе 4 записано:

Восстановленных во всех правах офицерского состава, допустить к исполнению обязанностей

– командира взвода младшего лейтенанта Ляхова Василия Николаевича, лейтенантов Соклакова Алексея Иосифовича, Краснова Александра Васильевича;

– фельдшера батальона – военфельдшера Деменкова Ивана Климовича.

Боевой путь 8-го ОШБ начался, как известно, еще на Сталинградском фронте, проходил далее в жесточайших сражениях на Донском и Центральном фронтах, а начиная с Курской битвы – по землям Курской области, Северной Украины, включая бои за Путивль, Бурьнь и далее по Сумской и Черниговской областям до Днепра, с получением пополнения в ходе боев. И только в районе Чернигова впервые после боев на Курской дуге батальон был выведен на отдых и доформирование в село Добрянка. Надо сказать, что большие потери вынудили командира батальона Осипова прибегнуть к прежнему способу поротного боевого применения. Так приказом № 200 от 6.09.1943 года была сформирована и передана в распоряжение командира 24-го стрелкового корпуса усиленная рота, состоящая из трех стрелковых взводов, взводов автоматчиков, пулеметного, противотанковых ружей и даже взвода 82-мм минометов! Численность такой роты *составляла 306 штрафников и 11 офицеров*. Это же почти обычный стрелковый батальон! Ей было передано 4 пароконные повозки и (важная деталь!) – только ОДНА пехотная кухня. Естественно, она не могла обеспечить горячей пищей роту такой численности, и понятно, что эта усиленная рота вставала на кухонное и прочее довольствие в части 24-го корпуса, а собственную походную кухню комбат Осипов выделял «на всякий случай». И это была важная деталь характера комбата, проявлявшего заботу о подчиненных в любой обстановке.

Таким образом, батальон, получая пополнение на ходу, непрерывно вел бои, то в полном составе, то поротно. Не прекращались в это время и операции по реабилитации *искупивших свою вину* офицеров, какой бы она ни была. Получив непродолжительный отдых в с. Добрянка, пополнившись бойцами-переменниками, вооружением и боеприпасами, батальон был переброшен на Лоевский плацдарм для его расширения и углубления.

Отсюда начинаются боевые действия 8-го офицерского штрафного батальона по освобождению Белоруссии от фашистской оккупации. Как отмечалось в военно-исторической литературе об этом периоде боевых действий, бойцы дрались отчаянно. Понимая, что для многих из них эти бои станут последними, они шли вперед, выполняя приказ. Несмотря на сравнительно большие потери, батальон в составе войск 65-й армии успешно справился с новой задачей (как покажет время, пребывание в составе армии генерала Батова оставляло и более горькие воспоминания). В результате этих боев 17 октября 1943 года был освобожден город Лоев, штрафбат перешел в наступление по направлению к Гомелю. В эти дни Центральный фронт был переименован в Белорусский, и батальон перешел вначале в состав 53-й армии генерала Колпакчи В. Я., а впоследствии – в состав 48-й армии генерала П. Л. Романенко.

С боями штрафбат дошел до города Речица и в составе 132-й стрелковой дивизии участвовал в завершении окружения Гомельской группировки немцев. Однако с боями в Гомель наш штрафбат не входил, а был выведен из боя буквально у самых его окраин. Ну конечно, нельзя было разрешить штрафбату участвовать в освобождении такого крупного областного

центра Белоруссии! Да, как показали события, и в другие, менее крупные города батальону входить как освободителю тоже было непозволительно...

После освобождения Гомеля войсками армии (26.11.1943) батальон, по воспоминаниям Петра Загуменникова, маршем прошел через этот город, вышел в район села Майское Жлобинского района и занял там оборону на левом берегу Днепра. Вскоре после двухчасовой арт-подготовки войска перешли в наступление, и батальон продвинулся на четыре-пять километров. Но случилось так, что соседи справа и слева продвинуться не смогли, и штрафбат остался с открытыми флангами. Этим сразу же воспользовался противник, начав окружать и отрезать штрафбат. Пробившись с тяжелыми боями из окружения, после больших потерь батальон снова был поставлен в оборону. Вот туда, в этот уже оборонявшийся штрафбат, с группой офицеров из резерва фронта прибыл и я в середине последней декады декабря 1943 года. Оказавшись на передней линии фронта, на самой что ни есть передовой, в голову, занятую освоением всего, что было в новинку, совершенно не приходило сознание того, что через несколько дней наступит Новый, 1944 год.

Это потом, 60 лет спустя, в книге «Памяць» («Память»), подаренной мне руководством Жлобинского района Гомельской области, нашел подтверждение факт, что там, под Жлобином, кроме нашего батальона, действовал еще и срочно сформированный 33-й ОШБ, командиром которого был назначен заместитель командира нашего штрафбата майор Мурза И. М. Потом, когда Белорусский фронт был разделен на Первый и Второй Белорусские, мы предполагали, что этот штрафбат передан в состав 2-го Белорусского, а наш 8-й остался у генерала Рокоссовского. Действительность оказалась другой.

В весьма сокращенном собственном переводе с белорусского я приведу здесь статью Б. К. Андрушкевича из «Книги Памяти» Жлобинского района об этом 33-м штрафбате. О нем многие мои товарищи по фронту, служившие в 8-м ОШБ, что-то слышали, но подробностей не знали. Вот что было в этой статье:

«33-й Отдельный фронтовой штрафной батальон на Жлобенищине.

33 ОШБ скрытно провел ускоренный ночной марш и вышел в район 20–25 км восточнее Жлобина с задачей оседлать дорогу на Жлобин. Перед батальоном немецкая оборона представляла три сплошных траншеи, 30 пулеметных гнезд, 6 дзотов с тяжелыми перекрытиями и множество блиндажей. Перед траншеями были проволочные заграждения в 3 ряда, противопехотные и противотанковые минные поля. На рассвете 22 декабря 1943 года после залпа „катюш” батальон пошел в атаку, пустив в ход „карманную артиллерию”. Первая рота В. И. Козырева смело и напористо ворвалась в траншею и, прокладывая путь гранатами, итурмом овладела селом Майское, создав условия для продвижения всего батальона. Комбат майор Мурза умелым маневром захватил Малье Козловичи, где батальон встретился с танками противника. В этом бою особо отличился боец Прохоров. Он, вооруженный бутылками с горючей смесью, пополз навстречу танкам. Но одна бутылка, разбитая вражеской пулей или осколком, вспламенилась. Прохоров вспыхнул, как факел, но не повернул назад, а, встав во весь рост, рванулся к танку и упал на него, разбив о броню вторую бутылку. Танк загорелся. Задача батальона была выполнена. Военный Совет Белорусского фронта отметил героизм и мужество 33-го ОШБ и снял судимость со штрафников, которые были восстановлены в офицерских званиях, назначены на командные должности. 33-й ОШБ обеспечил успех 348 стрелковой дивизии. (Подчеркнуто мною. – А. П.)

Б. К. Андрушкевич»

К сожалению, я не располагал тогда точными документальными данными о 33-м штрафбате, когда он сформирован и какова его дальнейшая судьба. Однако, по имеющимся у меня теперь архивным документам, известно:

Первое: 8 декабря 1943 года распоряжением штаба фронта на должность командира 33-го штрафного батальона был направлен заместитель полковника Осипова, комбата нашего 8-го ОШБ, майор Мурза Илья Митрофанович, прибывший в наш штрафбат вместе с Осиповым с должности зам. командира полка. Вместе с ним убыл в 33 ОШБ командир 1-й роты капитан Калитвинцев Михаил Афанасьевич, ставший там начальником штаба, а также еще несколько офицеров с разных командных должностей. После событий, изложенных Андрушкевичем, майор Мурза 16 января 1944 года передал батальон подполковнику Кашенко, которому досталась честь расформировать этот героический батальон, а сам убыл на курсы командиров полков.

Здесь я поделюсь неожиданной для меня новостью об Илье Митрофановиче. Совсем недавно в результате моих постоянных поисков бывших штрафбатовцев

мне удалось установить, что командиру стрелкового полка подполковнику Мурза И. М. за успешное форсирование в апреле 1945 года западного рукава реки Одер (West-Oder) присвоено звание Героя Советского Союза.

Второе: 2 марта 1944 года в наш батальон была переведена из 33-го штрафбата часть офицеров постоянного состава, среди которых были лейтенанты Усманов, Булгаков и Сисенков, а также большая группа штрафников, не успевших отвоеваться по прежнему месту пребывания. Это произошло так же, как в свое время на Донском фронте с расформированием штрафбата № 2, передавшего свой оставшийся личный состав штрафбату № 1, ставшему вскоре 8-м ОШБ. Усманов Фуад Бакирович (просил называть его по-русски Федей), Булгаков Дмитрий Иванович стали командирами взводов в 1-й роте у капитана Матвиенко Ивана Владимировича, Сергей Сисенков принял пулеметный взвод в роте у майора Анатолия Бабича. Из группы штрафников, прибывших из 33-го ОШБ, в моем взводе стал одним из моих заместителей бывший старший лейтенант Петров С. И., старше меня по возрасту на 9 лет и имеющий большой боевой опыт.

Эти сведения о 33-м ОШБ я привел лишь как дополнение к рассказу о том, как формировались штрафные батальоны. А обо всем, что происходило при мне в 8-м Отдельном штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта, чего я был участником или свидетелем, расскажу в последующих главах этой книги.

Глава 3

Не штрафником, а в штрафбат. Сын за отца?

*О, сколько горьких испытаний
На долю выпало твою!
И шел ты в бой с одним призывьем —
Отчизну защищать свою.*

О. Дымов

*Атаки, окопы, засады,
Болота, сугробы, ветра...
Наверно, забыть это надо,
Но помнится, словно вчера.*

Виктор Верстаков

На фронт я попал после долгих попыток выпроситься из запасного полка, дислоцированного недалеко от Уфы. В ноябре 1943 года после сложных и сравнительно долгих переездов мы, группа офицеров, оказались в 27 ОПРОСе (Отдельный Полк Резерва Офицерского Состава) Белорусского фронта, естественно, на белорусской земле. Конечно, это еще не передовая, куда мы стремились, где ведут бои с противником, ходят в атаки, хотя мы и здесь выполняли боевые задачи по охране и обороне арсеналов фронта. Чаще патрулировали прифронтовую территорию на предмет выявления отставших от войск военнослужащих и задержания диверсантов противника, что не всегда обходилось без применения оружия. Каждый из нас наряду с этим ждал своего «звездного часа», который определит, где и в какой роли станешь настоящим фронтовиком, а вестниками судьбы почти каждый день или ночь являлись гонцы из частей переднего края, отбиравшие пополнение вместо выбывших из строя офицеров. Знали мы, конечно, что выбывают они там не на курорты или в отпуска, а в госпиталя или в братские могилы.

Несколько строк о моей службе до этого. С началом войны мы, выпускники средней школы на Дальнем Востоке, в большинстве добровольцами были зачислены в Красную Армию. Вместо наших отчаянных просьб направить нас на фронт для борьбы с немецкими захватчиками, нас определили в войска Дальневосточного фронта, пока не действующего. Полгода мне пришлось закаляться рядовым в полковом разведзвезде одной из дивизий ОКДВА (Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии). Затем нас, несколько комсомольцев со средним образованием, по комсомольским путевкам направили в пехотное военное училище в Комсомольске-на-Амуре, где мы учились тоже полгода. После окончания военного училища, уже лейтенантом, мне пришлось послужить снова (и опять полгода) на Дальнем Востоке, затем немного больше в Южно-Уральском военном округе, и только в ноябре 1943 года я наконец попал на Белорусский фронт, в 27 ОПРОС (Отдельный Полк Резерва Офицерского Состава).

Однажды, в двадцатых числах декабря, меня вызвали в штаб этого полка на беседу к майору из действующих войск. Он был со строгими чертами лица, обветренного почти до черноты, и я обратил внимание на его заметно поврежденную раковину правого уха. Просмотрев мое, еще тощее, личное дело и задав несколько вопросов о семье, об училище и о здоровье, он вдруг сказал: «Мне все ясно. Пойдешь, лейтенант, к нам в штрафбат!» У меня, выпускника военного училища, может быть раньше, чем у других, какое-то представление о штрафбатах

уже имелось из приказа Наркома обороны № 227, зачитанного нам в воинской части вблизи озера Ханка в Приморье. Но как оно далеко оказалось от реального! В Приложениях 1 и 2 я привожу полный текст приказа Сталина № 227 «Ни шагу назад!» и «Положения о штрафбатах». А тогда, кажется, заикаясь от неожиданности, я спросил: «3-3-за что?» И в ответ услышал: «Неправильно задаешь вопрос, лейтенант. Не *за что*, а *зачем*. Будешь командовать штрафниками, *помогать им искупать их вину* перед Родиной. И твои знания, и хорошая сибирско-дальневосточная закалка для этого пригодятся».

Я знал из того сталинского приказа, что на командные должности в штрафбаты назначаются лишь *лучшие из имеющих боевой опыт офицеры*, и в моих мыслях впервые появилась ниточка рассуждений, связывающих текущие события с совсем недавним прошлым. А в том прошлом, всего за год с лишним до этого, мой отец попал под строгие законы военного времени. За неллицеприятные высказывания о руководстве страны и лично в адрес Сталина был, как принято ныне говорить, репрессирован, то есть осужден к 8 годам лишения свободы по известной тогда 58-й статье УК РСФСР. Подробнее об этом я расскажу в одном из экскурсов в свое прошлое.

Я ничем не могу подтвердить верность тех моих предположений, но тогда как молния просверлила мозг мысль: *а не за репрессированного ли отца это наказание?* Конечно же, сразу и контрдовод появился, известные нам с детства слова Сталина: «Сын за отца не отвечает». О том, что это были слова из Библии, я слышал еще со слов моей набожной бабушки. И мне, конечно, было известно, что Сталин, учившийся в детстве в духовной семинарии, не мог их не знать. Спонтанно родилась мысль и о том, что причиной мог быть также и арест старшего брата моей матери в 1937 году. По той же 58-й статье мой дядя был объявлен «врагом народа», и его судьба была тогда нам неизвестна.

Оказалось, что из 18 офицеров, отобранных этим майором на командные должности в штрафбат, оказался я один, еще не имеющий боевого опыта, «необстрелянный», а остальные имели не только боевые ранения, но часть даже наградами отмечены. Эта навязчивая мысль о «тени предков», о *наказании за совершенные не мною преступления* еще не раз за время моей долгой воинской службы посещала меня, но каждый раз находилась и «контрдовод» ей. В этом же случае, одновременно с сомнениями и с определенной степенью недоумения, «тень предков», с одной стороны, не позволяла оправдать мое определение в штрафбат только моим «сибирским здоровьем», а «контрдовод» заставлял считать это назначение скорее не наказанием, а чем-то вроде своеобразного доверия. Возникло даже что-то вроде гордости за то, что меня приравнивали к боевым офицерам.

Как оказалось, офицером, отбиравшим нас для штрафбата, был помощник начальника штаба 8-го Отдельного штрафного батальона майор Лозовой Василий Афанасьевич. С ним мне довелось и начать свою фронтную жизнь в 1943 году, и совершенно неожиданно встретиться через четверть века после войны на оперативно-командных сборах руководящего состава войск Киевского военного округа, куда всех более или менее крупных военачальников раз в год собирали на декадные сборы. Тогда я был уже в чине полковника и его, тоже полковника, узнал по приметному правому уху.

А тогда, в декабре 1943 года, после тяжелых боев под Жлобином (Белоруссия) тот штрафбат понес большие потери, в том числе и в постоянном офицерском составе. Вот майор Лозовой и отобрал нас, восемнадцать офицеров, от лейтенанта до капитана, в основном (кроме меня) уже бывалых, боевых фронтовиков, возвращавшихся из госпиталей на передовую. Буквально через час мы уже мчались тревожной декабрьской ночью в кузове открытого грузовика с затемненными фарами в сторону передовой, хорошо определяющейся по всполохам от разрывов снарядов, по светящимся следам разноцветных трассирующих пуль, по висящим над горизонтом немецким осветительным ракетам. Скупое освещенная неверным светом идущих все ближе боевых действий, изуродованная войной, земля Белоруссии казалась ох какой

неприветливой. Это потом, когда нам пришлось на этой земле повоевать, мы почувствовали приветливость и ее жителей, перенесших неимоверные страдания от оккупантов, и этой почти полностью сожженной и разграбленной врагами земли. А где-то там, под огнем противника, на этой земле, о которой в одной популярной песне говорилось «Белоруссия родная», держал оборону пока неведомый, но вскоре ставший родным на долгое время, до самой Победы, наш 8-й Отдельный (офицерский) штрафной батальон.

Перед рассветом 25 (или 26) декабря наш грузовичок остановился на окраине какого-то небольшого, всего из нескольких хаток, населенного пункта. Изрядно продрогнув в открытой машине на декабрьском ночном морозном ветру, мы стали энергично двигаться, толкать друг друга, чтобы хоть немного согреться. Майор Лозовой быстро вбежал в домик с едва свечащимся, завешенным, словно прищурившимся, окошком и так же стремительно вскоре из него выбежал. Подойдя к нам, он скомандовал «за мной!» и зашагал, не оглядываясь, к другому домику. Мы, еще не размяв как следует свои ноги, едва успевали за ним.

Вошли через сенцы в большую, хорошо натопленную комнату, скупо освещенную каким-то примитивным светильником, сооруженным из артиллерийской гильзы. Вдоль глухой стены на длинной лавке лежат кучей полушубки, от которых знакомо пахнет овчиной, рядом большая стопка новых валенок, тоже издающих приятный, знакомый с детства, оригинальный аромат. Подумалось, что это для нас. Теплее стало на душе, ведь это проявление заботы о тех, кто станет теперь членом этой большой и очень необычной фронтовой семьи, о которой у меня, в частности, было еще весьма смутное представление.

Посреди комнаты – длинный грубо сколоченный стол с рядом коротких скамеек. Не успел я подумать о том, что пора бы и пожевать чего-нибудь, как вошел молодой солдатик, принес стопку алюминиевых то ли мисок, то ли глубоких тарелок и поставил их на стол. Еще одно приятное ощущение заботы. Спустя несколько минут к нам вошел какой-то щупленький старшина в несвежем, местами засаленном полушубке и предложил позавтракать. Вслед за ним тот же солдатик внес кастрюлю с гречневой кашей, сдобренной поджаренной с луком американской тушенкой, к запаху которой я успел уже привыкнуть, находясь в резервном офицерском полку, откуда мы и прибыли сюда. В запасном полку, в Алкино под Уфой, наша офицерская столовая такими запахами, за все девять месяцев моего пребывания там, не баловала!

Довольно плотно позавтракав и попив крепкого горячего чая, вконец отогревшись, захотелось после бессонной ночи хоть немного вздремнуть, но вошедший к нам еще один офицер, поздоровавшись и представившись как командир комендантского взвода, старший лейтенант Киселев, сообщил, что нас приглашает на личную беседу командир батальона, подполковник Осипов Аркадий Александрович. Потом Киселев положил на стол аккуратный листок бумаги со списком, по которому мы должны были поочередно идти к комбату. Я в нем оказался четвертым. А первым пошел капитан Матвиенко, самый старший из нас и по званию, и по возрасту. Минут через десять капитан вернулся какой-то возбужденный, покрасневший и стал выбирать себе полушубок и валенки. На наши красноречиво вопросительные взгляды Иван (так звали капитана) многозначительно отмалчивался.

Я с каким-то трепетным волнением дожидался своей очереди. И когда третий по очереди, старший лейтенант Муся Гольдштейн, ушел к комбату, я не стал ожидать его возвращения и пошел вслед за ним, оставшись у крыльца дома комбата, чтобы не заставлять его ожидать моего прихода.

Таким странным именем «Муся» Гольдштейн назвал себя при знакомстве, и это имя так на все время и прилипло к нему, превратившись в среде равных просто в Муську. Это потом мы узнали, что по документам Гольдштейн значился как Мусь, а полное его настоящее имя – Моисей. Через какое-то время мы стали называть его просто Муся и даже привычным для слуха русским именем Миша. Компанейским он был, или, как бы теперь сказали – коммуни-кабельным.

Вскоре Мусь вышел из домика комбата, я набрался духу, поправил на себе снаряжение, как можно тверже вошел к комбату и постарался точно по уставу доложить о прибытии в его распоряжение для прохождения дальнейшей службы. Комбат встал, вышел из-за стола, стоявшего напротив входа, подошел ко мне и молча протянул руку. Пожимая его ладонь, я вначале остерегался сильно пожать ее своей, вовсе не маленькой, ладонью потомственного сибиряка, но оказалось, что рука у комбата крепкая, жилистая, и мне самому довелось почувствовать ее твердость. Как нас учили еще в разведзвезде на Дальнем Востоке, начальство нужно «есть глазами». Мой взгляд встретился с не менее внимательным и твердым взглядом подполковника.

Какое-то время, может, секунду, а может, значительно больше, мы разглядывали друг друга. Мне показалось, будто комбат изучает каждую черточку лица моего, чтобы навсегда его запомнить. А я успел заметить, насколько усталыми кажутся его глаза, с едва заметным прищуром и покрасневшими от бессонных ночей белками. На этом фоне очень выделялся кажущийся ослепительно белым, свежесподшитый подворотничок у выдавшего виды его кителя с несколькими орденами. Да и возраст его произвел на меня впечатление довольно пожилого, по нашим тогдашним, почти юношеским, меркам, человека, лет так близко к 50. Это, как оказалось, ошибочное впечатление держалось у многих все то время, когда Осипов был нашим комбатом. Только когда я стал работать над рукописью моей первой книги «Штрафной удар...», Рогачевский райвоенкомат сообщил мне, что Аркадий Александрович Осипов родился в 1908 году. Значит, в 1943 году ему было всего-то тридцать пять лет! Верно говорят, война не красит и не молодит человека!

Потом комбат пригласил меня сесть к столу, взял мое личное дело, пролистал его несколько страниц, останавливая взгляд на интересующей его информации. Затем медленно встал (я тоже вскочил со своего места) и неспешными широкими шагами стал ходить по комнате, задавая мне время от времени вопросы и внимательно выслушивая мои ответы. Как мне показалось, его больше заинтересовала моя служба рядовым разведчиком еще до училища, хотя потом он подробно расспрашивал, чему нас учили в нем, что мне больше нравилось и на какие детали практической подготовки обращалось внимания в училище. Беседа эта, как мне показалось, была более продолжительной, чем с моими предшественниками.

А завершилась она снова крепким рукопожатием, добрыми напутственными словами и запомнившейся мне фразой: «Ну что же, товарищ лейтенант, привела судьба нас повоевать вместе. Будем надеяться, доведется нам и успешно встретить Победу. А пока побудьте в моем резерве у майора Кудряшова Александра Ивановича» – и сделал едва заметный кивок в сторону.

Только тут я заметил, что у стены слева сидел майор и рядом с ним старший лейтенант, который быстро то ли записывал, то ли просто помечал что-то в толстой тетради или конторской книге. Майором оказался тот самый Кудряшов, а старшим лейтенантом, как я узнал позже, – уполномоченный Особого отдела «Смерш». Кудряшов сказал мне, чтобы я шел в расположение (значит, понял я, в отведенный нам домик) и ждал команды. Четко повернувшись кругом, я вышел. Только спускаясь с невысокого крылечка, я заметил, что под шапкой моя тогда еще очень густая шевелюра изрядно взмокла.

Так закончилась наша первая встреча. Но с комбатом Осиповым мне довелось обрести не только настоящее боевое, но и водное крещение, чуть не утонув в ледяной купели реки Друть. Первый раз по-настоящему я был крещен в детстве, а здесь было мое второе крещение, может, поэтому мне везло на войне, как дважды крещеному. Был за время нашей общей службы в штрафбате и случай, когда я едва не перешел из офицера-командира в разряд офицера-штрафника. Это было через полгода в Полесье, где я, в стремлении улучшить нашу оборону, превысил свои права, снимал мины с одного участка и ставил их лично перед нашими окопами.

Дважды при выполнении боевых задач в составе «осиповского» батальона мне пришлось самому перенести серьезные ранения и даже получить очередное воинское звание. Этот мой

первый фронтовой комбат стал примером боевого командира на всю мою воинскую службу оказавшуюся довольно долгой. Как когда-то образцом для меня стал первый мой командир роты – политрук Тарасов, о котором я расскажу в одном из своих «экскурсов» в прошлое.

В этот первый штрафбатовский день нас ознакомили с организацией и штатной структурой батальона, его вооружением, с категориями переменного состава, узнали мы, что наш батальон воюет в составе 48-й армии генерал-лейтенанта П. Л. Романенко. Тогда же мы узнали, что до боев под Жлобином на 20 декабря в батальоне состояло штрафников 918 человек (это же почти полк!). И не совсем правы те «исследователи», которые утверждают, будто в штрафбатах «по определению» не могло быть ни на одного человека больше 800 человек, установленных штатным расписанием, так как никто пайков больше положенного не выдаст. Выдавали на всех, сколько было, «едоков», и никогда не было в этом проблем, как изобразили в 11-серийном фильме «Штрафбат» Володарский с Досталем.

После ожесточенных боев под Жлобином 23 декабря, потери составили: убитых – 144, раненых – ровно в 2 раза больше – 288, пропавших без вести – 59. Итого 591 человек. В боевом донесении «Штабат 8 Отд. с-з Майское 7.00 24.12.43», полученном мною из ЦАМО РФ, записаны эти же цифры, только есть еще одна фраза: «Налицо людей 349». Элементарный подсчет обнаруживает разницу в 78 человек, которые, вероятно, составили боевые потери (убитых и раненых) за период 20–22 декабря. Значит, и эти три дня не были спокойными. При соотношении потерь аналогично тому, какими они оказались 23 декабря (1:2), можно предположить, что не указанные в том донесении потери, вероятно, составили: убитых – 26, раненых – 52. Так что возможные потери за весь период трех дней боев могли составить: убитых – 170, раненых – 340. По предварительным, далеко не точным подсчетам (не было времени для точных подсчетов трупов противника!), как говорилось в донесении, на поле боя осталось около 300 трупов фашистов, в том числе 1 генерал, 22 офицера и 250 солдат. Надо сказать, что, как правило, штрафники пленных не брали без специальной на то команды, но здесь в плен было взято 2 унтер-офицера и 24 солдата. Наверное, так сложились обстоятельства.

Может, я утомил читателя обилием цифр, но этим мне хотелось показать, какова общая картина жестокости и напряженности боев, которые приходится вести штрафбату, если *только за один день боевые потери составили почти 600 человек. Это же более 65 процентов!!!* Эти цифры подтверждаются и архивными документами ЦАМО РФ. Вот почему на пополнение офицеров батальона понадобилось сразу 18 человек только в командный состав.

В этот же первый наш «штрафбатовский» день мы познакомились с командованием и штабом батальона, некоторыми его тыловыми службами и частью политаппарата. Мне почему-то не запомнился замполит командира батальона, может, он был занят более важным делом. Но сразу запомнился высокий, богатырского телосложения старший лейтенант Желтов Александр Матвеевич, который представился мне, лейтенанту, как парторг батальона и сразу же, как-то быстро, без каких-либо формальностей, поставил меня, кандидата в члены ВКП(б), и многих других на партийный учет. Наверное, я запомнил сразу тогда вместе с парторгом Желтовым начальника штаба майора Носача Василия Антоновича, командира комендантского взвода Филиппа Киселева да еще начальника службы вооружения, старшего лейтенанта Бабича Анатолия Григорьевича, из рук которого я получил свое личное оружие – пистолет «системы Наган».

Запомнились и агитатор батальона (были и такие штатные должности у нас) капитан Пиун Павел Ильич да помощник начпродо, старшина Червинский, накормивший нас с дороги по прибытии в батальон. Это потом, постепенно круг знакомств расширился, хотя многих офицеров из других подразделений, тыловых служб, из политсостава я так и не успел не то чтобы хорошо узнать, но даже узнать об их существовании вообще. Разные были у нас задачи. Эти офицеры из политсостава были закреплены за разными подразделениями, и с некоторыми из

них так и не удалось хорошо познакомиться. Да, честно говоря, некогда было нам, взводным, отвлекаться на широкие знакомства.

Начальник разведки штрафбата Борис Тачаев

Майор Кудряшов, видимо ссылаясь на мнение комбата, определил мне должность командира нештатного разведвзвода. Наверное, моя служба еще до военного училища красноармейцем в разведвзводе на Дальнем Востоке оказала влияние на принятие такого решения. Да и обрадовало то, что мне доверили разведывательное подразделение, несмотря на «преступный» шлейф отца и дяди.

Этот разведвзвод, оказывается, формировался сверх штата еще до декабрьских боев под Жлобином, он не входил в состав какой-либо роты. Кудряшов познакомил меня с начальником разведки батальона Борисом Тачаевым, старшим лейтенантом, как мне показалось, старше меня по возрасту, а как я узнал уже от него самого, имеющим боевой опыт и ранение под Сталинградом. Он как-то сразу, с первых же слов и жестов расположил к себе, и несмотря на то, что он был моим прямым начальником, я почувствовал себя почти как равный с равным. Его открытое лицо и приятная улыбка, какой-то внимательный взгляд на все, что он видел в данный момент, говорили, что передо мной опытный разведчик. Дельные, компетентные и неназойливые советы вызвали желание делать все в лучшем виде.

На второй день нашего пребывания в батальоне нас развели по окопам переднего края, и начальник разведки представил меня, нового командира, разведвзводу численностью... 11 человек. Все бойцы этого взвода оказались из бывших боевых офицеров. Побывавших в немецком плену, «окруженцев» или даже тыловых офицеров там не было. Это и понятно: взвод специально комплектовался из имеющих боевой опыт, обстрелянных бойцов. Только я, их командир, оказался в этом отношении «салагой», которому еще предстояло набираться боевого опыта.

Первым делом, сказал Борис, мне предстоит довести его как минимум до 25 бойцов, и что в этом поможет он сам.

Здесь я впервые увидел тех, кто составляет главную силу штрафбата, бойцов, которых (как-то мне непривычно) называли штрафниками, но не при обращении к ним, а «заочно». Я говорю «заочно» потому, что уже в первый день нам разъяснили, что ко всем к ним следует непременно обращаться, как и принято в нашей армии, со словом «товарищ», но все-таки по-

особому: «боец-переменник», так как, в отличие от нас, они относились к *переменному* составу, а мы – к *постоянному*. Тогда до меня дошло, что он, боец-переменник, покинет штрафбат либо совершив подвиг, либо по ранению, или, в конце концов, по истечению срока, на который направлен офицер в штрафники за свои прегрешения, а он больше трех месяцев не бывает.

Мы же, *постоянный состав*, остаемся в нем *постоянно*, не на 1–3 месяца, как штрафники, а кое-кто из нас, как оказалось, даже на год-два и более! Правда, на практике мы вскоре убедились, что это слово «боец-переменник» не прижилось, и его сами штрафники сократили до «боец», например: «Товарищ лейтенант, боец Иванов по вашему приказанию прибыл». Да и офицеры постоянного состава сами считали это более справедливым, не напоминая об их «особом ранге» и, как было принято во всей армии, говорили, например: «Боец Иванов, ко мне». Потом, уже после войны мне приходилось читать, что где-то их, штрафников, называли, например, «штрафной капитан» и т. и. В нашем батальоне такого не практиковалось.

Эти факты в пух и прах разбивают домыслы всяких недобросовестных писателей и киношников о тюремно-лагерных взаимоотношениях в штрафбатах. К своим командирам штрафники обращались строго по-уставному, например «товарищ лейтенант», а не «гражданин начальник» или «гражданин лейтенант», как домысливают это современные «знатоки» нашей военной истории. В этом стандартном воинском обращении чувствовалось совершенно нестандартное уважение, даже ко мне, еще необстрелянному лейтенанту, ставшему командиром тех, кто вчера еще был майором, а то и полковником, не раз бывавшим в огненной перепалке боев. Со временем и эта особенность мне стала понятна: ведь от штрафбатовского командира зависит во многом судьба штрафника, именно командир поведет их в бой, и от того, насколько умело он будет управлять своим подразделением, может зависеть и жизнь, и возвращение «бойца-переменника» в офицерский строй.

В окопах не утихали эмоциональные разговоры о том, что батальон удостоил чести посещения сам Рокоссовский. Оказалось, буквально за день-два до нашего появления в штрафбате, сразу же после того, как батальон понес большие потери и в переменном, и в командном составе, в окопах батальона побывал командующий фронтом генерал Рокоссовский. Сколько было впечатлений у тех, кому посчастливилось поговорить с ним, увидеть его! Буквально все восторгались его манерой разговаривать спокойно и доброжелательно и со штрафниками, и с их командирами. Мне оставалось только сожалеть, что не довелось быть свидетелем этого памятного события.

Несколько дней мы прожили в окопах вместе с начальником разведки Борисом Тачаевым, там мы и познакомились поближе. Я узнал, что он, как и я, в армии с первых дней войны, даже в военное училище поступил, упредив ее на день, 21 июня. До фронта успел окончить два военных училища, вначале интендантское, а затем доучивался в пехотном. Воевал под Сталинградом, после ранения и госпиталя получил назначение в штрафбат, в отличие от меня – как имеющий боевой опыт.

Большинство бойцов теперь уже моего взвода не только по возрасту старше меня, но по их временно отнятому званию – тоже. Бойцы моего взвода одеты практически одинаково, в шинелях на телогрейки, на ногах – сапоги; шапки, как правило, офицерские не новые, но цигейковые, серые. Вообще бойцы батальона, как я успел обратить внимание, обмундированы как-то разношерстно: большинство – в солдатских или офицерских шинелях, бушлатах или телогрейках, но все без погон и с солдатскими ремнями. Значительная часть носит шапки-ушанки солдатского образца из искусственного меха. На ногах тоже у многих сапоги, значительная часть – в ботинках с обмотками.

Оказывается, те, что в ботинках, – как правило, бывшие военнопленные и вышедшие из окружения или из освобожденных от оккупации территорий (всех их называли «окруженцами»), а вторые – бывшие офицеры фронтовых или тыловых подразделений, осужденные военными трибуналами или направленные в штрафбат комдивами. Мои опасения относи-

тельно могущих возникнуть сложностей во взаимоотношениях были напрасными: и между собой все они общались привычно, как равные, может быть только подчеркнуто уважительно, на «вы» с теми, кто в прошлом носил более высокие воинские звания. Я даже слышал иногда обращения штрафников друг к другу по их действительному в прошлом воинскому званию: «Товарищ подполковник».

Вот здесь мне хочется привести свидетельство «постороннего» человека, то есть не состоящего ни в постоянном, ни в переменном (штрафном) составе батальона, минского пенсионера, недавнего работника аппарата Президиума Верховного Совета Беларуси. Это бывший начальник радиостанции, прикомандированной к батальону из штаба 3-й армии генерала Горбатов на период выполнения нашим штрафбатом боевого задания при взятии Рогачева, старшина-фронтовик Григорий Власенко. Его мнение совпадает с моим удивлением от первого впечатления о штрафниках-офицерах:

«Мое личное впечатление от их поведения на передовой таково, что в абсолютном большинстве это были люди порядочные. Скажу даже – высокого долга и высокой воинской морали. Конечно, изначально все они были разные, и прежняя вина у каждого была своя. Рядом могли находиться растратившийся где-то в тылу пожилой техник-интендант и юный балбес-лейтенант, который опоздал из отпуска или по пьянке подрался из-за смазливой медички.

Но наступал момент внутреннего преобразования, момент осознания готовности к самопожертвованию, и эти люди становились едины в том, что в бой шли, как на молитву.

Запомнилась мне деталь: между собой они обращались на „вы“. Матерная брань считалась дурным тоном. Ну, а если отрицать высокопарность, то допустим и такой мотив: пусть меня ранит, пусть погибну, так ведь реабилитируют! И семья в тылу получит деньги по восстановленному офицерскому аттестату».

Личные отношения у меня с подчиненными складывались, вопреки опасениям, неожиданно хорошо. Я как-то сразу почувствовал заботу о себе в том, что командиры отделений, более степенные и солидные бойцы, как-то старались оградить меня на первых порах от принятия скоропалительных решений. Да и от любопытства некоторых подчиненных тоже, желавших понаблюдать, как необстрелянный командир будет вести себя в этой среде. То есть помогали мне на первых порах «держаться дистанцию». А поскольку наступил период, когда мы стояли в обороне, и пока ни мы, ни противник не вели активных боевых действий, мне было удобно постепенно «вращаться» в обстановку, понимать непростую ситуацию, сложившуюся уже в таком необычном батальоне. Между тем я и сам стал привыкать к боевой обстановке. Научился ходить вдоль окопов, не провоцируя своим ростом вызова огня противника на расположение взвода. Научился различать свист летящих мимо пуль, шорох снарядов и мин противника, летящих мимо или могущих разорваться в опасной близости.

Как-то раз по вызову того самого майора Кудряшова мне нужно было вечером покинуть окопы и прибыть в штаб. По ходу сообщения я прошел какое-то расстояние, а затем мне предстояло пройти метров 300 по открытому месту. Были уже сумерки, приближалось время, обычное для немецкого артонала, и я, честно говоря, подумал, не попаду ли под него. И надо же, попал! Не пробежал буквально и нескольких десятков шагов, как загрохотало, и эту поляну накрыло несколько разрывов, вздыбивших заснеженную землю серией фонтанов, больше похожих на извержение каких-то мини-вулканов.

Наверное, нет людей, не ощущавших страха, тем более – на войне.

Ощущая, может быть, впервые в жизни этот всепоглощающий, даже животный страх оттого, что я один, никого нет рядом и в случае чего мне никто не поможет, я бросился на землю, укрытую плотным, утоптаным снегом. Разрывы снарядов или мин немецких (еще не научился их уверенно различать) не становились реже, но мой страх, казалось, куда-то забирался постепенно внутрь. Единственным моим желанием стало: «Ну пусть, раз уж суждено, только сразу в меня, а не рядом. Пусть прилетит именно мой снаряд, пусть огромная, все раздирающая боль ворвется в меня, но ведь это только „на мгновение”». Однако именно эта мысль неожиданно успокоила меня, а чувство страха куда-то вовсе улетучилось, и я решил больше не дожидаться своего конца лежа, какая разница, в куски разорвет «мой» снаряд лежачего или бегущего.

Да к тому же меня ждет замкомбата, и не подумает ли он, что я прячусь где-то, как трусливый кролик. Как будто какая-то внутренняя пружина подбросила меня, я вскочил и, не обращая внимания на вздымавшиеся то тут, то там фонтаны взрывов, побежал вперед. И будто по мановению волшебной палочки, вдруг почти сразу же прекратились разрывы. От неожиданности я даже остановился, не веря, что весь этот кошмар закончился. Видно, судьбе моей или Богу (тогда мы отождествляли эти понятия) было угодно прервать это испытание моей воли и психики. Это значительно позже, уже после войны, мне врезалось в память изречение основоположника научной педагогики в России К. Д. Ушинского: «Не тот мужествен, кто лезет на опасность, не чувствуя страха, а тот, кто *может подавить самый сильный страх* и думать об опасности, не подчиняясь страху». Мне кажется, что до знакомства с этим положением Ушинского к такому выводу мы на фронте приходили сами.

Придя в себя, побежал дальше. И пока бежал, периодически переходя на ускоренный шаг, чтобы перевести дыхание, почувствовал, что все еще дрожащие мои нервишки постепенно перестают вибрировать и я смогу спокойно доложить майору о своем прибытии. Так и произошло: майор Кудряшов, показавшийся мне вначале не очень приветливым, довольно тепло принял мой доклад, не преминул заметить, что мог бы и не спешить, а переждать эту вражескую канонаду. Борис Тачаев, присутствовавший здесь же, кивнул одобрительно, сопровождая свой кивок дружеской, хотя и сдержанной улыбкой.

Ну а дальше, совершенно неожиданно для меня, пошел разговор о том, не хотел бы я перейти на штабную работу, хотя и временно. Мне вначале показалось, что именно Борис Тачаев засомневался, справлюсь ли я, не имеющий боевого опыта, с должностью командира взвода разведки. То ли оттого, что я еще не отошел от возбуждения, что только сейчас преодолел в себе неведомый мне ранее барьер страха, то ли от простого нежелания менять живое общение с такими необычными бойцами на бумажно-канцелярское, как мне подумалось, дело, я твердо ответил, что если имею право отказаться, то не согласен. Совершенно неожиданно и даже вроде бы обрадовавшись, майор одобрил мое решение. А Борис, услышав мое уверенное решение, настолько откровенно обрадовался, взял мою руку и крепко пожал ее, сказав что-то вроде «молодец, так держать!». Майор, подумал я, сделал это предложение вовсе не ради действительно требующегося в то время перемещения, а только для проверки: узнав о моем хорошем почерке и высокой по тому времени грамотности, решил узнать, не было ли у меня мысли занять менее опасное место. Вернулся в свой окоп я снова с Борисом Тачаевым.

Понемногу знакомился я и с командованием батальона, все ближе узнавал Александра Ивановича Кудряшова, еще сравнительно молодого (правда, на 10 лет старше меня), но уже в звании майора, с веселым нравом, грамотного, имеющего солидный, «доштрафбатовский», боевой опыт командира роты и даже командира стрелкового батальона. У него уже было два ранения, медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. Как и я, он любитель стихов, окончил до войны и рабфак, и учительский институт, поработал учителем и даже заведующим сельской школой. Несмотря на свое превосходство в общей грамотности над комбатом Осиповым, считавший, что и он сам мог бы командовать таким «особым» батальоном, Кудряшов всегда под-

черкивал природный ум Аркадия Александровича, умение владеть собой и подчиненными в любых условиях. Таких качеств не всегда самокритичный Александр Иванович себе все-таки не приписывал.

Не переставал меня удивлять наш комбат Осипов какой-то доступностью и отеческим отношением к нам, командному составу и к штрафникам. Видимо, не зря и те и другие между собой называли его иногда «отец родной», а чаще просто «Батя». Вероятнее всего, это была закономерная реакция бойцов на атмосферу доверия к ним со стороны комбата и штатного состава батальона, уважения их к тем, кто считался преступниками, штрафниками. Что касается личности Аркадия Александровича Осипова и его отношения к подчиненным, то только на одном примере, ставшем мне известным, я сделал вывод об удивительной его сдержанности. Заодно и о высоком моральном духе, о советском патриотизме большинства воинов-переменников, не очень обласканных той же советской властью и оказавшихся в неласковом же штрафбате. Вот этот пример.

Однажды, совсем накануне Нового 1944 года, из окопов на полевую кухню был направлен с термосом за горячим обедом один боец-переменник. Случилось так, что ему встретился другой штрафник, направлявшийся из штаба батальона в окопы с каким-то поручением. Так вот, «кухонный» (так назовем первого) говорит «посыльному» (так назовем второго): «Не хотел бы ты иметь хорошие трофейные золотые часы в качестве новогоднего подарка?» Тот подумал, что ему предлагают практиковавшийся на фронте обмен типа «махнем, не глядя», когда обмениваются вещами, не видя их, и кто из менял окажется в выгоде, покажет итог такого обмена. Поэтому он заявил инициатору, что у него нет ничего равноценного.

В ответ на это «кухонный» предложил «посыльному» в обмен на часы «подарить ему пулю» и разъяснил: «Я тебе часы, а ты мне прострели руку, и будем квиты». «Посыльный» снял с плеча автомат, а «кухонный», истолковав это движение как согласие на «обмен», поднял вверх руку. Тогда его визави, направив свой автомат в грудь желающему получить вождевленное ранение, сказал примерно следующее: «А теперь, сволочь продажная, такую твою растакую... (и т. д., и т. п.) поднимай и вторую руку! Я тебе покажу, что таких б..., как ты, не так много среди нашего брата, как тебе показалось!»

И повел его прямо в штаб батальона к комбату Осипову. У честного, хотя и провинившегося в недавнем прошлом офицера не было жалости к подлецу, хотя знал, что того могут и расстрелять за эту попытку членовредительства.

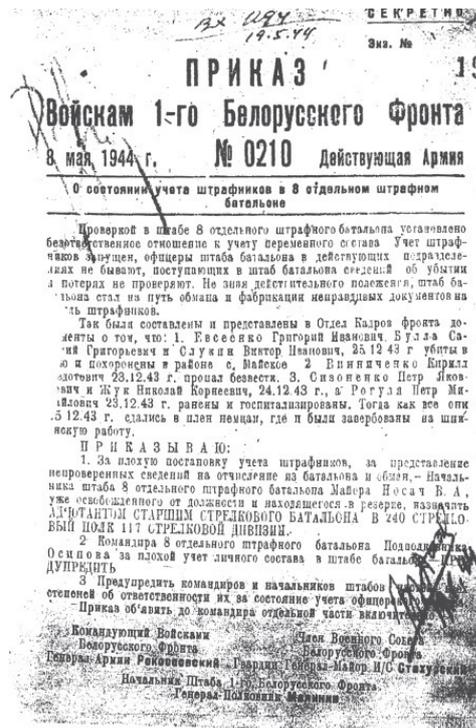
Комбат практически имел право даже расстрелять такого негодяя, но только отобрал у него те самые часы, хотя, как оказалось, вовсе и не золотые, тут же вручил их «конвоиру», объявив ему благодарность. А этого не состоявшегося членовредителя (так называли в армии «самострелов» и им подобных) под конвоем и в сопровождении уполномоченного особого отдела (в просторечии – «особиста» батальона) отправил куда-то, то ли в трибунал, то ли в особый отдел старшей инстанции. Какова дальнейшая судьба этого «менялы», сомнений в этом ни у кого не возникало. Да и не в этом суть, а в том, на каких основах строились взаимоотношения между самими штрафниками, и неважно, в каких ипостасях они были до того, как попали в штрафбат, из «окруженцев» или боевых офицеров.

Забегу немного вперед. Когда мы, выведенные из боевой ситуации под Жлобином, пополнялись и готовились к будущим боям под Рогачевом, там мы вдруг заметили, что один из заместителей Осипова, начальник штаба майор Носач Василий Антонович, всегда бывший общительным, вдруг заметно изменился. Он, прошедший с этим батальоном в боях от Сталинграда и выросший в нем от заместителя командира роты до начштаба, почему-то стал замкнутым, избегал неформальных встреч или бесед, перестал реагировать на шутки офицеров. Только теперь, работая над этой книгой, среди документов Центрального архива Министерства обороны я увидел один приказ по 1-му Белорусскому фронту № 0210, проливающий свет на причину такой странности в поведении начальника штаба. Оказывается, в нашем штрафбате в дни

боевых действий под Жлобином произошел беспрецедентный случай, на котором я остановлюсь несколько подробнее.

В декабре 1943 года там, когда в боях батальон понес большие потери, семеро штрафников, угодивших в штрафбат за то, что долгое время находились на оккупированной территории (проверкой не было точно установлено их тайное сотрудничество с немцами), воспользовавшись суматохой боя, сбежали к противнику Майор Носач, не проверив дошедших до него ложных сведений об их мнимой гибели или ранениях, направил донесение в отдел кадров фронта о том, что трое из них погибли, один пропал без вести, а трое ранены и госпитализированы. Как оказалось в действительности, эти штрафники сдались в плен и перешли на службу к фашистам. В январе 1944 года были пойманы на другом участке фронта, уже со шпионским заданием. Так невольный обман майора Носача был обнаружен, и над ним нависла угроза серьезного наказания.

Видимо, чувствовал Носач свою вину и перед комбатом, и перед коллективом товарищей, хотя нам об этом так тогда и не было известно. Уже по завершении нами рейда в тыл противника майор Носач приказом по фронту был смещен с должности и откомандирован из батальона с понижением в должности. Штрафники, кто дезинформировал майора Носача, были выявлены, осуждены военным трибуналом, лишены по суду офицерских званий и направлены в армейскую штрафную роту. Вот ксерокопия этого приказа.

Уже после войны, когда я разыскивал своих сослуживцев по штрафбату, нашел и майора запаса Носача, проживавшего в Киевской области. Но Василий Антонович как-то не радостно откликнулся на результат моего поиска и почему-то не проявил желания поддерживать между нами связь. Видимо, ему, так и оставшемуся майором, было неудобно предстать в этом звании перед одним из бывших его подчиненных лейтенантов, ставшим уже полковником. А может, он все еще стыдился своего прошлого проступка, из-за которого всеми любимый комбат Осипов получил тогда «предупреждение» (это, правда, еще даже не взыскание) от командующего фронтом К. К. Рокоссовского, но все-таки... Правда, вскоре генерал Рокоссовский присвоил Осипову звание полковника. Пусть меня простит читатель за столь обширный экскурс вперед,

но мне хотелось этим подчеркнуть характер отношений командного состава штрафбата между собой и с бойцами-переменниками.

А тогда, в декабре 1943 года, еще задолго до нашего рейда в тыл противника, казалось неожиданно, наступил Новый 1944 год. Новогодняя ночь и первый день его ничем особым не отличался от предшествующих, разве только немцы особенно много навешали над нашими позициями осветительных ракет на парашютиках, да продолжительнее и как-то гуще вели артиллерийско-минометный обстрел траншей, занятых нашими войсками, и не только на участке штрафбата. А еще через неделю остатки нашего батальона сняли с оборонительных позиций, вывели во второй эшелон, разместили штаб в селе Майское, за которое еще недавно батальон вел жестокие бои. Подразделения и хозяйственные структуры разместили в окрестных деревнях.

Батальон стал принимать новое пополнение, основная часть которого снова состояла из числа бывших военнопленных или находившихся на оккупированной территории, а также вышедших из окружения, то есть того контингента, который назывался у нас одним словом «окруженцы», хотя это слово произносилось без тени презрительности или униженности, как это может показаться поначалу. И главным делом нашим стала боевая подготовка, то есть обучение заново владению штатным оружием, элементарным приемам переползания «попластунски», окапывания, особенно в случаях, когда нужно «на виду у противника» отрыть «ячейку для стрельбы лежа» малой саперной лопаткой, неизменной помощницей солдата. Многому надо было учить из того, что ими было забыто за годы плена или оккупации, или даже было неведомо вовсе, если они ранее не служили в пехоте. Может, и не знали мы тогда, что еще древний мыслитель и философ Китая Конфуций говорил: «Посылать людей на войну необученными – значит предавать их», – но неуклонно следовали этому правилу.

Видимо, по распоряжению комбата, его заместитель майор Кудряшов и начальник разведки старший лейтенант Тачаев курировали мой разведвзвод (а может, именно меня, его командира, еще не имеющего боевого опыта?). Из прибывающего пополнения они отбирали кандидатов в разведчики, направляли их ко мне, весьма тактично предоставляя право окончательного решения самому взводному. В общем моя главная командирская задача состояла в том, чтобы разведвзвод был укомплектован бойцами, способными выполнять любые боевые задачи, вплоть до вождения мотоциклов, автомобилей и даже танков. Естественно, что первыми кандидатами в мой взвод отбирались крепкие здоровьем пехотинцы, а также танкисты, автомобилисты, саперы, связисты и бойцы, имеющие спортивные навыки, а также владеющие немецким языком хотя бы немного лучше, чем я сам, знающий его в пределах школьной программы. Вспоминая изучение этого предмета в школе, я пожалел, что без должного старания относился к «языку фашистов», более широкое его знание теперь пригодилось бы.

Конечно, подходящих бойцов оказывалось немного, но взвод мой, значительно поредевший после тяжелых боев под Жлобином и после освобождения отличившихся в тех боях от пребывания в штрафбате, пополнялся медленно, но подходящим составом. Уже нужно было начинать с ними практические занятия, которые на первых порах заключались в проверке тех умений, что могут понадобиться разведчику.

Некоторых бойцов-переменников, предварительно зачисленных во взвод, если кто-то из них боялся гранаты, оказавшейся в руках, недостаточно метко стрелял, не умел обезвредить противопехотную немецкую мину и т. д., пришлось вернуть, их с удовольствием забирали в другие подразделения. Это было похоже на порядок, памятный еще по 1941 году, когда нашу роту запасного полка 2-й Дальневосточной армии разбирали по полкам дивизии полковника Чанчибадзе. Но только здесь все это делалось уже для реальных боевых действий в соприкосновении с противником. Оставшиеся до получения боевой задачи дни и ночи были заполнены тем, что называлось в армии боевой и политической подготовкой.

И вот это время реальной боевой задачи наступило.

Тогда, в феврале 1944 года, к участию в захвате Рогачевского плацдарма, взятию Рогачева и был привлечен наш батальон. Пополнение батальона, пока мы находились на формировании в Майском и окрестных деревнях, шло довольно интенсивно. И не столько за счет прощтрафившихся боевых офицеров. Поступал по-прежнему и значительный контингент бывших офицеров, оказавшихся в окружении в первые годы войны, проходившие проверку в фильтрационных лагерях МВД. Направлялись тогда в штрафбаты и офицеры, остававшиеся на оккупированной территории и не участвовавшие в партизанском движении, а также бывшие военнопленные из числа офицеров. Полицаев и других открытых и скрытых пособников врага в штрафники не направляли. Им была уготована другая судьба.

В последнее время некоторые наши историки заявляли, что бывших военнопленных и «окруженцев» *всех* якобы «загоняли» уже в советские концлагеря, *всех* их объявляли врагами народа в соответствии с приказом Ставки № 270 1941 года, инициатором и автором которого, как многие историки полагают, был не сам Сталин. В те годы и среди штрафников старших возрастов, особенно бывших политработников, ходили слухи, что истинным автором того приказа был начальник Политуправления Красной Армии Лев Мехлис, с чьим именем связывались необоснованные аресты таких проявивших полководческий талант генералов, как Рокоссовский, Горбатов и многие другие.

Объявление попавших в плен воинов «врагами народа» прямо связывал с именем Мехлиса маршал Г. К. Жуков, который говорил: «Позорность мехлисовской формулы состояла в том недоверии к солдатам и офицерам, которая лежит в ее основе, в несправедливом предположении, что все они попали в плен из-за собственной трусости» (Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М., 1989).

О том, что такие утверждения не соответствуют истине, говорит тот факт, что переменный состав нашего штрафбата в период от Курской битвы до конца «Багратиона» пополнялся именно штрафниками из бывших военнопленных, «окруженцев» и оставшихся на оккупированной территории. А «врагов народа», то есть осужденных или арестованных по политическим статьям, в штрафбате за все время войны вообще не было, их к фронту и близко не подпускали.

Примером тому может служить и судьба «политического зэка» Александра Солженицына, бывшего командира артиллерийской батареи звуковой разведки на нашем 1-м Белорусском фронте. О его аресте нам рассказывал особист нашего батальона уже незадолго до победы, в марте 1945 года. Осужденный за антисоветскую пропаганду и попытку создания преступной группы, Солженицын был препровожден именно в тюрьму (где-то под Москвой, а не в ГУЛАГ на Колыме), но никак не в штрафбат.

Бывшие военнопленные – офицеры, не сотрудничавшие с врагом, – действительно направлялись в штрафбаты. Правда, как правило, не по приговорам военных трибуналов, а по решениям армейских или фронтовых комиссий, которые руководствовались приказом Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 1 августа 1941 года, квалифицировавшим *сдачу* в плен как измену Родине. Беда, однако, была только в том, что комиссии эти редко различали, кто *сдался в плен*, то есть *добровольно перешел* на сторону врага, пусть даже в критической обстановке, а кто *попал* в плен, будучи раненым, контуженным или по трагическому стечению не зависящих от него обстоятельств. И то, что некоторая часть офицеров, бежавших из немецкого плена или вышедших из окружения, да и просто находившихся на оккупированной территории, подвергалась проверке «на благонадежность» в спецлагерях, было, конечно, правильным. Сама система этой проверки на благонадежность не могла быть в то время совершенной и не всегда давала окончательный ответ на то, не завербован и не заслан ли противником с определенными целями проверяемый. Не запросит же наш энкавэдэшник немецких «Мюллера» или Кальтенбруннера, получал ли шпионское задание имярек – бывший пленный.

И если к тем, кто по своей вине попал в плен или окружение, правомерно было применить наказание за их вину перед Родиной, за нарушение присяги, то вторые фактически не имели перед своим народом никакой вины. Точно узнать, остался ли он верен присяге, можно только поставив его в условия исключительной опасности на переднем крае, в боевом соприкосновении с противником, в котором и приходилось воевать штрафным подразделениям.

Мне вначале тоже казались несправедливыми факты приравнивания одних к другим. Хотя, после долгих размышлений на эту тему и особенно после того, как мне стали известны случаи вербовки военнопленных, засылки их за линию фронта под видом бежавших из плена со шпионскими заданиями, этот вопрос перестал вызывать недоумения. Тогда «презумпция невиновности» не могла быть основополагающей. Что было, то было. И в наш батальон в тот период все пополнение из бывших пленных и «окруженцев» было «делегировано» либо из фильтрационных лагерей, либо фронтовыми, а иногда и армейскими специальными комиссиями. Наверное, некогда было этим комиссиям докапываться до истины. Скорее всего, это было продиктовано и необходимостью срочного и более полного укомплектования штрафбатов, а что касается не-офицеров из этой категории «окруженцев», то соответственно – штрафных рот. Слишком долгая проверка могла и вообще до конца войны отодвинуть возвращение проверяемых в боевой строй в то время, когда боевые потери нужно было восполнять. Я знаю случай, когда офицер находился *три месяца* на оккупированной территории, в партизанском движении не участвовал и «проверялся» в фильтр-лагере НКВД целых *семь месяцев*. Однако его другая патриотическая деятельность в оккупации была доказана, и он был восстановлен в офицерских правах без пребывания рядовым в штрафбате.

Это значительно позже мне стало известно, что более чем через год после приказа «Ни шагу назад!» был издан приказ «О формировании отдельных штурмовых стрелковых батальонов», куда предписывалось направлять офицеров, находившихся длительное время на оккупированной территории, для проверки их благонадежности. Они, как известно, офицерских званий не лишались, денежное довольствие им и их семьям выплачивалось и во время пребывания в этих «штурмбатах» (см. Приложение 5).

Кстати, направление боевых офицеров в штрафбаты без судопроизводства, по приказам командиров соединений, то есть такое расширение власти командиров крупных воинских формирований, может, и можно считать оправданным, но только в отдельных случаях. Это когда либо для судопроизводства не было времени, либо совершенные ими нарушения прямо попадали под действие некоторых специальных приказов Народного Комиссариата Обороны.

Конечно, процесс судопроизводства требовал больше времени, поэтому некоторые командиры часто прибегали к более оперативному решению виновности или невиновности офицера. Однако знаю по своим наблюдениям, что были случаи принятия таких решений «нетерпеливыми начальниками» без достаточного выяснения обстоятельств, в которых произошло нарушение, или даже случаи простого сведения счетов отдельных начальников с некорректными подчиненными. Фактически почти всегда количество направленных по приказам командиров превышало количество осужденных военными трибуналами.

В феврале 1944 года наш батальон принял столько пополнения, что по численности приближался к составу стрелкового полка. Во взводах было до 40 человек, роты иногда насчитывали до 200 бойцов, а батальон – около 800 «активных штыков», как говаривали тогда, то есть в три раза больше обычного пехотного батальона. Были сформированы все предусмотренные по штату роты, в том числе – пулеметная, противотанковых ружей и 82-мм минометов, в которой взводным оказался наш Муся-Миша Гольдштейн. Командиром этой роты был запомнившийся какой-то немногословной общительностью капитан Тавлуй Павел Семенович, немного медлительный, и, казалось, его было трудно вывести из состояния спокойного равновесия.

Несколько слов «по поводу». Павел Тавлуй, водивший в Рогачевский рейд минроту без тяжелых 82-мм минометов, как стрелковую, был настолько одержим получением боевого

опыта во всех ипостасях, доступных в штрафбате, что попросился у комбата после освобождения Рогачева дать ему, минометчику, покомандовать стрелковой ротой. В этом качестве он хорошо проявил себя и в обороне, и при взятии Бреста. И вот тогда, когда со взятием Бреста мы завершили уже и освобождение от фашистских оккупантов всей Белоруссии, майор Тавлуй вместе с начальником разведки, тогда уже капитаном Тачаевым, был направлен на фронтовые курсы комбатов. Место командира минометной роты занял один из командиров взводов этого подразделения, капитан Пекур Федос Ильич, белорус огромного роста, невозмутимостью характера не очень отличавшийся от своего предшественника.

Забегая вперед, скажу, что Тавлуй, получив после курсов назначение комбатом в обычную часть, в батальон к нам больше не вернулся, а вот Борис Тачаев, наоборот, отказался от такой перспективы и настоял на возвращение в штрафбат, хотя и только на должность командира пулеметной роты. Вскоре он, командир роты, был произведен в майоры. Для штрафбата это было нормально. Я сам к концу войны на должности ротного получил звание майора. Да и многие наши офицеры успевали дослужиться до своих штатных званий, на ступень выше, чем в обычных войсках.

Но это был «экскурс в будущее». А тогда, к середине февраля 1944 года, наш начальник разведки Борис Тачаев получил звание капитана, и однажды вечером небольшая группа офицеров отметила это дружеским коллективным ужином, не без спиртного, но в очень скромном количестве, не более привычной «наркомовской сотки».

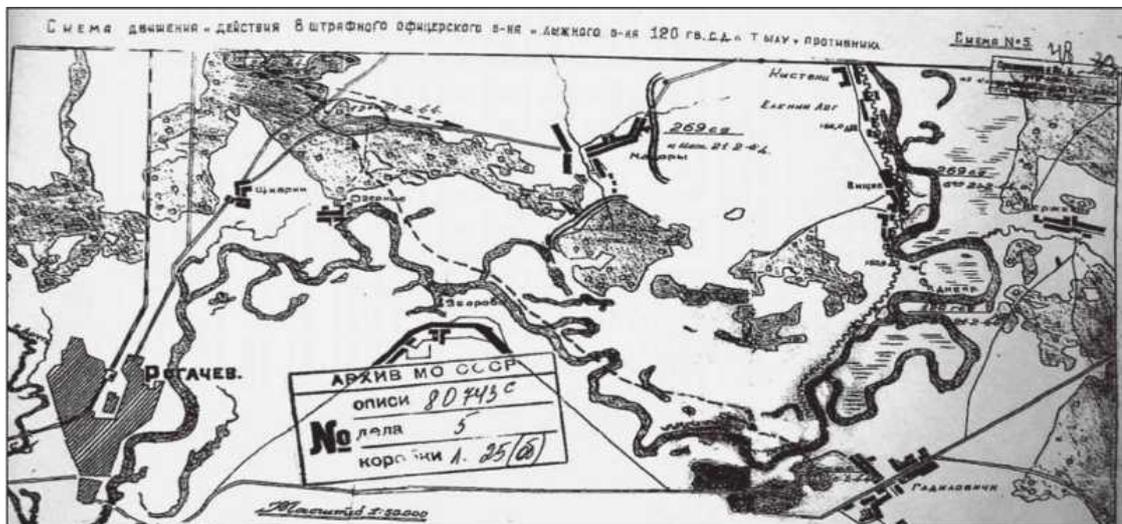
Буквально через день-два нам показалось, что по какой-то неофициальной команде стали сокращать, казалось, безразмерные по времени и физической нагрузке часы боевой подготовки, стали больше времени отводить на отдых. Появились даже часы личного времени, в которые рекомендовали и письма родным написать, и обмундирование и обувь подремонтировать, для чего были организованы мастерские из умельцев-штрафников. Бывалые штатные офицеры и бойцы стали поговаривать о том, что через день-два получим боевую задачу. Так и получилось. Вскоре комбат объявил срок готовности к выступлению, как оказалось потом, для участия в освобождении его родного города Рогачева.

Как мы считали тогда и как кажется нам теперь, наш 8-й Отдельный штрафной офицерский батальон сыграл довольно важную роль в освобождении районного центра г. Рогачева Гомельской области Белоруссии. Дело в том, что неоднократные попытки наших войск в начале 1944 года перейти в наступление в этом районе, преодолеть сильно укрепленные рубежи противника на реках Днепр и Друть, ликвидировать Рогачевский плацдарм немцев на Днепре успеха не имели. А через Белоруссию пролегал путь в Польшу, Восточную Пруссию и Прибалтику, и плацдарм этот, как оказалось потом, был важным для начала одной из крупнейших операций Великой Отечественной «Багратион», которую успешно осуществили четыре фронта, главным из которых был наш, 1-й Белорусский.

Хотя Рогачевско-Жлобинская наступательная операция Белорусского фронта длилась, как указано в справочных изданиях о Великой Отечественной войне, с 20 по 24 февраля 1944 года, для нас она началась раньше. В ночь на 19 февраля батальон был поднят по тревоге, и в срочном порядке, оставив все свои тыловые подразделения и соответствующую охрану в селе Майское, мы совершили ускоренный пеший марш со строжайшими мерами маскировки. Прошли за довольно долгую февральскую ночь километров 25–30, минуя хорошие дороги, а порой и напрямик, через участки леса, чтобы не дать противнику, ведущему постоянное авианаблюдение, разгадать наши приготовления.

Сосредоточились уже утром ближе к линии фронта, в лесу западнее села Гадзиловичи. Там нам немедленно стали выдавать боеприпасы, белые маскхалаты, сухие пайки, придали батальону взвод огнеметчиков и радиостанцию более внушительных размеров с экипажем радистов, а также подчинили временно группу саперов. К середине дня мы уже были в боевой готовности, еще не зная, какую задачу будем выполнять.

Теперь я располагаю сравнительно большим количеством архивных документов по нашему штрафбату, любезно предоставленных мне начальником Центрального архива Минобороны Пермяковым Игорем Альбертовичем. Среди этих документов имеется «Схема № 5» – приложение к документу штаба 3-й армии под названием «Схема движения и действия 8 штрафного офицерского б-на... в тылу противника».

Становится понятным, что тактическая задача проникновения в тыл к немцам нашего батальона была заранее продумана командующим 3-й армией генералом Горбатовым и его штабом.

А там, западнее Гадзиловичей (Гадиловичей), вскоре нас построили на опушке большого лесного массива. Кроме нашего батальона, рядом была еще одна большая группа, правда, раза в четыре меньше нашей, но тоже в маскхалатах, да еще вся полностью «вооруженная» лыжами. Как оказалось, это был лыжный батальон 120-й гвардейской стрелковой дивизии. Вот тут я убедился, что батальон батальону рознь. Только здесь до меня дошло, каким большим оказался в то время наш штрафбат, так как стойкое представление об обычных батальонах у меня сложилось еще по военному училищу, службе в 29-й отдельной стрелковой бригаде близ озера Ханка в дальневосточном Приморье, да и в запасном полку близ Уфы. Но, как удалось установить только теперь, действовать этому лыжному батальону пришлось отдельно от нас, а о причинах этого будет сказано ниже.

Командующий 3-й армией генерал-лейтенант Александр Васильевич Горбатов.
Фото П. Бернштейна

Через какое-то, совсем непродолжительное, время к нашему общему строю подъехала на «виллисах» группа больших начальников – генералов и офицеров. Оказывается, к нам прибыл командующий 3-й армией генерал-лейтенант Александр Васильевич Горбатов. Это означало, что батальон передан не только из состава 63-й армии генерала Колпакчи В. Я., но уже и из состава 48-й армии генерала П. Л. Романенко в 3-ю армию А. В. Горбатова. Рослый, статный, этот генерал довольно четко, но как-то не по-генеральски мягко, называя всех нас просто «ребятами», почти по-отечески рассказал о сути той боевой задачи, которую предстояло нам выполнить. Я обратил внимание на то, что генерал почему-то опирался на большую, крепкого дерева, суковатую палку. Подумал, что он, наверное, еще не оправился от ранения. Потом я слышал не то легенду, не то быль о том, как «учил дураков» этой палкой генерал.

В своем кратком выступлении генерал Горбатов сказал, что перед нами ставится необычайная по сложности и ответственности боевая задача проникновения в тыл противника и активных действий там. Бойцам и командирам штрафбата верят и командование армии, и сам командующий *Первым* Белорусским фронтом (так со вчерашнего дня стал именоваться наш фронт), генерал армии Рокоссовский, и надеются, что он выполнит эту задачу с честью. А характер задачи, еще раз повторил он, свидетельствует о том большом доверии, которое оказывает командование фронта и армии такому необычному, *офицерскому батальону*, это он подчеркнул голосом. Одновременно он твердо сказал, что если поставленная задача будет выполнена образцово, то всех штрафников, проявивших себя стойкими бойцами, независимо от того, будут ли они ранены, «прольют ли кровь», он, командарм, представит к досрочному освобождению как совершивших подвиг, а командующий фронтом генерал Рокоссовский освободит от дальнейшего пребывания в штрафном батальоне. Всех их восстановят в прежних воинских званиях и во всех правах, а особо отличившиеся, кроме того, будут награждены орденами или медалями. Надо только представить, какой общепатальонный, будто усиленный молчащим лесом, вздох надежды раздался после этих слов!

Детали этой задачи нам, командному составу, объяснил несколько позже наш комбат, подполковник Осипов Аркадий Александрович. Я уже говорил, что это был офицер всегда

со спокойным лицом и мудрым взглядом, с заметной сединой, казавшийся всем нам весьма пожилым, хотя было ему, как оказалось потом, было едва за тридцать пять.

Задача состояла в том, чтобы ночью 20 февраля мы незаметно для противника перешли линию фронта и, избегая боевого соприкосновения с ним, смелым броском вышли ему в тыл, к западной окраине Рогачева. А там, во взаимодействии с лыжным батальоном, захватить город и удерживать его до подхода основных сил армии.

В мемуарах генерала Горбатова из-за строгости цензуры военного времени и долгих послевоенных лет упоминание штрафных батальонов в открытой печати полностью исключалось, и командарм Горбатов вынужден был и наш штрафбат именовать «лыжниками», «лыжным отрядом».

Ну, а о том, как мы выполняли эту необычную боевую задачу, которую нам, штрафникам, поручил Батя-генерал Александр Васильевич Горбатов, читатель узнает из дальнейших глав.

Глава 4

Беспримерный штрафрейд в тыл врага

*Мне ночью настороженной и грозной
Идти с разведкой к вражескому краю.
Мне сумерки принадлежат и звезды,
А вот рассвет увижусь ли, не знаю.
Но ты найди своим далеким взглядом
Моих друзей из лыжного отряда,
Что на снегу лежат со смертью рядом,
Щекой прижавшись к ложе автомата.*

*Мирза Геловани.
Погиб на фронте в 1944 г.*

На выполнение боевой задачи, поставленной командармом-3 генерал-лейтенантом Горбатовым, нам отводилось трое суток. Наш штрафбат передавался в оперативное подчинение 41-го стрелкового корпуса и взаимодействовал со 120-й гвардейской стрелковой дивизией. Из этого расчета были щедро выданы боеприпасы, а также и далеко не богатый сухой паек на трое суток (консервы, сухари и сахар). Взводу разведки, который фактически сформировал уже я, была поставлена задача выполнять обязанности авангарда, то есть подразделения, идущего первым и прокладывающего путь всему батальону. За своих подчиненных я был спокоен, но больше волновался за себя, смогу ли владеть собой, не растеряюсь ли в сложных ситуациях, смогу ли управлять подчиненными. Лыжному батальону, подумали тогда мы, наверное, будет легче на лыжах-то! А у нас были сооружены только конструкции из пары лыж в виде санок под станковые пулеметы «Максим». Да еще лыжные же волокуши для транспортировки раненых и даже убитых, если они будут, чтобы не оставлять их во вражеском тылу. Мне лично глубокие снега не казались особенно отягчающим обстоятельством. Еще свежи были в памяти впечатления от зимних лагерей в военном училище на Дальнем Востоке.

Здесь я прибегну еще раз к небольшому отступлению от хронологии своего повествования и вернусь в 1942 год. Тогда, в начале февраля, нам, курсантам пехотного училища в Комсомольске-на-Амуре, предстояло выйти в зимние лагеря на 18 суток. Снег там, особенно в тайге, был, как говаривал наш училищный преподаватель-балагур майор Бабкин, «по самые я... извиняюсь!». То есть чуть ли не до пояса, а морозы в феврале там зашкаливали за 35 градусов! В глубь тайги на 50–60 километров мы совершали марш в ботинках с обмотками, имея с собой в ранце, кроме всего прочего, еще и пару валенок. По прибытии на место устроили лагерь из шалашей (один на взвод), сооруженных из молодых, высоких то ли кедров, то ли елей. В этом шалаше разрешалось жечь небольшой костер, чтобы при возможности, особенно ночью, можно было по очереди согреться. Ботинки уложили в ранцы, обули валенки. Беда только в том, что вокруг этого костерка могло более или менее эффективно обогреться одновременно не более 5–7 человек, остальным тепла не доставалось.

Мы постепенно добавляли в костер заготовленные за день дрова, пока подсохшие хвойные ветки вдруг не вспыхнули наверху все разом. Спустя буквально несколько минут от шалаша остались только угли и растаявший вокруг снег. Комвзвода наш, с очень ласковой фамилией Лиличкин, получил довольно неласковое взыскание, а мы лишились права строить другой шалаш. Правда, потом сообразили: днем очень небольшие костры разрешалось жечь практически без ограничений, так как по условиям военной игры «противник» мог заметить

открытый огонь только ночью. Ну, а это уже был выход из положения. Расчистили до грунта снег, и на этом месте целый день остававшиеся в лагере дневальные жгли групповые костры, разоженные на каждое отделение. Вечером головешки убирала, а земля от костров так прогревалась, что, положив на нее слой хвойного лапника, мы в своих солдатских шинелях и валенках плотно укладывались на эту теплую «постель» и довольно «комфортно» несколько часов «блаженствовали», минут через 30 по команде поворачиваясь на другой бок, чтобы и его прогреть. Днем мерзнуть было некогда: то отражение атак «противника», то длительные лыжные переходы, то взятие высот и сопков, то марш-броски по пояс в снегу...

А когда кончились эти долгие 18 суток, перед походом к «родным пенатам», то есть в казармы, нам приказали снова переобуться в ботинки. А они, мокрые после перехода в лагерь, оказывается, за это время смерзлись. Пришлось оттаивать их у костра. И тут я нечаянно «переборщил»: ближе, чем нужно, придвинул к костру один ботинок, и от огня его носок съезжился. Однако идти в валенках мне не разрешил ни командир роты старший лейтенант Литвинов, сам даже не надевавший валенки за все эти 18 суток, ни комбат майор Панов.

Пришлось надевать скукожившийся ботинок. Большой палец ноги за время обратного похода оказался обмороженным, и его подушечка даже лопнула, хотя кровь из этой трещинки даже не выступила. В санчасти училища мне оказали нужную помощь и на две недели освободили от ношения обуви, а значит, и от наружных занятий. Подобное в то строгое время могли расценить и как членовредительство, но меня даже не наказали, думаю, потому, что командир курсантского батальона почувствовал в этом ЧП и свою вину тоже (повезло мне!).

Однако все это было там, в училище, такие экскурсии в прошлое помогут читателю XXI века понять, чем мы жили, в какой атмосфере формировались наши характеры.

В случае неудачи с захватом Рогачева или отмены этого задания, нам предстояло в тактической глубине противника (до 20 километров), в его войсковом тылу активно нарушать коммуникации, линии связи, громить штабы и подходящие из глубины вражеской обороны колонны войск, взрывать мосты, по которым могут проходить гитлеровские войска.

Всеми этими действиями мы должны были дезорганизовать управление, воспретить подход резервов из глубины, при возможности их рассеивать или уничтожать. Главное было – посеять панику и отвлечь внимание немецкого командования от передовой линии фронта, где должно было наконец начаться более успешное наступление наших войск с задачей ликвидировать плацдарм противника на Днестре и освободить город Рогачев. О предполагаемых наших действиях в документах штаба армии записано: «Опыт применения специально выделенных отрядов для действия в тылу противника во время наступления чрезвычайно поучителен. Отряд в составе *8-го офицерского штрафного батальона* имел задачу проникнуть через передний край противника и совершить налет на Рогачев».

В разведку, а тем более – в тыл врага, как меня посвятил капитан Тачаев, да я и сам уже об этом был осведомлен еще в училище, нельзя было брать с собой награды, партбилеты и другие документы. Поэтому у нас была организована сдача всего этого в штаб и аппарат замполита, остающиеся с некоторыми офицерами штабных и хозяйственных служб на месте дислокации штаба батальона. Наград у меня еще не было, но свое офицерское удостоверение и кандидатскую карточку принадлежности к ВКП(б) я тоже сдал. Была возможность написать короткие письма родным. Вся эта процедура заняла несколько часов оставшегося дня. Потом был обильный обед, совмещенный с ужином, и отдых, о которых мы все время, пока были в немецком тылу, вспоминали с особым чувством.

В своих воспоминаниях «Годы и войны» генерал Горбатов писал об этой операции, в силу существовавших долгие годы цензурных ограничений называя «лыжниками» всех нас. Не позволялось тогда, да и многие годы после войны, в открытой печати упоминать о штрафбатах. Вот только одна цитата из воспоминаний генерала: «В 18 часов они сытно поужинали и легли отдыхать. Лишь у двух батальонов отдых был коротким. В 23 часа их подняли, и они пошли на

запад. Этому сводному отряду лыжников выпала ответственная задача: перейти линию фронта и той же ночью ворваться в город Рогачев».

На выполнение этой нелегкой, да и необычной, задачи и повел наш батальон его смелый и опытный командир, подполковник Осипов. А был он местным уроженцем, рогачевцем, да к тому же ранее за недолгие отпуска во время военной службы уже исходившим вдоль и поперек всю местность Рогачевского района, примыкавшую к Днепру. Он прекрасно знал места, где можно было незаметно приблизиться к позициям фрицев, точно указать место армейским саперам, обеспечивавшим наш переход, где они ножницами незаметно для немцев смогут вырезать звено колючей проволоки между двумя колами. А нам – где между этими кольями пролезть, преодолеть передний край обороны немцев и перейти линию фронта.

До сих пор я не перестаю удивляться, как нашему мудрому комбату столь удачно удалось выбрать это место недалеко от деревни Гадиловичей и почти весь, огромный по тому времени, батальон провести так искусно хотя и по хорошо знакомой ему, но занятой врагом местности. По меткому выражению генерала Горбатова, «как канат сквозь игольное ушко».

Идут лавиной славные ребята
Через лес и кочки, топи и снега.
Русская смекалка нашего комбата
Распознает хитрость лютого врага.

Эти слова Цезаря Солодаря очень похоже отразили и смекалку, и мудрость нашего комбата.

Безлунная ночь очень хорошо прикрывала нас. Думается, командование армии специально выбрало время действий наших батальонов в период наступления новолуния, а не только ко дню Красной Армии. Мне с моим разведзводом выпала честь первым преодолевать проволочное ограждение, в котором приданные нам саперы проделали проход между двумя колами, и первые траншеи противника.

Хотя немцы периодически подвешивали на парашютиках «фонари», как называли на фронте их осветительные ракеты, но жесткий предварительный инструктаж, армейская смекалка служилых бойцов, в недалеком прошлом офицеров, желание выжить заставляли всех нас замирать, не двигаться во время свечения этих «фонарей». Да и наши белые маскхалаты делали нас безлунной ночью практически незаметными. Конечно же, этому способствовала и излишняя уверенность немцев в надежности своей обороны на берегу Днепра, притупившая их бдительность. Тем более что по всей длине проволочного ограждения они навешали большое количество пустых консервных банок, предательски гремевших, если задеть проволоку. Иногда немцы простреливали некоторые особо опасные места своими дежурными пулеметами. Я помню, например, что при преодолении прохода в проволочном ограждении почувствовал какой-то удар. Только уже днем я обнаружил, что пуля пробила мне солдатский котелок, притороченный к вещмешку («сидору», как их называли тогда).

Круты берега Днепра. С картины художника С. Зборовского, подаренной автору книги Рогачевским исполкомом

А вот как об этом вспоминал уже в 1984 году лейтенант запаса Медведев Данила Александрович, участвовавший штрафником в том знаменитом рейде нашего батальона. И ему помнились эти подробности в деталях: «Враг вел пулеметную стрельбу из нескольких дзотов, причем траассирующими пулями, что было в нашу пользу. Подойдя к трассе пуль, можно было видеть, как высоко летят пули. Достаточно было пригнуться и свободно преодолеть сектор обстрела. А вот с одного дзота пули летели не более одного метра над землей, и чтобы преодолеть этот обстрел, нужно было переползать по-пластунски. Командир батальона и командиры рот были впереди».

В такой узенький проход наш умелый комбат провел почти весь батальон, основную часть которого фактически враг не заметил! Для меня это было, по существу, первым настоящим боевым крещением, хотя в обороне я уже кое к чему присмотрелся. Наверное, поэтому многие детали этого перехода и, тем более, действий в немецком тылу мне запомнились довольно прочно и более или менее подробно. Замыкала колонну батальона рота капитана Матвиенко, уже имевшего значительный боевой опыт, о чем свидетельствовали два ордена Красной Звезды. Он прибыл в батальон еще в декабре вместе со всей нашей группой офицеров в 18 человек. Кто-то из бойцов последнего взвода его роты, наверное, задел проволоку немецкого ограждения, зацепился за ее колючки и, пытаясь вырваться из их цепкой хватки, «оживил» эту консервно-баночную сигнализацию. Понятно, это всполошило фрицев, они, выскакивая из блиндажей, открыли все нараставший по плотности ружейно-пулеметный огонь по этому участку. Теперь нужно было обнаруживать себя и нам, чтобы отвлечь внимание все больше появляющихся фрицев, вызвать их огонь на себя и тем самым помочь попавшим в беду своим из роты Матвиенко. Все, кто был близко, практически без чьей-либо команды открыли огонь по немцам, а взвод огнеметчиков выпустил несколько мощных огненных струй по скоплениям немцев и по выходам из блиндажей. Впервые в моей жизни я видел горящих и безумно орущих людей! Жутковатое зрелище...

А генерал Горбатов, оказывается, все это время переживал за нас. Вот как он об этом писал в своей книге «Годы и войны»: «Я долго прислушивался к малейшим звукам с запада, пока на том берегу не послышалась беспорядочная стрельба, взрывы гранат. В небо взлетели множество ракет... В два часа ночи мы получили по радио условный сигнал: сводный отряд находится в тылу противника и выполняет задачу».

Рота Матвиенко понесла ощутимые потери, но все-таки тоже прорвалась к основным силам батальона. В подразделениях же, преодолевших линию фронта раньше, потерь вовсе не было. Теперь батальону надо было срочно покинуть этот район. Здесь комбат поставил моему взводу, в котором были только опытные, боевые в прошлом бойцы, другую задачу – замыкать колонну батальона. Ведь поскольку противник обнаружил наше проникновение, не исключена возможность попытки преследования нас. Таким образом, взвод превращался из авангарда в арьергард. Это мне показалось даже более ответственным, так как теперь взводу пришлось действовать уже вдали от командования батальона, и мои решения должны стать более самостоятельными, хотя майора Кудряшова, моего прежнего опекуна, комбат Осипов тоже назначил старшим начальником в тыловую часть батальонной колонны. Функции разведки взял на себя энергичный и опытный Борис Тачаев, взяв из моего взвода в свою разведгруппу по 2–3 бойца из каждого отделения.

У меня снова возникла мысль: не по совету ли «особиста» поручено это тщательное наблюдение за мной, сыном и племянником осужденных по известной 58-й статье? Мелькнувшая было эта мысль о каком-нибудь недоверии мне, о *наказании за преступления, которые не совершал*, тут же была опровергнута тем, что в замыкании батальона, кроме моего взвода, был взвод ПТР под командованием Петра Загуменникова, пулеметный взвод и отделение ранцевых огнеметов. Конечно, в случае осложнения обстановки нужно было единое командование этими, хотя и не такими уж большими, силами, но ни Петр Загуменников, ни тем более я не могли квалифицированно обеспечить это. Скорее всего, именно для этого, комбат поручил своему заместителю быть в этой части батальонной колонны. Так что мое опасение о каком-то недоверии тут же погасло, тем более, мне как-то стало спокойнее, имея рядом такого опытного боевого офицера, как Кудряшов. Хотя иногда мысль о возможном недоверии мне возникала и в других схожих ситуациях.

В боевых документах штаба 3-й армии по этому поводу записано следующее: «В 23.00 20.02.44 года сводный отряд в составе 8 офицерского штрафбата и лыжного батальона 120 Гв сд переправился на западный берег р. Днепр против Гадиловичи, преодолел после сопротивления противника передний край и стал продвигаться на Рогачев».

На каком участке преодолевал линию фронта наш сосед, лыжный батальон, я тогда не знал, и во время боевых действий в тылу противника соприкосновения с лыжниками у нас не было. Я полагал, что характер их задачи или сложившаяся обстановка заставили этот батальон действовать самостоятельно. Но вот не очень давно этот вопрос для меня, кажется, прояснился. В газете «Советская Белоруссия» за 1.04.2005 года была опубликована статья Сергея Крапивина «Я был радистом штрафбата». В ней приводятся некоторые подробности того знаменитого рейда штрафников во вражеский тыл, рассказанные Григорием Власенко, бывшим начальником расчета радиостанции из полка связи штаба 3-й армии, переданного нашему батальону на время выполнения этой необычной боевой задачи. Эту радиостанцию генерал Горбатов назначил в качестве усиления штрафбата для обеспечения связи со штабом армии. Поскольку радисты постоянно находились рядом с нашим комбатом, то старшине Григорию Андреевичу Власенко, постоянно передававшему радиogramмы о ходе продвижения батальона и его боевых действиях, я доверяю больше, чем даже своей памяти. Тем более, что сразу же после преодоления переднего края немцев мой взвод был назначен в арьергард колонны батальона и многому, что происходило на других участках, я лично не был очевидцем. Так вот, старшина Власенко свидетельствует: «Следом за штрафниками двигался особый лыжный бата-

льон 120-й дивизии, однако гвардейцам не удалось прорваться в тыл противника, их отсекли. Все! Штрафбат единственный оказался по ту сторону фронта...»

Вот почему не знал я ничего о действиях батальона лыжников! Многие годы спустя из «Советской военной энциклопедии» я узнал, что наши соседи-лыжники были именно из 120-й стрелковой дивизии полковника Я. Я. Фогеля. Но, оказывается, в те же февральские дни в лесах под Рогачевом, только значительно севернее нас, в районе Нового Быхова, действовал еще и другой лыжный батальон под командованием капитана Бориса Коваленко, от 5-й стрелковой дивизии. Он тоже переходил тайно линию фронта, правда, под прикрытием наступления одного из полков (кажется, 336-го) этой же дивизии. Происходило это сутками позже и с более узкой и конкретной задачей – захватить железнодорожную станцию Тощица, что они успешно сделали во взаимодействии с 336-м полком.

Многим известен советский писатель, лауреат Государственной премии СССР Виталий Александрович Закруткин, автор таких громких в советское время произведений, как «Матерь человеческая», «Сотворение мира» и другие. Так вот он, писатель Виталий Закруткин, в главе «Лесной рейд» книги «Дорогами большой войны», вышедшей в издательстве «ДОСААФ» в 1974 году, рассказал подробности действий этого лыжного батальона. Коротко об этом в конце главы. Думаю, читателю небезынтересна одна деталь биографии Закруткина. Получив в начале войны уведомление о броне от призыва, как научный работник одного из институтов, он прямо в военкомате порвал его и вскоре оказался на фронте в роли военного корреспондента. В этом качестве он прошел всю войну до самого Берлина, в том числе и по Белоруссии. Так что в том, что он отражал в своих книгах, все было правдой.

Те же лыжники, которые должны были действовать с нами, оказывается, тоже выполнили свою задачу, но только на другом участке фронта и во взаимодействии с другими частями. Наш батальон действовал совершенно самостоятельно. Как видите, командарм Горбатов широко использовал маневр войсками с выходом во фланги и даже в тыл противника, что в нем особенно ценил командующий фронтом Рокоссовский.

Я продолжаю собирать материалы о боевом пути нашего батальона, и мне сын Павла Ильича Пиуна, агитатора нашего батальона, Владимир Пиун, базируясь на воспоминаниях своего отца, сообщил следующее: «Я хорошо помню, отец рассказывал, что батальон ушел в тыл к немцам без офицера Особого отдела. Он был в замыкающей группе, и когда она себя обнаружила, прорвались к основному ядру 8 ОШБ не все. Не успел прорваться и особист. При повторной попытке перехода линии фронта офицер Особого отдела получил ранение и в рейде батальона по тылам противника так участия и не принял».

Я позволю себе несколько дополнить воспоминания политработника Пиуна. Никогда я не видел нашего особиста непосредственно на передовой, даже в окопах на оборонительных позициях, не говоря уже о более активных боевых действиях. Другая у него была работа.... И, вероятно, ему было приказано его «смершевским» начальством, не совсем уверенным в наших штрафниках (а зря!!!), быть в замыкающей группе, чтобы наблюдать, не побежит ли кто-нибудь из штрафников назад, то есть исполнять роль своеобразного «одиночника-заградчика». А поскольку часть замыкающей роты была отсечена вражеским огнем, то и особисту пришлось остаться. По тем условиям ранение было естественным и лучшим выходом для человека, не особо стремящегося к реальным и весьма опасным подвигам.

После разгрома какого-то крупного немецкого штаба в деревне Мадора, и еще в Старом Селе, бои были особенно горячими. Продвигаясь с боями, батальон к рассвету 21 февраля стал приближаться к Рогачеву с северо-запада, перерезав развилку шоссе на Бобруйск и Жлобин, наткнувшись на крупные силы хорошо окопавшихся фрицев. И как только наш батальон вышел в район, близкий к северо-западной окраине Рогачева, комбат связался по радио со штабом армии. Вот как это событие отражено в воспоминаниях генерала Горбатова: «Получили весть от сводного отряда лыжников. Он дошел до Рогачева, но перед самым городом высланная впе-

ред разведка встретила с противником, засевшим в траншеях. Командир отряда поступил правильно: поняв, что внезапность утрачена, он не стал ввязываться в неравный бой, а отвел отряд в лес и начал действовать по тылам противника».

Да если бы мы и попытались овладеть городом, тем более – удержать его, нам бы это не удалось. Ведь основные силы немцев не были разгромлены, а у нас ни артиллерии, ни бронетанковой техники, ни даже минометов не было! Наша минометная рота под командованием Тавлуя, читатель уже знает, действовала в этом рейде как стрелковая. А роты противотанковых ружей и пулеметной роты да взвода ранцевых огнеметов в этих условиях было явно недостаточно! Ведь и в самом Рогачеве, и вблизи него у немцев было много мощных укреплений, сосредоточено большое количество войск и техники.

Вскоре поступила команда «действовать», как и было предусмотрено заранее – громить тылы. Панику в стане врага нам удалось посеять большую, или, как потом многие штрафники говорили: «Ну и наделали мы там шороху!» Батальон действовал и группами, и собираясь в один довольно мощный кулак. Захваченные орудия, предварительно перебив их прислугу, поворачивали в сторону заметных скоплений вражеских войск, складов и пр. Среди штрафников были артиллеристы, танкисты, даже летчики, поэтому произвести несколько выстрелов из орудий не составляло труда, попались бы самолеты – может, и ими бы овладели. Затем эти орудия и минометы взрывали или приводили в негодность другим способом.

Поджигали захваченные склады боеприпасов и продовольственные, брали под контроль перекрестки дорог, уничтожали подходящие войсковые резервы противника и перерезали линии связи. Временно взятые в плен («временно», потому что после допросов их, естественно, не отпускали, а уничтожали, не таскать же их в их тылах с собой) немцы говорили, что их командование считает, будто в тылу действуют откуда-то взявшаяся дивизия да много партизан. Так проходили наши оперативные действия в тылу. Генерал Горбатов в своих мемуарах отмечал, что в тылу противника действует лыжный отряд, видимо имея в виду действия и лыжных батальонов 120-й и 5-й стрелковых дивизий, и нашего штрафбата. Так, по условиям строгой цензуры называя нас «лыжниками», оценил наши действия командарм Горбатов: «Лыжники перекрыли все дороги, идущие от Рогачева на Мадору и Быхов, в том числе и железную дорогу, тем самым лишив фашистов путей отхода и подтягивания резервов».

Одним из эпизодов наших боевых действий было освобождение угоняемых в рабство жителей Белоруссии. Кажется, на вторые сутки, ближе к полудню наши передовые подразделения заметили, что по дороге на запад немцы конвоируют большую группу мужчин и женщин с целью угона в Германию (мы уже знали о массовой перевозке в рабство трудоспособного населения). Комбат принял решение отбить у немцев своих земляков (наш командир, как уже упоминалось, был родом из этих мест). Немецкий конвой был сравнительно малочисленным – человек 15, и буквально в минуты с ним было покончено. Мы освободили таким же образом еще и около 300 советских граждан, которых гитлеровцы под дулами автоматов заставляли рыть в промерзшей земле траншеи. Все освобожденные, как нам показалось, бросились враспынную, чтобы скрыться в лесу или уйти по своим селам.

Однако я заметил, что группа из пяти-шести женщин неотступно следует за нами. Конечно же, по своей одежде эта группа уж очень заметно отличалась от нас, одетых в белые маскхалаты, и, безусловно, демаскировала нас. Мне пришлось не раз им это растолковывать, но, увы, всегда безуспешно. До самых сумерек они так и шли за нами. Боялись, видно, снова попасть в лапы к немцам. С наступлением темноты я снова им разъяснил, что теперь они могут под покровом ночи отстать от нас и незаметно возвратиться в свои села. Показалось, что моя «разъяснительная работа» вроде бы подействовала на них, и они наконец отстали от нас. Но едва забрезжил рассвет, мне доложили, что за нами движется какая-то странная группа людей. Подумалось, не сели ли «на хвост» немцы? Присмотревшись, мы с удивлением узнали своих «старых знакомых», но одетых в какое-то подобие маскхалатов. Оказалось, что, воспользовав-

шись темнотой, они в мороз, раздевшись донага, сняли свое нижнее белье, а затем, одевшись в свои немудреные зипуны и шубейки, поверх них натянули свое белое исподнее. Часть полушубков, имеющих внутри белый или просто светлый мех, они вывернули наизнанку и вот в таком «замаскированном» виде предстали перед нами. И жалко было их, и нельзя было удержаться от смеха! Пришлось смириться с их находчивостью и позволить следовать за нами еще какое-то время. Вскоре было обнаружено движение в сторону Рогачева большой автоколонны немцев. Завязался бой, и это женское «отделение» как ветром сдуло!

Я часто бывал в Рогачеве, в его селах, но мне так и не довелось встретить хоть одну из тех, кого мы тогда отбили от немцев и кто почти сутки шли за нами тогда, в 1944 году.

Надо сказать, что колонна нашего батальона была построена так, что и в ее голове, и в основном составе, и в хвосте следовали и пулеметчики, и подразделения противотанковых ружей (ПТР), и огнеметчики. Последние были вооружены малознакомыми нам «РОК-Сами» (Ранцевый Огнемет Клюева-Сергеева) с самовоспламеняющейся жидкостью «КС». Почему-то теперь, через много лет, эту жидкость, как и бутылки с нею, называют «коктейль Молотова». Тогда мы и понятия не имели о таком названии. Наверное, его придумали досужие фантазеры уже в то время, когда война давно закончилась, или переняли подобное название от финнов, которые во время «зимней» войны подобную смесь делали и называли именно так.

Когда была замечена немецкая автоколонна, батальон замер, и, как только передние машины поравнялись с нашими замыкающими подразделениями, по фашистам был открыт шквальный огонь из всех видов имевшегося у нас оружия. В хвосте, или иначе – в арьергарде нашей колонны, как я уже говорил, находился взвод ПТР под командованием 19-летнего старшего лейтенанта Петра Загуменникова, но уже имевшего солидный боевой опыт и ранение. С ним я уже успел подружиться, и его бойцы сумели здесь подбить и два передних автомобиля, возглавлявших немецкую автоколонну, как и подбитыми оказались в конце колонны.

И вся эта немалая вереница машин оказалась запертой с обеих сторон на узкой дороге, ограниченной с обочин глубоким, рыхлым снегом, так как и замыкающие автоколонну машины тоже уже были подбиты броней бойщиками, находившимися в голове колонны батальона. Попав под плотный огонь, успевшие выпрыгнуть из кузовов автомашин фрицы в панике бросились в разные стороны. Кто-то из них, обезумев, кинулся даже в нашу сторону, навстречу свинцовому вихрю от пулеметчиков и автоматчиков батальона. Однако один из немецких солдат, бежавший в направлении к нам, бросив оружие и подняв руки, вдруг закричал по-русски: «Не стреляйте, я свой, русский, из Калуги!»

Я дал команду подпустить его, просто интересно было узнать, как это русский, калужанин, оказался у немцев с оружием в руках. Но едва он поравнялся со мной и успел сказать, что год назад попал в плен и добровольно пошел в гитлеровскую армию, чтобы при первом удобном случае перейти к своим, как один из ближних ко мне штрафников резко выругался в его адрес и разрядил в него под челюсть снизу, наверное, полдиска автомата. Не состоялась моя беседа, не узнал я, сколько наших солдат на его счету за этот год. Да и жалеть об этом было некогда. Не до того было.

Одного из убежавших немцев, ловко метавшегося от дерева к дереву, я никак не мог достать огнем из автомата. Наверное потому, что в запале стрелял «с бедра», не целясь. И тогда, выхватив из кобуры свой наган, тщательно прицелился и с первого выстрела, на расстоянии уже около ста метров, все-таки попал! Это был мой первый личный «трофей», и усилилась надолго вера в действенность не только в ближнем бою своего верного «нагана», как считалось по всем инструкциям и наставлениям. И вот этот мой первый «трофей», которого я наконец уложил из личного оружия, вызвал во мне какое-то необъяснимое, скорее даже радостное удовлетворение. А ведь я убил человека сам, собственноручно! Впервые в своей жизни, сознательно, умышленно.

Тут вспомнилось мне событие, которое произошло еще во время моего командования взводом в запасном полку под Уфой, всего каких-нибудь полгода тому назад, когда мы готовили для фронта маршевые роты. Пополнение для них тогда приходило, в частности, из Татарии, Башкирии и некоторых союзных мусульманских республик. Случались, конечно, и дезертирства. И вот однажды я был свидетелем, когда пойманного дезертира-«рецидивиста», то есть совершившего дезертирство уже во второй раз, приговоренного к высшей мере наказания, расстреляли перед строем полка. На краю поля, где мы обычно проводили занятия с пополнением, к свежевырытой яме подвели человека в легкой гражданской одежде (было лето, июль). Видимо, увидев свою могилу, он как-то безвольно сам опустился на колени, опустил голову и как-то тихо, мелко дрожал. Запомнилось все это мне, потому что я со своим взводом оказался напротив места экзекуции. И прежде всего бросились в глаза и его стриженная голова, и большие, оттопыренные уши, красно просвечивавшие на склоняющемся уже к заходу солнце.

Офицер, наверное из военного трибунала, зачитал приговор о смертной казни за повторное дезертирство и предложил выйти из строя добровольцам для приведения приговора в исполнение. Ответом была жуткая тишина... Добровольцев не нашлось. Тогда от группы, стоявшей несколько в стороне, отделились два человека с погонами сержантов с наганами в руках и подошли к приговоренному, который стал трястись, то ли тихо рыдать, то ли так крупно дрожать. Будто по неслышимой команде эти двое одновременно выстрелили ему почти в упор в голову. Тот словно клюнул что-то и свалился в яму. Полк замер. Где-то из строя прорывались не то стоны, не то сдавленные рыдания. И пока солдаты не зарыли яму и не укрыли образовавшийся холмик заранее заготовленным дерном, полк стоял в каком-то страшном оцепенении.

Наверное, многих посетила в это время мысль, что лучше погибнуть на поле боя, пусть и не как герой, но как защитник своей Родины, чем вот так, как бешеному псу, бесславно окончить жизнь, опозорив не одно колено своих потомков или родных. Мне бросился в глаза невдалеке еще один такой же, только пониже, холмик, уже хорошо поросший травой. Видимо, здесь, на этом своеобразном «лобном месте», свершилась не первая смертная казнь. Стало как-то неуютно на душе. Ведь только что убили просто малодушного, трусившего человека. Своего, советского.

А здесь, на войне я сам убил человека... Но это был враг, посягнувший на жизнь и свободу советских людей, враг, несущий смерть советским людям, включая даже стариков и грудных детей. И здесь уже действует правило «лучший враг – мертвый враг», или, как любил говорить один из моих послевоенных подчиненных, «труп врага хорошо пахнет». Немцев, пытавшихся сдаться в плен здесь, под Рогачевом, и кричавших «Гитлер капут!», штрафники, конечно, в плен не брали, стреляли в них, приговаривая: «И тебе..., такую-растакую, тоже!» Да и что бы мы с ними делали, проявив к ним гуманность в этих специфических условиях, действуя в их же войсковом тылу?

Вместо запланированных двух-трех суток наш рейд продолжался целых пять. За это время были разбиты еще несколько вражеских пеших и автомобильных колонн, двигавшихся к линии фронта, подорваны несколько мостов на дороге, подходящей к Рогачеву с запада, а в одну из ночей разгромили штаб какой-то немецкой дивизии, возглавляемый генералом. Два охранявшихся склада с боеприпасами были подожжены «РОКСами», и еще долго эхо взрывов с этого склада доносилось до нас.

При помощи «схемы № 5», о которой речь шла в предыдущей главе, мне удалось восстановить в памяти названия некоторых населенных пунктов, перечисленных здесь, и через которые проходил наш батальон за время памятного 5-суточного рейда в тыл немецких войск. Это, кроме Мадоры, Старого Села, еще и Зборов, Щибрин, Озерище, кажется, какие-то Коноплицы (не помню, Малые или Большие), Близнецы, Кистени, Вишин и, наверное, еще и другие. В общем, батальон действовал настолько активно, что практически уже к концу третьего дня были израсходованы почти все боеприпасы к пулеметам и автоматам. Поступил приказ: на

каждый автомат оставить НЗ (неприкосновенный запас) по 10–20 патронов, но у многих этого количества уже не было! О ходе наших действий комбат докладывал в штаб армии по радио. Доложил он и о почти полном расходе боеприпасов к стрелковому оружию. Там, видимо, решили сбросить нам на парашютах какое-то количество патронов.

И когда во второй половине дня два «кукурузника», как называли тогда маленькие двухкрылые самолеты У-2 (ПО-2), подлетали к указанному квадрату, вдруг заговорили немецкие зенитные установки. К нашему удивлению оказалось, что ночью ни мы, ни немцы не заметили того, что батальон наш очутился в том участке леса, который был избран фашистами для размещения одной из их зенитных батарей. Летчики, правильно оценив ситуацию, быстро развернулись и улетели. А нашим огнеметчикам с группой ручных пулеметчиков удалось выйти на звуки выстрелов и буквально испепелить и пушки, и обслугу. Кстати, выручили огнеметчики нас еще раз, когда уже в конце четвертого дня была замечена большая пешая колонна противника. Огнеметы практически уничтожили и эту колонну даже почти без наших пулеметов и автоматов. Не буду описывать тот жуткий рев горящих фрицев...

Технику, которую бросали немцы, мы, конечно, не могли тащить с собой. Брали только автоматы-«шмайсеры» да ручные пулеметы «МГ». Ну и, конечно, пистолеты, в большинстве «вальтеры» и «парабеллумы». Так что у многих уже было по два автомата – свой и трофейный, хотя и тот и другой с весьма малым запасом патронов. Остальные трофеи, как могли, приводили в негодность, а некоторой частью захваченного продовольствия пополняли свой скудный сухой паек, которого почти не осталось. Особенно удивил нас трофейный хлеб, запечатанный в прозрачную пленку с обозначенным годом изготовления: 1937–1938. Сколько лет хранился, а можно было даже мороженный резать и есть! Не сравнить с нашими сухарями, хотя и сегодня, спустя более 70 лет, их вкус вспоминается с определенной степенью ностальгии. Такое же удивление вызывал у нас какой-то гибрид эрзац-меда с такого же рода «сливочным маслом» в больших брикетах. Бутерброды из того «хлеба» с таким «масло-медом» были как нельзя кстати и оказались довольно сытными.

Мне повезло, что я могу, в дополнение к собственным воспоминаниям, использовать и публикации других очевидцев. Вот, например, свидетельство того же Григория Андреевича Власенко, «прикомандированного» радиста: «В той операции был эпизод, когда батальон захватил совершенно целым грузовик, кузов которого был полон ящиками с бутылками шнапса и питьевого спирта. И вот помню картину: бойцы остервенело расстреливают кузов, в направлении Днепра текут огненные ручейки и на февральском ветру мечется синее спиртовое пламя...»

Даже несмотря на то, что не каждый штрафник находился в поле зрения своего командира, распоряжение комбата о запрете употребления трофейного спиртного соблюдалось строго. И это еще один показатель высокого уровня дисциплины в штрафбате, вопреки домыслам тех, кто создает неправдивые «творения» о штрафниках.

Много было непредвиденного и неожиданного в этом рейде, но потерь у нас после Мадоры и Старого Села было сравнительно немного. На волокушах везли тяжелораненых да несколько убитых, среди которых был командир взвода 3-й роты лейтенант, не помню его фамилии, да парторг батальона, старший лейтенант Желтов, погибший во время преследования убегавшей группы немцев из той большой автоколонны. Когда я потом пытался описать в стихах эту часть боевого пути нашего штрафбата, храброму парторгу-агитатору Александру Матвеевичу Желтову были посвящены такие немудреные строки:

Вспомним мы Днепр, Рогачев и Мадоры,
Смертью героя погиб здесь Желтов.
Дорого подлая, мерзкая свора
Нам заплатила за смерть и за кровь.

Желтов был отличный мужик, намного старше нас, лейтенантиков, и редкой душевности политработник. Как бы теперь сказали, очень коммуникабельный человек, которому хотелось верить и подражать, какие в среде политработников в моей длинной армейской службе и в войну, и в послевоенное время, к счастью, встречались чаще, чем это может показаться.

Всего теперь о том рейде в тыл противника и не вспомнить, но достаточно сказать, что за все эти пять дней и ночей мы не могли нигде обогреться, разве только кое-кому это удавалось накоротке у горящих штабов и складов, подорванных или подожженных. Но какой это был «обогрев», если нужно было немедленно уходить, чтобы не навлечь на себя ответной реакции фрицев. О горячей пище даже и не мечталось, спать приходилось тоже урывками и только тогда, когда ночью на какое-то время батальон приостанавливал движение. Многие умудрялись иногда хоть минуту-две поспать на ходу, что мне было знакомо еще по службе красноармейцем-разведчиком на Дальнем Востоке у полковника Чанчибадзе, да и курсантом военного училища в Комсомольске-на-Амуре.

В конце четвертых суток наших действий в тылу противника комбат передал приказ без крайней необходимости бои не завязывать, беречь патроны. Нам, находящимся на некотором удалении от комбата, еще не было известно, что войска нашей 3-й армии давно перешли в наступление и стали продвигаться вперед, а это значит, что немцы будут отступать. В этих условиях приходилось маскироваться, чтобы отступающие в массовом порядке немецкие части не обнаружили нас, почти безоружных, то есть с израсходованными патронами. В один из таких моментов невдалеке затрещали пулеметы, стали слышны выстрелы из пушек. Я еще не мог по звуку пушечных выстрелов определить даже калибр пушки, а один из штрафников, наверное в прошлом артиллерист, закричал оказавшемуся в это время поблизости заместителю комбата майору Кудряшову: «Товарищ майор! Это же наша сорокапятка противотанковая бьет! Наверное, уже наши наступают!»

Александр Иванович решил проверить предположение штрафника, его и еще одного бойца моего взвода послал в качестве то ли разведчиков, то ли парламентаров. Они очень осторожно стали продвигаться в сторону стрельбы. Время, казалось, остановилось. Тогда нам уже было известно и о «власовцах», и об украинских «бандеровцах», и об их белорусских отпрысках – «бульбовцах». Действовали тогда бандеровцы по приказам своих немецких хозяев не только на Украине, но довольно часто по всей Белоруссии. Ну, а нам, фактически находившимся за линией фронта, многие опасности, естественно, казались несколько преувеличенными. Были опасения, что вдруг напоремся на них, а патронов-то у нас нет! И вот мы видим вскоре, что наших парламентаров ведут по направлению к нам не власовцы или бандеровцы, а несколько советских офицеров и красноармейцев! Вероятно, они тоже заподозрили нас в причастности к тем же предательским войскам, тем более, что штрафники не имели погон. Но все вскоре прояснилось, и радости нашей не было предела! Все вскочили и бросились к ним, к нашим, к своим!

Горячие объятия вскоре закончились. Командование батальона поговорило с офицерами встретившихся нам подразделений, и нас ввели в курс боевой обстановки. Наша 3-я армия и сосед ее, 50-я армия, все-таки прорвали оборону немцев (правда, несколько позже намеченного срока) и в ночь с 23 на 24 февраля штурмом овладели Рогачевом. Как стало потом известно, 3-я армия очистила тогда от противника плацдарм на правом берегу Днепра *шириной по фронту 45 и в глубину до 12 километров*, понеся сравнительно небольшие потери. И до сего времени чувство нашей сопричастности к этому событию, в котором боевые потери батальона были минимальны, наполняет душу радостью и гордостью. Вот что пишет сам генерал Горбатов о своих взглядах на возможные боевые потери личного состава: «Я всегда предпочитал активные действия, но избегал безрезультатных потерь людей. Вот почему при каждом захвате плацдарма мы старались полностью использовать внезапность; я всегда лично следил за ходом

боя и когда видел, что наступление не сулит успеха, не кричал „давай, давай!”, а приказывал переходить к обороне».

Так случилось, что только из мемуаров Горбатова я узнал эти подробности. А тогда, в момент соединения со своими войсками, нам еще не было известно, что Москва уже салютовала войскам 3-й армии в честь освобождения Рогачева из-под ига оккупантов. Не знали мы тогда и о том, что уже был образован и 2-й Белорусский фронт. В него, естественно, вошла часть войск 1-го Белорусского.

Известие о разделении нашего Белорусского фронта на 1-й и 2-й, и то, что наш штрафбат остался у прославленного генерала Рокоссовского, вскоре ставшего маршалом Советского Союза, обрадовало нас. Тут же подумалось о судьбе 33-го штрафбата, для формирования которого были откомандированы еще 8 декабря 1943 года заместитель нашего комбата майор Мурза с несколькими офицерами. Оказалось, что этот батальон не был передан вновь образованному 2-му БФ, как мы тогда подумали, а был вскоре расформирован, а оставшаяся часть его, штрафники и некоторые командиры, были переданы 2 марта 1944 года в наш ОШБ.

А то, что наш батальон остался в 1-м Белорусском, которым по-прежнему командовал Рокоссовский, было тем более приятно, что еще свежо было в памяти многих счастливое событие. Сразу же после тяжелых боев под Жлобином, в декабре 1943 года, когда батальон понес большие потери и в переменном, и в командном составе, буквально за день до моего появления в штрафбате, в окопах батальона побывал сам командующий фронтом Рокоссовский. Я уже писал об этом, но это было таким неординарным событием, что о восторгах, вызванных им, не грех и упомянуть еще раз.

Но эти восторженные отзывы о командующем фронтом, тогда еще генерале армии Константине Рокоссовском, не единичны. Они подтверждаются многими мемуарами его сослуживцев также и в период, когда он носил уже маршальские погоны. Вот что пишет Кирилл Константинов в своей книге «РОКОССОВСКИЙ. Победа не любой ценой»:

«Рокоссовский много беседовал с младшими офицерами, солдатами, политработниками. Всем им льстило такое внимание со стороны маршала, который не стеснялся шутить с рядовыми бойцами, находиться с ними в грязном окопе или мерзлой землянке. Кстати, известны случаи, когда Рокоссовский приходил даже в штрафные роты и благодарил воинов за службу – беспрецедентный случай для высшего офицера Красной Армии».

Наверное, автор этой книги имел в виду именно тот случай, когда Рокоссовский посетил наши окопы под Жлобином.

А вот другая цитата из той же книги:

«Многое из того, что рассказывали о Рокоссовском, соответствует действительности. Спокойная и уважительная манера общения с подчиненными, ясность и четкость формулируемых задач, творчество и находчивость при разрешении сложных. А еще многих подкупала его улыбка. Открытое и добродушное лицо, сияющие глаза сразу располагали к этому человеку».

Многие и многие фронтовики, которым, прямо скажем, посчастливилось иметь контакты с этим прославленным полководцем, вспоминают именно эти особенности одного из выдающихся военачальников, маршала Советского Союза Рокоссовского, которого, без сомнения, нужно отнести к Маршалам Победы наравне с Георгием Константиновичем Жуковым. Наверное, одних только восторженных отзывов о нем набралось бы не на один том. В своем повествовании я еще не раз буду говорить о нем, но позвольте пока остановить здесь свое упоминание об этих отзывах.

Закончился этот, действительно беспримерный, рейд батальона штрафников в тыл противника освобождением древнего, прекрасного и многострадального города Белоруссии Рогачева. По окончании боевых действий во вражеском тылу нас сразу же разместили в хатах нескольких деревень под Рогачевом. Как потом стало мне известно, это было правилом: штрафбат не должен с боями входить в более или менее крупные города, чтобы не создавалось впечатление, что город этот освобождали преступники. Как не входили мы в Гомель, а в последующем – в Брест, в Варшаву и прочие города. Даже Рогачев мы не видели, хотя очень хотелось. Но правило это соблюдалось неукоснительно.

Измученные, смертельно уставшие за пять суток изнурительных переходов, когда спать на снегу в лесу доводилось не каждую ночь и не более 2–3 часов, многие, с кого уже свалилось то невероятное напряжение, державшее еще их на ногах, не дождавшись подхода ротных кухонь с горячей пищей, засыпали на ходу прямо перед хатами. К великому огорчению, нас уже здесь настигла потеря нескольких человек. На теплой печи в одной хате разместились три штрафника, заснули, не успев снять с себя все боевое вооружение. У одного из них, видимо, на ремне была зацеплена граната Ф-1 – «лимонка» или РГ-42, и, видимо повернувшись во сне, он сорвал с ремня гранату, и она взорвалась. Только одного из этих троих удалось отправить в медпункт, а двое погибли. Вынести такую нагрузку, такие испытания и погибнуть уже после боя, накануне полного своего освобождения...

За успешное выполнение боевой задачи, как и обещал командующий армией, почти весь переменный состав (штрафники) был, как сказали бы теперь, реабилитирован, то есть восстановлен во всех офицерских правах и отчислен из батальона либо в свои части, на прежние или равные им должности, либо в кадровые органы фронта или армий. По документам ЦАМО РФ значится, что всего по итогам рейда в тыл противника было восстановлено в офицерских правах около 600 человек. Сравните, дорогой читатель, эти цифры и оцените масштабы той лжи, которую стремятся наши доморощенные фальсификаторы вдолбить в головы тех, кто не был участником Великой Отечественной, будто из штрафбатов было только два выхода: ранение или бесславная гибель.

Все участники того беспримерного рейда во вражеский тыл под Рогачев находились в ожидании приказа командующего фронтом, которым и приводилось в действие само освобождение. Многим уже были вручены боевые награды: медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», редко – ордена Славы III степени. Это были герои, из подвигов которых будто «вычитали» числящуюся за ними вину, но и после этого хватало этих подвигов еще и на награды. Надо сказать, что штрафники не очень радовались ордену Славы. Дело в том, что это был по статусу солдатский орден и офицерам он вообще не полагался (кроме младших лейтенантов авиации). И, конечно, многим хотелось скрыть свое пребывание в ШБ в качестве рядовых, так как это считалось пятном на офицерской репутации, а такой орден был свидетельством этого. Командный состав батальона в основе своей был награжден орденами. Мой друг Петя Загуменников получил орден Красной Звезды, прежний мой «шеф», начальник разведки Борис Тачаев – орден Отечественной войны I степени. Бывший тогда командиром комендантского взвода, охранявшего управление батальона, Филипп Киселев (к концу войны он уже стал подполковником, начальником штаба батальона) был награжден второй медалью «За отвагу». Кстати сказать, в командирской среде батальона медаль «За отвагу» расценивалась как высокая награда, не менее весомая, чем солдатский орден Славы. Командир роты Матвиенко получил орден Красного Знамени. А этот орден считался одним из главных боевых орденов. Сам комбат был удостоен ордена Кутузова III степени.

А я и еще несколько офицеров в этот раз были обойдены наградами. Наверное, мы еще недостаточно проявили себя. Хотя мне на какое-то время вновь пришла мысль о «без вины виноватом» за отца и брата матери. Тяжелое тогда было время для раздумий, тем более, что мне уже из писем матери стало известно, что мой брат Виктор пропал без вести где-то под

Сталинградом в конце 1942 года. И не попал ли он в плен, не числится ли он в «предателях», как многие бывшие военнопленные, оказавшиеся в нашем штрафбате?

Да и что я мог поставить себе в заслугу, достойную правительственной награды? Вот Петя Загуменников: его подчиненные столько немецких автомобилей с фашистскими солдатами подбили! И не я один оказался без награды, Муська Гольдштейн, например, тоже. Зато вскоре приказом командующего фронтом генерала Рокоссовского мне было присвоено звание «старший лейтенант». Это я и воспринял как награду.

Возвращаясь к упомянутой выше книге Виталия Закруткина «Дорогами большой войны», проведу некоторую параллель в наградном деле: командиру отдельного лыжного батальона 5-й Орловской стрелковой дивизии 3-й армии 1-го Белорусского фронта, захватившего станцию Тощица, капитану **Коваленко Борису Евгеньевичу** было присвоено сразу два звания – Героя Советского Союза и внеочередное воинское – «майор». Почти весь личный состав этого лыжбата (около 400 человек) получили ордена и медали. И это естественно, не штрафники же они!

В приказе Верховного Главнокомандующего в честь освобождения Рогачева была объявлена благодарность и присвоено наименование «Рогачевских» большому числу частей и соединений, принимавших участие в этих боях. А наш штрафбат, конечно, даже не был упомянут, хотя, например, 141-я рота огнеметчиков, всего один взвод которой, 25 бойцов, действовал с нами, в приказ вошла и получила наименование «Рогачевской». Конечно же, она не штрафная! А наш штрафбат, 800 офицеров, будто и не присутствовал при этом.

Такое незыблемое правило действовало всю войну. Да было еще какое-то «неписаное правило» определять степень награждения командира в зависимости от того, сколько его подчиненных представлено к наградам. Как понятно, штрафников к наградам представляли в редких, исключительных случаях. Отсюда, и их командиры не попадали в ранг особо заслуженных, так как по тому же «правилу», подумаешь, всего каких-нибудь 2–3 его бойца медалями отмечены! В деле награждения многое, если не все, зависело от командования, в распоряжении которого оказывались штрафные подразделения. Вот генералы Горбатов и Рокоссовский освободили от наказания штрафбатов *почти 80 % штрафников*, участвовавших в боевой операции во вражеском тылу, независимо от того, искупили кровью они свою вину или *не были ранены, а просто честно и отважно воевали*, да и награждение их тогда было не единичным.

Я об этом говорю уже не один раз потому, что постоянно в некоторых СМИ продолжают мушкетироваться домыслы, будто у штрафников было только два выхода: смерть или ранение, другого не дано. К сожалению, были на фронте и другие начальники разных рангов, у которых жизнь подчиненных на войне высоко не ценилась. К этой категории мы, фронтовики-штрафбатовцы, относили даже некоторых командующих армиями, в составе которых батальону приходилось выполнять разные по сложности и опасности боевые задачи. Реакция таких и на награждение штрафников весьма отличалась от горбатовской. Но об этом в соответствующих местах моих воспоминаний.

Возвращаясь ко времени написания нами, взводными командирами, боевых характеристик на штрафников, скажу, что эти документы после подписи командиров рот сдавались в штаб батальона. Там уже составляли списки подлежащих освобождению, выбирали бойцов, достойных наград. Путь этих бумаг лежал дальше на осужденных – через штаб армии в армейский или фронтовой трибунал, а на направленных в штрафбат по приказам начальников или на «окруженцев» – непосредственно в штаб фронта. Приказы о восстановлении в офицерском звании и отчислении из штрафбата подписывались, как уже говорилось ранее, лично командующим фронтом и членом Военного совета. Отдельно составлялись в штабе батальона наградные листы и на штрафников, и на штатных офицеров. Эти наградные документы направлялись, как правило, командующим армиями, в составе которых на этом этапе боевых действий нахо-

дился батальон. Так что и награждение тех и других зависело тоже от командармов, которым было предоставлено такое право на время боевых действий.

Пока этот документально-бюрократический процесс шел, а шел он здесь, к удивлению, настолько быстро, что его едва ли можно было еще ускорить, штаб батальона снова передислоцировался в село Майское Жлобинского района, а подразделения – в близлежащие села, из которых уходили в тыл врага. Немногочисленное еще население деревень и сел встречало нас очень тепло. Главным угощением в белорусских хатах была бульба (картошка) с разного рода соленьями, и... конечно, самогон из той же бульбы. С радостью встречали местные девчата и одинокие женщины вернувшихся живыми и здоровыми штрафников и их командиров. Ведь наши бойцы-переменники, как официально они назывались, были хоть и временно разжалованными, но все-таки офицерами, грамотными и с достаточно высоким уровнем культуры. Кстати, их и не стригли наголо, а сохраняли нормальные офицерские прически. А некоторые, особенно из боевых или тыловых офицеров, даже продолжали «щеголять» офицерским обмундированием, только без погон и офицерских ремней.

Погоны не надевали даже те штрафники, которые назначались на должности командиров отделений или замкомвзводов, и, согласно положению, им приказом по батальону присваивались сержантские звания. В основе своей наши бойцы оставляли по себе добрые впечатления у всех слоев населения, а не насильников и грабителей, как это подчеркивается в пресловутом фильме-фальсификации «Штрафбат». Надо еще помнить, что у славян испокон веку жалеют обиженных властью. А именно такими наши бойцы были в глазах женщин и девиц, этого основного населения прифронтовых деревень. Ну а офицеры постоянного состава батальона, в большинстве своем молодые мужчины в возрасте 20–25 лет, конечно, тоже пользовались еще большим вниманием и уважением.

В Майском оставались наши тылы, вооружение и боеприпасы, склады, штабные документы, а также отправленные сюда партбилеты и награды офицеров, командовавших штрафниками. Оставалось там и некоторое число штрафников для охраны всего этого. А к ним за время нашей «командировки» в немецкий тыл добавилось немало новых приговоренных к пребыванию в штрафном батальоне или направленных сюда по приказам командиров. Конечно, приходили и не совсем честные тыловые офицеры – за другие прегрешения.

Так как шло освобождение ранее оккупированной территории, рос и контингент штрафников из числа «окруженцев», оказавшихся в свое время там или бежавших из фашистского плена. Ну и боевая обстановка на фронте, некоторые неудачи, предшествовавшие наступлению, увеличили, наверное, число направленных офицеров за невыполнение боевых задач. Это, в частности, косвенно подтверждается и материалами по истории войны. Например, в справочнике «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история» (М.: Воениздат, 1967, с. 334) говорилось: «Войска Белорусского фронта к концу февраля 1944 г. овладели Мозырем, Калинковичами, Рогачевом, форсировали

Днепр и захватили плацдарм на его противоположном берегу. Занять Бобруйск и развернуть наступление на Минск, как это от них требовалось, они оказались не в состоянии».

Во всяком случае, на место подлежащих освобождению от наказания уже прибыло пополнение для формирования новых подразделений штрафбата. И даже еще не началась длившаяся затем несколько дней реабилитация отвоевавшихся штрафников, а уже были сформированы две новые роты. Процедура такой массовой реабилитации, впервые проводимой в нашем ОШБ, заключалась в том, что в батальон прибыли несколько групп представителей от армейских (фронтовых) трибуналов и от штаба фронта. Они рассматривали в присутствии командиров взводов или рот наши же характеристики на освобождаемых штрафников, принимали решения о снятии судимости с осужденных, восстановлении в воинских званиях.

Затем, буквально через несколько дней, поступал приказ командующего фронтом, по которому эти предварительные решения, отдельно по каждому бойцу, вступали в законную

силу. Мы просто не переставали удивляться, как это удавалось так оперативно штабу фронта решать эту, огромного объема и не менее значимой морально-политической важности, задачу. Наверное, командующий фронтом понимал, как ждут его решения бывшие штрафники, считающие не дни даже, а минуты, когда смогут снова надеть офицерские погоны и вернуться в офицерский строй, и как ждут войска нового офицерского пополнения. За всю дальнейшую боевую историю нашего штрафбата такую оперативность никто из нас не мог вспомнить.

Наряду с этим представители старших штабов выносили постановления о возвращении наград и выдавали соответствующие документы. После всего этого восстановленных во всех правах офицеров направляли, как правило, в их же части, а бывших «окруженцев» – в полк резерва офицерского состава, из которого, кстати, недавно прибыл и я со своими, теперь уже боевыми товарищами. Часть штрафников-«окруженцев» имели еще старые воинские звания, например «военинженер» или «техник-интендант» разного ранга. Тогда им присваивались новые офицерские звания, правда, в основном на ступень ниже. Такое же правило применялось часто и в регулярных войсках при переаттестации на новые звания.

Конечно, на этом не завершилась боевая деятельность батальона в окрестностях Рогачева, но об этом в главе о «Коварной Друти...».

Глава 5

Коварная Друть. Легенды о Горбатове

*Все стерплю: и зной, и слякоть,
Редкий сон, с песком еду,
От атаки до атаки
Я несу в себе войну.*

Владимир Шпадарук (Рогачев)

*Я знаю, что каждый в эти часы
Вспомнил все песни, которые знал,
Вспомнил о сыне, колы дома сын,
Звезды февральские пересчитал.*

Всеволод Багрицкий, погиб на Ленинградском фронте в 1942 г.

К сожалению, в процедуре «очищения» штрафников от их вины перед Родиной мне в этот раз довелось участвовать недолго, так как во вновь сформированных двух ротах места командиров взводов пришлось срочно занять мне и другим офицерам, только что вернувшимся из Рогачевского рейда. Наверное, я оказался здесь, скорее, как имеющий фактически только одно настоящее боевое крещение и не получивший еще достаточно боевого опыта. Были у меня по этому поводу и другие мысли, все о тех же **преступлениях** и своеобразных **наказаниях**, но я их гнал, как ничем пока уверенно не подтвержденные и не имеющие достаточных оснований.

Сразу же после завершения боевых действий по освобождению Рогачева нам пришлось участвовать в выполнении другой задачи, полученной от командарма-3, генерала Горбатова. Вот этим двум вновь сформированным ротам дали задание уже 25 февраля захватить у немцев плацдарм на реке Друть, впадающей в Днепр у Рогачева.

Днепр, как известно, на всем своем протяжении «многонационален». Это река славянская, протекающая по территории России, Беларуси и Украины. Греки ее называли Борисфен, первые славяне – Славутич. И берет она свое начало из небольшого русского болотца на границе Смоленской и Тверской областей, в сорока километрах от райцентра Сычевка и в шести – от ближайшей деревни Бочарове. Зато Друть, на слиянии которой с Днепром и стоит Рогачев, – чисто белорусская река: ее исток – на Оршанской возвышенности в Витебской области, а устье – при впадении в Днепр около Рогачева в Гомельской области. После Днепра она кажется небольшой речушкой. А для нас и маленькая Друть оказалась серьезной преградой.

Буквально на второй день после освобождения Рогачева нашему штрафбату было приказано преодолеть эту речку-невеличку и захватить плацдарм на ее западном берегу, что оказалось не такой уж легкой задачей. Для этого нужно было ночью скрытно преодолеть по льду эту реку, без артподготовки и криков «ура!» совершенно внезапно атаковать противника в направлении деревни Заполье, выбить немцев из первой траншеи и, развивая наступление, обеспечить ввод в бой других армейских частей с захваченного плацдарма. Генерал Горбатов отмечал: «На реке Друть особенно сильной была первая полоса обороны немцев глубиной 6–7 км, с тремя позициями... Ширина реки кое-где до 60 метров, глубина 3,5 метра. Заболоченная, слабопромерзающая долина до полутора километров».

Ночь была почти безлунной и пасмурной. Но немцы, видимо не ожидая нашего наступления или по какой-то другой причине, вовсе не применяли здесь своих осветительных «фонарей». В отличие от днепровского, лед на этой реке был изрядно продырявлен, и потому приходилось, почти в ночной темноте, нащупывать его ногами, чтобы не угодить в полыньи, пробитые снарядами и минами. Может, это состояние льда так успокоило немцев, что они потому и не освещали ближайшие подступы к своим траншеям, хотя минометный огонь по льду они изредка вели и теперь. Однако, как назло, мне довелось именно здесь принять ледяную купель. Ведь угораздило же меня провалиться на побитом, но успевшем слегка спаяться на морозе, льду. Наверное, еще и потому, что я, взглядываясь под ноги, все-таки старался в темноте разглядеть и то, как движется мой взвод.

Вот и отвлекся от собственной безопасности. Ухнул туда я сразу, и мои попытки выбраться из этой «проруби» были долго безуспешными, потому что лед, за который я почти в кромешной темноте хватался, состоял из мелких, едва схваченных ночным морозом ледяных осколков, да еще припорошенных снегом, и легко крошился в моих руках. Ощутимое течение все заметнее тянуло под лед. Тело уже чувствовало ледяной холод Друти. Набухли водой ватные брюки, телогрейка, тоже ватная, промокла почти до ворота, да еще ППШ весом более пяти кило, мою естественную плавучесть уменьшали.

Тут надо бы вспомнить русскую поговорку «все, что ни делается, – к лучшему». Когда мы в срочном порядке готовились к выполнению этой задачи, была команда выдать всем валенки. Незнакомый мне старшина, занимавшийся этой процедурой, когда всему взводу валенки были выданы, вдруг заявил, что они кончились. Надо же, командиру валенок не хватило! Ну, мне всегда «везет», всю жизнь на мне что-нибудь кончается, даже дефицитные сигареты после войны в каком-нибудь табачном ларьке, или билеты на поезд, или очередь на троллейбус (когда такие очереди еще были в послевоенное время в Харькове, например, где я жил после увольнения в запас). Вот и валенки на мне закончились. Ладно, хоть бойцам всем достались. Ждать, когда старшина принесет дополнительную пару со склада, не было времени, и я увел свой взвод к назначенному месту

Здесь же, в этой полынье на Друти, я поблагодарил судьбу за то, что на мне не валенки, а сапоги. Валенки бы быстро наполнились водой и набухли и еще сильнее тянули бы ко дну или вовсе могли сползти, и я бы остался босой. А если прибавить к этому, что плавать я вовсе не умел, то, переиначивая слова славного русского поэта Сергея Есенина о вере в Бога, можно было сказать:

Стыдно мне, что я *раньше не плавал*,
Горько мне – не умею теперь!

Понятно, что неизбежным следствием всех этих драматических обстоятельств могло быть только полное окончание моей фронтовой жизни, да и не только фронтовой. Спасло тогда меня то, что поблизости постоянно шел штрафник-ординарец, которого я выбрал и назначил для этого в срочном порядке во время получения валенок. Срочность, с которой мне подчинили взвод, не дала возможности тогда узнать, а тем более запомнить фамилию этого бойца. Помню только, что это был младший лейтенант, моложе меня и по возрасту, но запомнил только имя его – Женя, наверное потому, что из-за его молодости все именно так к нему обращались. Это теперь, изучая архивы, которыми я располагаю, установил его фамилию: Вдовин Евгений Александрович, который впоследствии был награжден за бои под Брестом медалью «За отвагу».

Увидев, а скорее, услышав мое барахтанье в воде и безуспешные попытки выбраться из ледяного крошева, он, оставаясь на твердом льду, догадался лечь и как можно ближе подползти на край этой злосчастной полыньи. За мушку протянутого им автомата, к которой мне с трудом

удалось дотянуться, я и уцепился, вначале буквально двумя пальцами, а затем уже и покрепче, как утопающий за соломинку. Женя медленно потянул меня к краю полыньи, которая едва не стала моей могилой. Наконец, обламывая непрочные ее края, я с помощью моего спасителя, наверное как тюлень, выбрался на твердый лед. Всю остальную часть пути по реке мы преодолевали уже осторожнее, чтобы не повторить случившегося.

Командиром нашей роты был капитан Михаил Сыроватский, кстати сказать, сам недавний штрафник, восстановленный в офицерских правах за боевые заслуги в боях под Жлобином и принявший предложение комбата Осипова остаться в батальоне на должности ротного командира. Это был невысокого роста, худощавый офицер, кажется еще не совсем освободившийся от ограничений, наложенных на него прежним положением бойца-переменника, и как-то особенно уважительно относящийся к взводным своей роты, да и к вчерашним коллегам-штрафникам, ко всем обращался на «вы». Как потом мы его «разглядели», был он человеком спокойным, невозмутимым, не чуждым разумного компанейства, но и не допускающим даже тени панибратства. Его распоряжения подчиненным носили характер просьб, но твердых, настоятельных.

Тогда, на Друти, он ждал, когда подтянется со льда вся рота, чтобы не дробить тот кулак, которым собирался прорвать оборону на своем участке. И, когда мы с ординарцем едва выбрались на твердый грунт берега, немцы открыли огонь. Видимо, сосредоточение роты у крутого и, как оказалось, многометровой высоты берега Друти не прошло незамеченным для противника, хотя преодоление реки проходило, как было установлено, почти бесшумно, без единого слова, да и берег штурмовали тоже молча. Это уж потом мы удивлялись, как нам всем удалось так быстро, без специальной обуви, без штурмовых лестниц, «кошек» и канатов или каких-либо других приспособлений преодолеть обрывистый и обледенелый склон берега. Его ледяной покров разрушали только при помощи штыков, финских ножей да саперных лопаток, продельвая в сравнительно нетолстой корке льда углубления, если удавалось, даже до грунта.

Здесь возьму на себя смелость сказать, что в полной мере подтвердились слова в документе штаба 3-й армии о чудесах, которые творит пехота, особенно офицерская, да еще и штрафная. Документ этот называется «Описание боевых действий 3-й Армии в Рогачевской операции в период с 21 по 25 февраля 1944 г.», и в нем записано, в том числе, и о штрафбате:

«Лишний раз подтвердилось, что при ясном понимании своей задачи и хорошем руководстве со стороны офицерского состава, наша пехота способна творить чудеса. В штурме неприступного Днепровского берега русская пехота лишний раз показала присущие ей блестящие качества. Это упорство, смелость и ярость, с какой она штурмовала отвесные обрывы под огнем противника».

Немцы, оказывается, специально поливали этот *крутой, очень высокий берег Друти водой* и превратили, по их мнению, в недоступный барьер, своеобразную большую ледяную «горку». Неожиданно вспомнилась известная фраза Сталина «Нет в мире крепостей, которых большевики не могли бы взять!». Временами приходилось съезжать с этой «горки», почти как суворовские солдаты при переходе через Альпы. Только те съезжали вперед, а мы – назад! И все-таки успели! Рота начала атаковать передний край немцев. Перестрелка все более усиливалась, и вот уже вместе с разрывами гранат стали слышны крики, среди которых рядом с «ур-р-а-а» заметно выделялись весьма крепкие русские выражения. Нагрыв на противника как снег на голову, штрафники завязали бой. Наверное, только достигнутая внезапность и самоуверенность немцев в недоступности для нас их позиций избавила роту от больших боевых потерь.

Река Друть, в которой автору пришлось в феврале 1944 года принять водное крещение, а крутые ее обледеневшие берега брать без штурмовых лестниц. С картины Б. Малиновского, подаренной А. В. Пыльцыну Рогачевским райисполкомом

Кстати сказать, замусоленный штамп о том, что штрафники вообще без мата не обходились в любых ситуациях, так же надуман, как и многое другое, что некоторыми авторами публикаций о штрафбатах перенесено в свои измышления из тюремно-лагерного бытия. Я успел заметить, и это нашло подтверждение в будущем, что мат, как выражение высшего эмоционально-стрессового напряжения именно в острых боевых ситуациях, скорее адресован врагу, и то при близком соприкосновении с ним, а не в общении между собой.

Мы с ординарцем и еще человек 5–6 неудачников, испробовавших неласковую воду коварной Друти, мокрые, но еще не лишённые подвижности, вместе со своими подразделениями участвовали в захвате и первой, а затем и второй траншеи противника, хотя на себе убедился, что промокшая ватная одежда очень тяжела!

Как отмечал генерал Горбатов, немецкая оборона на реке Друть была мощной. Были там и доты с металлическими колпаками, и плотные минные поля, и проволока в три кола. Но на нашем участке минного поля не оказалось, траншеи были отрыты на небольшом удалении от обрывистого берега, а проволочные заграждения были слабыми, в один ряд. Может быть, это потому, что противник понадеялся на казавшуюся ему недоступность этого крутого склона, превращенного в ледяную горку. Но то, что для нашей атаки было выбрано одно из таких слабых звеньев обороны немцев, было еще одним свидетельством стремления генерала Горбатова в любой ситуации избежать неоправданных потерь. Даже жалел он именно штрафбат, понимая, что завтра его бойцы, вернув себе офицерские права и звания, смогут стать хорошим резервом для войск его 3-й армии.

Мы понимали из предыдущей задачи боевых действий в тылу немцев, что этот батальон штрафников-офицеров, по аналогии с известной уже читателю аббревиатурой ОПРОС (Отдельный Полк Резерва Офицерского Состав), наш командарм может считать как своеобразный «ОБРОС» – «Отдельный Батальон Резерва Офицерского Состав», из которого реабилитированные офицеры, приобретя боевой опыт рядовыми, будут весьма ценным пополнением для войск. Да и разведка у генерала Горбатова хорошо поработала, сумела обнаружить

наименее укрепленный участок немецкой обороны: минного поля не было, а проволока вместе с кольями сравнительно легко была опрокинута.

Первая траншея уже была очищена от живых фрицев, убитых было много и в самой траншее, и за ней. Наши подразделения, преследуя убегающих немецких солдат, захватили не только вторую траншею. В результате решительных действий наших двух рот (не могу вспомнить, кто командовал другой ротой) образовался уже заметный плацдарм.

После того как мы выполнили задачу по захвату плацдарма, поступила команда перейти к обороне. Промокший до нитки и продрогший, как говорится, до самых костей, я пытался согреться хотя бы энергичными движениями, но тщетно: к рассвету не на шутку начинало понемногу леденеть мое обмундирование, да и тело переохлаждаться. А если учесть, что в этой обороне я пробыл и весь день до следующей ночи, можно представить, во что превратились моя одежда и я сам. Почему-то вспомнилась песня о ямщике, который замерзал в степи. Конечно, я не до такой степени окоченел, меня немного выручала трубка, которую я курил уже довольно давно, еще до фронта. Она была массивной, солидной вместительности, с классически изогнутым чубуком, и долго хранила тепло. Мой табак размок, и мне доброжелательно предлагали свою «махру» соседи по окопу. Кто пробовал курить махорку в трубку, поймет, что это за «удовольствие». Трубка хорошо грела кисти рук, но остальные части тела от довольно крепкого, державшегося всю ночь и целый день мороза стали терять подвижность. Мои пропитавшиеся водой ватные брюки и такая же телогрейка постепенно превращались в ледяной панцирь.

Ноги и руки мои, основательно закованные в ледяные доспехи, кроме кистей рук, гревшихся от трубки, уже практически потеряли подвижность, только голова еще вертелась на шее довольно свободно. Вначале мне пришло сравнение образовавшегося панциря с рыцарскими доспехами, а потом более точное – с черепашьям панцирем! Сапоги мои тоже скоро превратились в ледяные, и я опасался, как бы ноги не обморозились хуже, чем палец во время долгого зимнего похода в училище в Комсомольске ровно два года тому назад. Командир роты капитан Сыроватский, видя, что толку от меня немного, приказал, пока не стемнело, двоим легко раненым штрафникам доставить меня в медпункт батальона. И поволокли они меня, как ледяную колоду, через Дуть, но уже в обратном направлении.

В батальонном медпункте, который размещался в не очень вместительной палатке с печкой, орудовал наш доктор – капитан-медик Степан Петрович Бузун, небольшого роста, со старомодной бородкой. Его, наверное, никто, даже штрафники, не называли по воинскому званию, «доктор» и все. Он и его помощник, лейтенант медслужбы Ваня Деменков, с помощью больших саперных ножниц сняли с меня этот панцирь и сапоги, тут же энергично растерли всего от головы до пят смесью, кажется, спирта со скипидаром. Конечно, еще после кружки горячего чая влили внутрь и дозу спиртного, одели меня во все сухое.

Надо же, наш заботливый комбат предусмотрел и здесь запас всего: и белья, и ватных телогреек с брюками! Меня даже обули в валенки, наконец-то и мне доставшиеся! Так как в палатке было полно раненых, рядом с ней в глубоком снегу мне отрыли яму, дно которой устелили хвойным лапником и прикрыли его частью плащ-палатки. Улегся я туда, меня закрыли второй половиной плащ-палатки, «утеплили» ее сверху тоже еловыми ветками и... засыпали толстым слоем снега, оставив отверстие для доступа воздуха. Хорошо разогретый растиранием, да и внутренним «компрессом», совершенно не спавший эти злосчастные две ночи, я мгновенно заснул мертвецким сном. Конечно, сказалось еще и то, что фактически не удалось хорошо отдохнуть и от трудного пятисуточного рейда в тыл к немцам.

Уже к полудню меня разбудили, сам бы еще долго спал. Выбрался из своей «берлоги» с чувством хорошо отдохнувшего, выспавшегося в удобной постели и снова полного сил и энергии человека. Я не получил даже банального насморка, обычного для таких переохлаждений, не говоря уже о воспалении легких или каком-либо бронхите. Последствием моей купели

и заметного переохлаждения была выступившая у меня через несколько дней на шее и некоторых других частях тела сыпь, то, что тогда называли наши эскулапы *ниодермией*, похожая на локальный, мелкий очаговый фурункулез. Как мне объяснил потом наш доктор Степан Петрович, эта стойкость организма была результатом мобилизации его внутренних сил, возникающей именно в условиях моральных и физических сверхнапряжений. В моем случае, наверное, сыграла свою роль, кроме того, и моя дальневосточная закалка, как с детства, так и при воинской службе там. И даже, как я узнал позже, инфекционными болезнями во время войны люди болели реже и легче, не говоря о том, что вовсе не возникали какие-либо масштабные эпидемии.

Пока я отсыпался в своей снежной «берлоге», наши подразделения выполнили свою задачу и там был введен в прорыв стрелковый полк. Как мне потом рассказали, этот ввод был обеспечен мощным залпом гвардейских минометов – «катюш». Однако несколько их взорвалось в непосредственной близости от штрафников, и, к сожалению, при этом не обошлось без потерь среди наших бойцов. Как говорили многие очевидцы этого инцидента, всем стало понятно, почему немцы так панически боялись залпов «катюш». Предположительно причиной этого могло стать то, что какие-то реактивные снаряды просто сорвались со своей траектории или одно подразделение штрафников успешнее других продвинулось еще до ввода полка, а расчетам гвардейских минометов – «катюш» могли не успеть об этом сообщить. Артиллеристы-штрафники предположили, что скорее всего в батарее «катюш» кто-то ошибся в расчетах при подготовке данных для стрельбы.

В связи с этим фактом я несколько нарушу хронологию своего повествования.

К 50-летию Победы в 1995 году российское телевидение подготовило большую серию передач под общим названием «Моя война». Я тоже был участником этих передач. По итогам бесед с некоторыми героями этих телепередач, от маршала Язова Дмитрия Тимофеевича до рядовых, газета «Комсомольская правда» печатала обширные материалы об их боевых буднях. В рассказах многих участников этих передач была, как правило, честная, порой потрясающая правда о войне!

Однако одна публикация поразила меня откровенным лукавством. Это помещенный в газете за 14.12.1994 г. рассказ бывшего начальника разведки дивизиона «катюш» Георгия Арбатова, «готовившего *иногда* данные для стрельбы». Лукавство в его рассказах заключалось хотя бы в том, что он «*видел, как летят куски человеческих тел*» от взрывов их реактивных снарядов. Каким же сверхъестественным зрением обладал рассказчик, если с закрытых позиций (что для «катюш» было строгим правилом!!!), он «видел» это, а мы, находясь несравненно ближе к немецким траншеям, видели в этих случаях только сплошную полосу огня и вздыбленной земли. И никаких «кусков» тел человеческих! Или, например, как он, Арбатов, «пару раз из личного оружия попадал в немцев». Из пистолета? И тоже с закрытых позиций? Пусть эти утверждения ныне уже покойного академика Георгия Арбатова останутся на его совести.

Но если среди готовивших «катюшам» данные для стрельбы попадались не совсем честные и добросовестные, а тоже случайные люди, то результатами этих стрельб могли быть и такие, как у нас в этот раз за рекой Друть. Кстати, о другой неправде из уст академика Арбатова упоминает в своей книге «Записки командира штрафбата»

Михаил Сукнев, который опровергает его утверждения о том, что «*штрафников карали сзади заградотряды*» и говорит прямо: «*Неправда! У нас их не было*». Да и нигде за штрафниками они не стояли, господин Арбатов!

Теперь о другом. Как я узнал позднее, некоторые наши командиры, не только взводов, но даже рот, были недавно штрафниками. Я уже говорил, что ротой на Друти у нас командовал бывший штрафник капитан Сыроватский Михаил Иосифович. Пробыв штрафником всего 12 дней в боях под Жлобином, он за особые боевые заслуги досрочно, без ранения восстановлен в офицерских правах и 26.12.1943 года уже был назначен командиром роты. Наш батальонный

доктор Бузун Степан Петрович, как я уже говорил, – тоже из этой категории. Попал он к нам штрафником-военврачом 3-го ранга после выхода из окружения. В боях под Жлобином проявил героизм, был ранен, представлен к ордену. По возвращении из госпиталя и восстановления в офицерских правах, уже капитаном медицинской службы добровольно остался в офицерских кадрах штрафбата. Да и его помощник, лейтенант медслужбы Ваня Деменков, тоже из бывших штрафников, отличился на Курской дуге, и с августа 1943 года – в постоянном составе штрафбата. Так что наша штрафбатовская медслужба была, образно говоря, «дважды штрафной».

Старший лейтенант медслужбы, бывший штрафник Иван Деменков

О таких случаях почему-то в батальоне не принято было распространяться, хотя я, как и все остальные офицеры, с большим уважением относился к этой категории возвратившихся именно в штрафбатовский офицерский строй, которому «на роду» написано бывать там, где жарче, где опаснее. Мне удалось установить, что из восстановленного мною списка офицеров постоянного состав батальона (см. соответствующую главу), по крайней мере, *11 офицеров перед этим прошли испытание в роли штрафников, досрочно восстановлены во всех офицерских правах за особые боевые заслуги и зачислены в штат постоянного состава.*

Однако вернемся в февраль 1944 года. После ввода в бой стрелкового полка наши подразделения были отведены в распоряжение батальона. К сожалению, дальнейшего значительного развития это наступление не получило. Зато, как стало известно позже, была именно здесь тогда заложена основа летней операции «Багратион». А пока мы, вернувшиеся из-за Друти, практически не получившие ни часа отдыха, но с новым пополнением, срочно погрузились на поданные автомобили и убыли в район восточнее города Быхов.

Был уже конец февраля, хотя и високосного года, но природа разразилась таким мощным «снеговалом» (снег не падал, а поистине валил несколько дней!), что едва мы прибыли в назначенный район, как все дороги и подъездные пути уже стали просто непроходимыми, а не только непроезжими. Как говаривали наши остряки, погода тогда была «диетической», потому что почти неделю из-за невозможности подвезти продовольствие наш суточный рацион горячего питания состоял из растопленного в походных кухнях снега (вот в чем недостатка не было!) и приготовленного из него «бульона». А он, этот «диетический» бульон, кроме кипятка *талой воды* (говорят, очень полезной для здоровья), содержал довольно редко плавающие жиринки и какие-то вкрапления от американской свиной тушенки, называемой нами тогда «Второй фронт» (одна литровая банка на 100-литровый котел полевой походной кухни!). К

этому добавлялось по одному сухарю. И никакой возможности чем-то сдобрить это «диетическое» блюдо!

После прекращения многодневного снегопада и расчистки дорог намечавшееся было наступление, видимо, отменили, и нас снова отвезли, но уже не в Майское, а в соседнее село Городец, хорошо знакомое многим еще по пребыванию нашему в Майском и окрестных селах, ибо расстояние между ними большим не назовешь. Так что многим восстановить старые связи с жителями не составляло трудностей.

Ну, а в общем-то, шел к концу период нашего пребывания в составе 3-й армии генерала Горбатова. Наверное, здесь уместно привести то ли быль, то ли легенду о генерале Горбатове. После взятия Рогачева через уже разбитый и непрочный лед Днепра армейские саперы навели временный деревянный мост. По своей ширине он допускал движение нетяжелой техники только в одну сторону. Поэтому коменданту переправы был передан приказ командарма пропускать в первую очередь автомобили с боеприпасами, артиллерию и другую легкую технику в сторону фронта. Когда у переправы скопилось много машин, идущих к передовой, на другом берегу несколько «виллисов» намеревались проскочить в обратном направлении. Комендант переправы, крепкий и рослый майор, выполняя приказ, не пускал их на мост. Ведь для этого нужно было остановить поток машин к фронту. Из одного «виллиса» вышел генерал и потребовал срочно пропустить его машину. Майор, ссылаясь на приказ командарма Горбатова, отказался сделать это.

Разозлившись на непослушного коменданта, генерал вдруг огрел его своей всем известной палкой. Реакция майора была мгновенной и неординарной: он резко повернулся и, то ли не признав Горбатова, то ли просто не раздумывая, наотмашь ударил его. Генерал, скорее от неожиданности, потерял равновесие и, проломив невысокие и непрочные перильца моста, упал в снег. Что тут началось! Из машины командующего и сопровождающих его «виллисов» выскочило несколько офицеров. Одни бросились поднимать генерала, другие схватили майора и скрутили ему руки. Генерал, отряхиваясь от снега, подошел к майору, приказал отпустить его и велел принести свою флягу.

Вся армия знала, что их Батя-командующий вообще ни при каких обстоятельствах не пьет спиртного и даже не курит. Об этой своей особенности Александр Васильевич не один раз упоминает в своих мемуарах. Прочитав их, я узнал, что это еще в юности он дал слово никогда не пить, не курить и не сквернословить. Вот его слова о куреве из книги «Годы и войны»: «Сам я никогда не курил, но для особо симпатичных посетителей у меня всегда имелась пачка хороших папирос». Если мне здесь будет позволена некоторая нескромность напомнить о себе рядом с таким общеизвестным командармом, то скажу, что я вот курил всю войну (и даже трубку!) и долгие послевоенные годы. Несколько раз бросал эту вредную привычку, но всегда почти по Марку Твену: «Бросить курить очень легко, по себе знаю. Сто раз бросал». И только более чем через сорок лет по настоятельному требованию медиков бросил навсегда.

Генерал А. В. Горбатов

И помогло мне преодолеть эту многолетнюю тягу к табаку то, что, решившись на этот шаг серьезно, я всем своим сослуживцам и знакомым заявил, что на этот раз бросил *окончательно*. В моем характере с детства укоренилось правило: не сорить словами и, уж если дал слово, держать его во что бы то ни стало! Примером в этом для меня стал командарм Горбатов, свое слово он всегда твердо держал. Во время войны, когда за отказ от спиртного за дружеским столом его упрекали в некомпанействе, он говорил, что выпьет только в День Победы. **И только тогда действительно, как утверждалось в мемуарной литературе, он позволил себе выпить бокал красного вина.**

Поэтому распоряжение принести «его флягу» вызвало у наблюдавших эту сцену не меньшее удивление, чем все, что этому предшествовало. Горбатов лично отвинтил с не совсем обыкновенной фляги крышку-стаканчик, наполнил его водкой, поднес ошеломленному майору со словами: «Молодец, майор! Выпей, считай это за мое извинение и личное поощрение. Скольких дураков учил и воспитывал этой палкой, первого умного встретил. Продолжай службу, а за настоящей наградой дело не станет».

Необычная это легенда о генерале Горбачеве, но так хотелось верить в ее реальность. А может, это и не легенда вовсе, может, все так и было! Ведь у человека с доброй душой и поступки добрые.

О судьбе легендарного командарма Александра Горбачева, одного из наиболее талантливых полководцев Великой Отечественной, известно не так много. Хотя именно в честь его армии прозвучал первый победный салют летом сорок третьего. В 2006 году на российском телевидении был показан документальный фильм «Цена победы. Генерал Горбачев» (главный режиссер Валерий Ткачев). Для участия в этом фильме были приглашены внучка генерала Ирина Александровна Горбачева и я. Ирина Александровна говорила мне, что, по ее данным, генерал никогда не возил с собой водку. Но я подумал: если у некурящего Горбачева «*для особо симпатичных посетителей всегда имелаась пачка хороших папирос*», то почему же непьющему Александру Васильевичу «для особых случаев» не иметь флягу с «наркомовской», как на фронте иногда называли положенную в отдельных случаях по нормам снабжения водку?

Генерал Горбачев осмеливался иметь свою точку зрения на стратегию ведения войны, несколько раз отказывался выполнять требования Рокоссовского и самого Жукова, когда уже был командармом, если от него требовали класть солдатские жизни ради сомнительного

успеха. Победа «любой ценой» была не для него. И Горбатову удавалось брать города, избегая больших потерь, как это было и с Рогачевом. Три года на Колыме научили его ценить жизнь – свою и чужую.

Вот один случай «непослушания», который долгое время ходил у нас тоже как легенда. Сразу же после взятия Рогачева, когда еще не спала эйфория в связи с удачным освобождением Рогачева и захватом плацдармов на Днепре и Друти, командующий фронтом генерал Рокоссовский передал Горбатову приказ продолжать наступление с целью захватить и Бобруйск. Командарм, взвесив все данные, которые ему были доложены разведкой, ответил Рокоссовскому, что это не только не целесообразно, но и не приведет к успеху. Тогда генерал Рокоссовский сам прибыл к Горбатову и еще раз уже лично приказал наступать. В ответ на это командарм снова повторил свои соображения. Комфронта тогда решился на крайнюю меру, не свойственную Рокоссовскому, встал и произнес: «Встать! Смирно! Приказываю немедленно начать наступление на Бобруйск!» Горбатов уже стоя ответил: «Стоять смирно буду. Но армию на погибель, на тот свет не поведу!!!» Командующий фронтом тут же послал докладную в Ставку о невыполнении приказа командармом Горбатовым. Тот в свою очередь через штаб фронта в тот же адрес послал свою докладную о том, что генерал Рокоссовский преступно хочет загубить 3-ю армию.

Тот фильм «Цена Победы. Генерал Горбатов» подтверждает этот факт, ссылаясь на воспоминания жены Горбатова Нины Александровны. Она была свидетельницей этой сцены и, как жена военного, боялась сурового наказания за невыполнение боевого приказа в военное время. Но Ставка и Сталин на обе докладные, видимо зная компетентность Горбатова в боевых делах, никак не среагировали, а через несколько дней обстановка показала правоту Горбатова, и генерал Рокоссовский перед ним извинился.

Я, как и многие, с кем я делился этой легендой, не верили в ее достоверность, зная доброту, справедливость и заботу о солдате генерала Рокоссовского, считали, что на такой шаг он мог пойти только «под давлением сверху». И действительно, он тогда ссылаясь на директиву Ставки. Эта легенда подчеркивает те качества этих военачальников, за которые и любили их воины.

Уже после войны меня продолжала интересовать необычная легендарность любимого командарма, и я находил все больше подтверждений этому. В марте 1942 года командующий 38-й армией генерал Москаленко К. С. в докладе главнокомандующему Юго-Западного направления маршалу С. К. Тимошенко характеризует действия строптивного комдива Горбатова как «преступные». Горбатов так описывает объяснение, состоявшееся у маршала Тимошенко: «Доведенный оскорблениями до белого каления, в запальчивости я, показывая рукой на командарма, ответил: – Это не командарм, это бесплатное приложение к армии, бесструнная балалайка».

Кстати, личность генерала Москаленко можно характеризовать тем, что в Великой Отечественной войне с 1942 года он командовал 38-й армией, которая не стала ни гвардейской, ни ударной. Поделюсь и моими личными впечатлениями о маршале Москаленко. Когда я проходил службу в 105-й воздушно-десантной дивизии в Московском военном округе, то в качестве замкомдива мне иногда приходилось участвовать в служебных совещаниях, проводимых командующим МВО, которым был тогда маршал Москаленко. Помню случай, когда на одном из таких совещаний он то и дело спрашивал у начштаба округа генерал-полковника

Баскакова В. Н. фамилии того или другого командира дивизии округа, что красноречиво говорило о «знании» им подчиненных.

Вот еще – даже не легенда о Горбатове, а факт, ставший легендой. Узнав о том, что разоренному немцами Донбассу для восстановления шахт остро не хватало крепежного леса, Горбатов решает помочь шахтерам. Но вырубка леса будет нарушением Постановления ГКО о запрете вывозить лес из Польши. Вину за это генерал решил взять на себя и приказал вырубить

и отправить в Донбасс около 50 тысяч кубометров леса. После отправки прибыла комиссия из Москвы, доложили Сталину, на что он, узнав, что личной выгоды Горбатов не имел, сказал: «Да, это на него похоже. *Горбатова только могила исправит*. Преступление налицо, но, поскольку он не преследовал личной выгоды, на деле надо поставить точку».

Между прочим, некоторые особо рьяные фальсификаторы, выдергивая из общесмыслового контекста часть фразы Сталина «Горбатова только могила исправит», трактуют ее почти как сталинский приговор, а не подчеркивают умение Сталина точно и к месту использовать знание русских пословиц и поговорок. Да и приписывание Сталину неприязни к Горбатову можно опровергнуть следующим фактом. За умелое руководство вверенными войсками армии в ходе Восточно-Прусской операции и проявленное личное мужество командующим 2-м Белорусским фронтом маршалом Рокоссовским генерал Горбатов был представлен к награждению орденом Суворова I степени. К этому времени А. В. Горбатов уже был награжден орденами Суворова I и II степеней, Кутузова I и II степеней. *Верховный главнокомандующий И. В. Сталин пересмотрел представление, и А. В. Горбатову было присвоено звание Героя Советского Союза*.

Наверное, достаточно фактов, подтверждающих особенности характера и саму легендарность нашего любимого командарма. Что же касается профессиональных качеств и полководческих способностей генерала Горбатова, не мне о них судить, слишком мал был тогда и мой опыт, и кругозор. Но вот что пишет о нем маршал Рокоссовский:

«Александр Васильевич Горбатов – человек интересный. Смелый, вдумчивый военачальник, страстный последователь Суворова, он выше всего в боевых действиях ставил стремительность, внезапность, броски на большие расстояния с выходом во фланг и тыл противнику. Горбатов и в быту вел себя по-суворовски – отказывался от всяких удобств, питался из солдатского котла».

Мне кажется, что рейд нашего штрафбата и лыжных батальонов в тыл немецких войск, боевые действия там подтверждают сказанное. Жаль, нам больше не приходилось воевать под началом Александра Васильевича Горбатова. Но вот еще несколько сведений о нестандартном характере легендарного генерала Горбатова из воспоминаний генерал-лейтенанта танковых войск Попеля Н. К.:

«...я поехал в дивизию, которую недавно принял Горбатов... Когда вошли в горницу, навстречу не спеша поднялся худой, высокий человек... на столике лежал раскрытый томик с узкими колонками стихов. Я уже слышал, что комбриг книголюб, что он не употребляет крепких слов и крепких напитков... Прошел добрый час, прежде чем начальник штаба нехотя выдал „секрет“. Горбатов частенько отправлялся по ночам с истребительным отрядом в тыл к немцам. Уезжая из дивизии... я сказал: – Пожалуй, не следует Вам самим возглавлять ночные рейды по тылам врага. Горбатов вспыхнул так, словно его уличили в чем-то нехорошем. Потом рассмеялся: – Разумеется, не следует. Да руки чешутся... В последних числах декабря я повез Горбатову генеральские петлицы. Провел у Горбатова несколько дней. И каково же было мое удивление, когда узнал, что Горбатов и комиссар дивизии Горбенко по-прежнему ходят ночью в тыл противника и громят немецкие гарнизоны».

Это из того времени, когда Александр Васильевич еще командовал дивизией. А вот свидетельство начштаба 105-й гвардейской стрелковой дивизии И. Г. Попова из периода командования Горбатовым корпусом: «Командир корпуса генерал-лейтенант А. В. Горбатов был человеком громадной энергии, дотошным и въедливым. Не признавал он в военном быту слова „мелочь“, не переносил равнодушно-сонных физиономий».

Или вот еще одна убедительная характеристика, которую дал уже командующему армией генералу Горбатову член Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Телегин К. Ф.: «...он сочетал в себе непреклонную командирскую волю с поистине отеческой заботой о подчиненных...с органически присущей ему скромностью поведения, стремлением делить с подчиненными все трудности военной жизни».

Не могу удержаться, чтобы не процитировать Маршала Советского Союза А. М. Василевского о нашем любимом генерале:

«...на фронтах империалистической войны проявились его превосходные качества. Смелый до дерзости и одновременно расчетливый разведчик... В годы гражданской войны он сформировался как командир революционной армии нового типа, пройдя в ее рядах путь от рядового конной разведки до командира кавалерийской бригады... Я пристально следил за боевой работой Александра Васильевича в годы Великой Отечественной войны. Вскоре после Сталинградской битвы он был выдвинут на должность командующего армией и стал одним из лучших в прекрасной плеяде наших командармов. Его прославленная 3-я армия прошла путь... до реки Шпрее, у стен германской столицы. Неоднократно проявлялись самобытность и оригинальность полководческого мышления Александра Васильевича. Весомый вклад внесла 3-я армия в Белорусскую наступательную операцию... Войска, руководимые А. В. Горбатовым, как правило, ранее намеченных сроков выходили на новые рубежи, действовали так, что враг оказывался в мышеловке...»

Вот таким был наш любимый командарм, под началом которого были мы фактически лишь в одной операции, но добрую память о себе он оставил на всю жизнь у всех, кому судьба подарила хоть один счастливый случай быть под его началом.

В штрафбате личный состав – и переменный, да и постоянный – менялся чаще, чем в других подразделениях переднего края. Штрафникам, которые пришли в штрафбат и полгода спустя, каким-то непостижимым образом передавались впечатления сыновней любви их предыдущих собратьев по судьбе к этому поистине народному генералу. У меня еще не раз будет повод напомнить читателю об этих качествах командарма Александра Васильевича Горбатова.

Период формирования и обучения нового пополнения после Рогачевской операции и боев за Друть несколько затянулся. Естественно, за это время завязались более тесные отношения и связи с местным населением. Да и не только с местным. Оказалось, что невдалеке был расположен аэродром, а около него базировался БАО (батальон аэродромного обслуживания), основным солдатским составом которого были девчата. Помню, в один теплый весенний день, уже в середине апреля вдруг на дороге, почти в центре села, прогремел взрыв. Как оказалось, это оттаявшая земля обнажила давно установленную немецкую противотанковую мину. И на нее наступила копытом лошадь, везущая «не хворосту воз», а целую повозку артиллерийских снарядов. Странно, но только накануне, дня за два до этого, так же на mine в деревне Фундаменка того же Буда-Кошелевского района подорвалась другая повозка, на которой подразделения объезжал наш новый замполит батальона капитан Никон Соломатов. Погиб он там, пробыв замполитом у Осипова всего 2,5 месяца. А здесь удивительно, как эти снаряды не детонировали, а то солдат-возничий не отделался бы просто ранением, его могла постигнуть участь нашего замполита.

Конечно, эти два взрыва вызвали переполох и настороженность, но в результате наши походные кухни за счет погибших лошадей получили возможность увеличить калорийность солдатских блюд. А мой ординарец Женя Вдовин успел отхватить солидный кусок мяса от погибшей лошади. Оказавшись неплохим кулинаром, он сумел с активным участием хозяйки нашего жилища, щедро снабдившей его «бульбой», цибулей и какими-то сухими

пряностями, приготовить вместительный казан вкуснейшего жаркого. К импровизированному ужину, конечно, пригласили соавтора этого блюда, хозяйку с ее малышкой, а Женя, с моего разрешения, – еще и знакомых ему солдаток из БАО. Все были довольны, хвалили кулинара, особенно солдатки-аэродромщицы. Видимо, паек у них был не как у летчиков, а поскромнее. Зато как их, бедных, «выворачивало», когда они узнали, что это конина от той, подорвавшейся лошади! Непривычны еще были к фронтовой экзотике.

Вообще за столь продолжительное время нашего пребывания в Городце были и свидания, иногда даже танцы вечерами. Частенько, когда надвигались сумерки и боевая подготовка сокращалась, по чьей-нибудь инициативе в большой хате, вернее в большом кирпичном доме, где у немцев была в годы оккупации комендатура, а то и во дворе устраивали хоровые пения. Песня на фронте, если ей находится место и время, да еще не в строю и не по команде, как-то особенно проникает в души. Она очищает исполнителей от многого негативного, что скапливается за ох какие нелегкие дни боевые, когда жизнь человеческая висит на очень тоненьком волоске, а душа исковеркана видением множества смертей... А как самозабвенно пели в такие минуты!

Невольно снова вспоминаются отдельные строки ленинградского поэта Анатолия Молчанова насчет песен, «стоя на коленях»: «О, как мы пели, „стоя на коленях”! Теперь так демократы не поют!»

Конечно, Анатолий Владимирович в этих строках имел в виду наши патриотические довоенные песни. Но и песни штрафников, людей, поставленных вроде бы на колени перед военной властью, если вдуматься, звучали не как подневольные, а как поднимающие дух, очищающие сердца и души от пережитого прошлого и ожидания ближайшего тревожного будущего. Мне приходится сожалеть, что не было тогда звукозаписывающей аппаратуры, я бы непременно записал эти песни, и с каким волнением слушал бы их сегодня.

Ведь не было ни дирижеров, ни хормейстеров, но сами собой проявлялись и тенора, и басы, первые и вторые голоса, и так слаженно они звучали, так мощно и многоголосно, даже почти профессионально, что внутри хаты и около нее собирались местные жители и слушали эти импровизированные концерты со слезами благодарности. А один из наших политработников, агитатор батальона, капитан, а потом майор Павел Пиун как-то незаметно появлялся в самый нужный момент, подхватывал мелодию, начинал вовремя куплет, если вдруг он забывался запевалой, или даже сам начинал какую-нибудь бодрящую песню.

Майор Павел Пиун

Вспомнил я о нем, потому что фамилия его хотя и не «Певун», но уж очень подходила к этим случаям, да и среди документов, присланных мне, оказалась характеристика на этого офицера, в которой отмечалась его склонность к организации самодеятельности. Честно говоря, только теперь приходят мысли, что, наверное, эти хоровые «посиделки» умело и незаметно «агитировал» тот же майор Пиун.

Белорусских песен, кажется, не пели, из них знали только плясовые «Лявониху» да «Бульбу буйну, бульбу дробну». Но может быть, именно потому, что «нештатным» организа-

тором этих песенных вечеров был украинец Пиун, чаще в репертуаре были украинские – про Дорошенко и Сагайдачного с их «вийськом Запоризьским», про «Зеленый гай, густесенький», где «вода як скло бльщити». Да еще «Ой ты, Галю» или «Роспрягайте, хлопци, коней» – эти всегда. Но больше всего любили раздумчивые русские песни, например про Ермака («Ревела буря»), в которой с каким-то особенным чувством произносились слова: *«И пала грозная в боях, не обнажив мечей, дружина...»* Чаще других запевали любимую чапаевскую, из известного всем фильма: «Ты добычи не добьешься, черный ворон, я не твой», а особенно – «Бежал бродяга с Сахалина» и «Славное море, священный Байкал», и даже про гибель «Варяга» – «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает». Наверное, эти песни отвечали тому состоянию души, которое было тогда у штрафников, готовящихся к своему, как многим из них казалось, «последнему параду», к боевым действиям «во искупление вины своей» перед Родиной, какова бы эта вина ни была...

Во время формирования в Городце столько песен перепели, а местные девицы своими чистыми, звонкими, высокими голосами так часто их украшали! Все это настолько сближало, что свидания, чего греха таить, изредка переходили в почти свадьбы, пусть и не настоящие, но уж что было, то было. Жалостливые были женщины: и сами натерпелись, и мужчин жалели, кто знал, сколько жизни им оставалось...

В один из послевоенных приездов в Рогачев, уже в 2009 году, нам с помощью председателя райсовета Риммы Геннадьевны Ястремской удалось найти этот «песенный» дом. Какие чувства и воспоминания всколыхнуло это событие! Вспомнилось, как местные жители рассказывали о зверствах фашистов в этой комендатуре, сколько там погибло жителей, подозреваемых оккупантами в связях с партизанами, и как потом выскабливали кровавые пятна с пола и стен, как какими-то травами выкуривали немецкий «дух» из этого дома. Да и песни, которые там пели, были от этого чаще грустными, но дом этот еще сильнее сплотил нас с городчанами.

Поэтому, когда поступила команда срочно грузиться в железнодорожный эшелон, можно себе представить, сколько слез было пролито, и не только девчатами. Плакали и старушки, привыкшие к физической помощи молодых здоровых мужчин. Наш комбат, «рогачевец» Осипов, помню, говорил нам, командирам, чтобы мы не в ущерб боевой подготовке, но оказывали помощь его землякам, благо наступила весна, когда «один день целый год кормит». Поэтому так открыто выражалось местными людьми сожаление об утрате той сердечности, которая сложилась в общении с нашими непростыми бойцами. Да и наши бойцы относились к ним уважительно, старались, как только можно, помогать им возрождать порушенное оккупантами. И ни одной жалобы на бойцов!

До места погрузки мы добрались к вечеру. Погрузка шла слаженно и довольно быстро, так что вскоре эшелон уже отправился в путь по наскоро восстановленной железной дороге. Оказалось, почти с правого фланга нашего фронта мы должны были переместиться на его левый фланг, то есть на самый юго-запад освобожденной части Белоруссии.

Это потом, в мирные, послевоенные годы, мне стало ясно, хотя у меня и нет документальных подтверждений этому, что эта «рокировка» была задумана автором плана «Багратион» Рокоссовским как элемент всесторонней подготовки к этой летней стратегической операции, в том числе и дезинформационной. Противник знал, что штрафные батальоны на наших фронтах часто используются на направлениях главных ударов или хотя бы на ответственных участках будущих наступлений. Естественно, он должен был воспринять передислокацию штрафбата, участвовавшего в битве за Рогачев, на левый фланг фронта, да еще со многими другими подобного рода мерами маскировки, как подготовку направления главного удара.

Ехали сравнительно быстро, как позволяли только недавно восстановленные рельсовые пути. Бросались в глаза два оригинальных приема, какими немцы разрушали железнодорожное полотно. Один – когда каким-то приспособлением, закрепленным свободно на головке одного рельса, на ходу *вся колея поднималась вертикально, «на попу» и становилась похожей*

на огромный штакетник, длиною в несколько километров. Другой – когда каким-то устройством вроде гигантского крюка-плуга на платформе, прицепленной к паровозу, опущенного на полном ходу между рельсами, каждая деревянная шпала ломалась этим «шпалоломом» пополам как спичка. И так на протяжении сотен метров.

Следовали мы по Гомельщине через Речицу, Калинковичи. Затем уже наш путь лежал по Украине, через Овруч, Сарны и до Маневичей. Дальше железнодорожные пути еще не были восстановлены, и нам пришлось уже в пешем строю в течение двух суток пройти более 100 километров по тому Украинско-Белорусскому Полесью, по местности, которую знатоки называли Пинскими болотами, в район близ украинского городка Ратно, еще находившегося за линией фронта. Оказывается, 1-й Белорусский фронт своим левым флангом находился на северо-западной, Полесской части Украины. Там нас поставили в оборону на реке Выжевка, где мы сменили какой-то гвардейский стрелковый полк и стояли там долго, даже после того, как 23 июня начался тот самый «Багратион».

Вся колея поднималась вертикально, «на попу», и становилась похожей на огромный штакетник

Река Выжевка была невелика, еще меньше, чем Дзурь, но ее низменные болотистые берега образовали почти километровой ширины заболоченную нейтральную полосу. Окопы, где нам предстояло месяц держать оборону, были отрыты нашими предшественниками, наверное, еще зимой, но оказались добротными, полного профиля и с достаточно хорошо укрепленными крутостями. На некоторых участках даже были устроены крепкие, «в три наката», землянки. Так мы оказались в оперативном подчинении 38-й гвардейской Лозовской стрелковой дивизии 70-й армии. Теперь нашим командармом стал уже не генерал Горбатов Александр Васильевич, а **генерал Попов Василий Степанович**.

В дальнейшем и в послевоенное время я стремился не терять из вида прославленного генерала Горбатова, оставившего в моем сознании незабываемые впечатления и воспоминания. По сводкам Информбюро и газетам я знал, что 3-я армия нашего командарма начала в июне 1944 года ту знаменитую операцию «Багратион», и именно с тех плацдармов, за которые 4 месяца тому назад, в феврале сражался наш 8-й штрафбат. Достоинство прошла армия Горбатова

весь путь до Победы, принимала участие во взятии Берлина, одной из первых вышла на Эльбу. Сам генерал Горбатов даже был одно время военным комендантом поверженного Берлина. Затем, пройдя ряд высоких должностей, он был назначен командующим Воздушно-десантными войсками.

Когда после войны я учился в Ленинградской военно-транспортной академии, еще на третьем курсе просил командование факультета, когда окончу академию, при возможности получить назначение в ВДВ, в войска, которыми командует мой любимый командарм. Эта моя просьба в 1955 году была удовлетворена. Но, к моему сожалению, за год до этого Александр Васильевич Горбатов передал командование десантниками генералу Маргелову Василию Филипповичу, тоже легендарному человеку. Я горжусь тем, что хоть и не долго, но послужил в этих войсках, и мысленно благодарил всегда Александра Васильевича Горбатова за то, что именно память о его добром имени привела меня в Воздушно-десантные войска.

Генерал Попов В. С.

Свой рассказ о штрафбате я начал с того, как я оказался в нем на командной должности. А как я до того стал офицером, как вообще встретили мы, июньские 1941 года выпускники средних школ, сообщение о начале войны, как начиналась моя военная служба – все это читатель узнает из моих отступлений от хронологии этой книги в других ее главах.

Глава 6

Довоенное воспитание, доштрафбатовская служба

*Мы – счастливое поколение:
Есть что вспомнить и чем гордиться,
Перед чем преклонить колени,
Что хранить в серебре традиций.*

Анатолий Молчанов, ленинградский поэт

*Охватило страны пламя злое
Новых разрушительных боев...
Вовремя пришло ты, боевое
Совершеннолетие мое.*

Борис Богатков. Погиб в боях

Начну со своей родословной. На первый взгляд, это может представлять мало интереса для современного читателя, но для характеристики той эпохи, в которой формировалось мировоззрение нашего поколения и мое в частности, это, считаю, имеет определенное значение. Да и не помешает пролить свет на непростые тридцатые годы, как они складывались на Дальнем Востоке, особенно голодный для населения многих регионов СССР 1933 год. Мне было тогда всего 10 лет, но я хорошо помню это время.

Драматические события того года некоторые из руководителей Украины, а вкуче с ними и недобросовестные историки много лет возводили в ранг умышленного «голодомора» именно украинцев «кацапами» и «москалями» и даже соорудили «музей голодомора», в котором большинство фотографий, выставленных на стендах этого «музея», отображали не бывший действительно голод 1932–1933 годов в Украине, а Великую депрессию в США. Фальсифицированными оказались и «Книги памяти жертв голодомора», издаваемые во многих украинских областях. В одних случаях в книги заносили живых украинцев – согласно спискам избирателей, или в книги попадали умершие не от голода, спившиеся, попавшие под лошадь и прочие случайно убиенные или погибшие.

От голода в разной степени страдали в то время Поволжье, Урал, даже Кубань, Сибирь, да, считай, вся наша страна, но не возводили там это бедствие в ранг умышленного геноцида. Голодный 1933 год коснулся и Дальнего Востока, откуда я родом.

Василий Васильевич Пыльцын, отец А. В. Пыльцына

Появился я на свет в конце 1923 года в семье железнодорожника тогда еще Дальневосточного края, на полустанке Известковый. Это уже в 1948 году этот полустанок стал узловой железнодорожной станцией, от которой идет железная дорога на север, на Чегдомын, и получил статус городского поселка. Когда мне пришла пора поступать в школу, отец добился перевода на станцию Кимкан, где имелась начальная школа, «выросшая» вместе со мной в неполно-среднюю (7 классов). На этой станции наш дом стоял очень близко к железнодорожным путям, так что, когда проходил поезд, дом всегда дрожал, будто вместе с ним собирался тронуться в дальний путь. Сейчас Кимкан не узнать: поселок давно уже переименован в село, жителей там от прежних полутора тысяч осталось человек 80, закрыты все социальнокультурные учреждения. Разруха, как и во всей постсоветской российской деревне.

Отец мой, Василий Васильевич Пыльцын (иногда фамилию он писал через второе «и»), родился еще в XIX веке, в 1881 году, в один год с Ворошиловым, чем я почти гордился. Он, считая себя костромичем, по каким-то причинам (говорил об этом весьма неохотно и туманно), то ли от жандармского преследования, то ли от неудачной женитьбы, сбежал на Дальний Восток. Это значительно позже из архивов я узнал, что в Костромскую губернию он попал из Нижегородской, где родился.

Был отец достаточно грамотным по тому времени человеком, дома была многолетняя подшивка дореволюционного журнала «Нива» и большая дешевая библиотека нескольких классиков, которую я в раннем детстве почти всю перечитал.

На всей моей детской памяти отец был дорожным мастером на железной дороге. Собственно говоря, он был не только железнодорожным мастером, но и мастер на все руки. Домашняя, довольно замысловатая мебель и многое из металлической кухонной утвари, а также всякого рода деревянные бочки и бочонки под разные соленья и моченья были сделаны его собственными руками. Все он мог, все умел, кажется, в жизни не было дела или ремесла, которого он бы не знал и чего бы не умел.

В семье он был строг, и мы, дети, боялись одного его взгляда, хотя он никогда не пускал в ход ремень и не поднимал на нас руку. Несмотря на общественную деятельность, особенно в области «осоавиахимовских» оборонных кружков, он не вступал в ВКП(б) и любил называть себя «беспартийным большевиком».

Однако в 1938 году за допущенную его подчиненным ошибку при ограждении участка работ по замене рельса, что едва не привело к крушению пассажирского поезда, отец был осужден за халатность на три года ИТЛ, которые отбыл к самому началу войны.

Александр Пыльцын, выпускник 10 класса, 20 июня 1941 года

До 7-го класса я учился в нашей поселковой школе (там я вступил в комсомол), а с 8-го класса и дальше мог учиться только в железнодорожной средней школе города Облучье, расположенного километрах в сорока по железной дороге от нашей станции.

К тому времени старший брат Иван уже служил в армии, а на небольшую зарплату другого брата Виктора маме было невозможно платить за мое обучение и проживание в интернате, что было единственной возможностью удовлетворения моей тяги к знаниям.

Тогда я по своему разумению написал наркому путей сообщения Л. М. Кагановичу письмо, в котором рассказал о трудностях в обеспечении моего желания дальнейшей учебы и о том, что отец – железнодорожник – осужден за халатность.

Вскоре я, школьник, получил **правительственное** письмо, в котором распоряжением наркома мне обеспечивались за счет железнодорожного профсоюза все виды платежей за обучение до получения среднего образования и проживание в интернате при школе, а также бесплатный проезд по железной дороге к месту учебы и обратно. Я хорошо запомнил характерную подпись на официальном бланке письма: «Л. Каганович». Особо запомнилась большая, несоразмерно высокая заглавная буква «Л» (Лазарь). Так что учеба в Облученской железнодорожной средней школе на все три года до 1941 года мне была обеспечена.

К тому времени отец отбыл положенный срок, но место мастера было занято не имевшим судимости человеком, отцу в его 62 года пришлось работать простым путевым рабочим. Между прочим, обладал он странной особенностью весьма громко разговаривать сам с собой и вслух негативно высказался по поводу того, что «Гитлер облапошил всех наших „гениальных“ вождей», а самый главный из них (т. е. Сталин) попросту «прос/Тал Россию». (Здесь я из этических соображений заменил одну букву в отцовской фразе.) Кто-то услышал это, донес куда нужно, и отец, в соответствии с тогдашними строгими военными порядками на железной дороге, Военным трибуналом ДВЖД был приговорен к 8 годам, оказался в числе репрессированных, выслан с Дальнего Востока куда-то на Север или в Сибирь, где и пропал его след. Уже теперь мне кажется, что тот срок 8 лет ему дали еще и в связи с тем, что он уже «сидел», да и мой дядя, брат мамы, Карелин Петр по приговору «тройки» уже был расстрелян как «враг народа».

Это значительно позже из «Книг памяти» репрессированных мне удалось в книге по Хабаровскому краю обнаружить такую запись:

«Пыльцын Василий Васильевич. Родился в 1881 г., Горьковская обл., д. Крапивник; русский; ст. Кимкан ДВЖД, путевой рабочий 2 дистанции пути. Проживал: ст. Кимкан ДВЖД. Арест. Граней. Отделом НКГБ ДВЖД 29 апреля 1943 г. Приговорен: Военный трибунал ДВЖД 21 июня 1943 г., обв.: по ст. 58–10 УК РСФСР. (Ст. 58–10 – статья советского уголовного кодекса, предусматривающая наказания – обычно лишение свободы – за разного рода выражения недовольства властями, в том числе, например, за оглашение политических анекдотов.) Приговор: 8 лет. Реабилитирован 13 апреля 1990 г. Постановлением президиума Хабаровского краевого суда дело прекращено за отсутствием состава преступления».

Не знаю, не мог или не хотел он о себе что-нибудь нам сообщать, но никаких сведений о нем мы тогда так и не имели. Однако этот факт репрессии моего отца иногда заставлял происходящее со мной или вокруг меня как-то связывать с этим, правда, иногда без достаточных для этого оснований.

Однако, еще не будучи осужденным, но зная о последствиях, он совершил, казалось бы, необъяснимый поступок, осуждаемый всеми жителями нашего небольшого пристанционного поселка. В начале 1942 года, когда я уже был курсантом, учился «на лейтенанта», отец вдруг совершенно неожиданно «приревновал» нашу маму, скромнейшую женщину, все три года регулярно ездившую в колонию к отцу, и бросил семью, оставил маму с малолетней дочерью, тогда как мы, все трое сыновей, служили в армии, а старшие братья уже были на фронте. Значительно позже, уже после войны я только догадался об истинных мотивах его поступка. И пришел к выводу: *зная о моем нахождении в военном училище, о том, что я готовлюсь стать лейтенантом, чтобы «не помешать» мне, сыну репрессированного, окончить курс обучения, демонстративно бросил семью, женился на женщине, у которой не было сыновей, которым тоже мог бы помешать в карьере, а только три дочери.*

Не знаю, как отреагировали на эту нашу семейную новость мои братья, к тому времени уже фронтовики. Я же, получив письмо сестренки о том, будто отец публично заявил, что мы все для него, якобы, больше не семья, до глубины души оскорбился, как посчитал тогда, его предательством. Сгоряча ответил письмом, в котором были, помню, такие слова: «Если у тебя больше нет нас, детей, то у меня больше нет такого отца». А он, совершив это, как мне тогда показалось, предательское дело по отношению к своей семье, «спокойно» отправился потом в ссылку. Это значительно позже пришла мысль, что отец мой, оказывается, и здесь был на высоте, приняв на себя проклятие родных ради их же благополучия. Его репрессирование, как мне не раз казалось, как-то сказывалось и на моей судьбе. Однако пишу я об этом не потому, что нынче стало «модным» хоть чуточку быть причастным к репрессированным, к «врагам народа», а потому что не все было так беспросветно тогда, как стремятся это непростое время размалевывать черными красками современные толкователи нашей истории.

Мама моя, Мария Даниловна, была моложе отца на целых 20 лет и происходила из семьи простого рабочего, железнодорожника-путейца. Ее, не знавшую грамоты, но откуда-то помнящую несметное количество метких народных пословиц и поговорок, учил грамоте я, когда уже сам стал учеником первого класса, хотя бегло и уверенно читал давно, лет с четырех-пяти. По упорному моему настоянию она стала посещать кружок «ликбеза», «ЛИКвидации БЕЗграмотности», такие кружки тогда были широко распространены по всей стране и имели большое значение в деле быстрого повышения грамотности основной массы рабоче-крестьянского населения. А я с удовольствием и гордостью «курировал» ликвидацию ее безграмотности и считал себя, первоклашку, причастным к сравнительно заметным ее успехам.

Она довольно быстро освоила азы грамоты, стала не бойко, но уверенно читать и, правда с трудом, писать. На большее у нее не было ни времени, ни терпения. Однако этой грамотно-

сти ей хватило, чтобы с началом войны, когда мужское население «подчистила» мобилизация, освоить должность оператора автоматизированного стрелочного блокпоста на станции Кимкан Дальневосточной железной дороги, где мы жили с 1931 года. Там она проработала еще не один год после окончания войны, заслужив правительственные медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и высшую профессиональную награду – знак «Почетный железнодорожник».

Ее отец, мой дед, Данила Леонтьевич Карелин, работавший в то время под началом моего отца, был широкой кости, крепкий сибиряк, как тогда говорили, истинно русский «чалдон», заядлый охотник, рыболов и страстный пчеловод. Моя бабушка Екатерина Ивановна, или, как все мы ее звали, баба Катя, пожалуй, единственная в нашей большой семье истинно и глубоко верующая, исполняла все положенные религиозные ритуалы и праздники, красный угол в ее доме был богато украшен иконами и лампадками. Дед говорил, что выкрал ее невестой из хакасской деревни. Как и многие люди ее возраста, была совершенно неграмотна, но удивительно ловко пересчитывала деньги из зарплаты, которую ей приносил дед Данила.

Мария Даниловна, мама А. В. Пыльцына

Данила Леонтьевич Карелин, дед А. В. Пыльцына

Семья наша не относилась к разряду богатых. Тогда социальное неравенство не было так заметно, как сейчас, и вообще ни о каких выдающихся богачах даже анекдотов не сочиняли, просто тогда и не могло быть таких долларовых миллиардеров, как ныне Абрамович, Прохоров и иже с ними. Но самый тяжелый, голодный 1933 год мы пережили без трагических потерь. Знали мы, что во всей стране разразилась эта беда. Не было у нас тогда радио, но пассажиры поездов, проходящих через нашу станцию, достовернее всяких СМИ сообщали о том, как живут другие области и республики. Тогда и разговоров не было о каком-то особом голоде на Украине, откуда хоть не в массовом порядке, но целые семьи, в том числе и еврейские, переезжали «осваивать» дальневосточные земли, тогда в 1934 году и была образована Еврейская АО.

В основном в эти 30-е годы нас спасала от голода тайга. Отец, тоже умелый охотник, снабжал семью дичью. Помню, в особенно трудную зиму почти каждый выходной он уходил в тайгу с ружьем и приносил то одного-двух зайцев, то нескольких белок или глухарей, так что мясом мы были обеспечены. Должен сказать, беличье мясо нам тогда очень нравилось. Да еще я помню, как у нас по квартире были расставлены многочисленные рогульки с натянутыми на них шкурками пушных зверей, которые отец умело выделывал, а затем сдавал в лавки «Заготпушнины», получая взамен весьма дефицитные тогда муку и сахар. Кроме того, с осени он брал небольшой отпуск и уходил в ту же тайгу на заготовки кедрового ореха. Там, в тайге он сбивал с высоченных кедров шишки, обмолачивал их там же и приносил орехи домой мешками. Приспособился собственноручно изготовленным прессом давить из его зерен отличное «постное» кедровое масло (ныне считается особо целебным).

Молоко от собственной коровы или продукты из него нередко уходили на продажу или «бартер», как сегодня модно говорить. Остававшийся жмых от кедровых орехов мама использовала для изготовления «кедрового молока» и добавок в хлеб, который пекла лепешками из очень небольшого количества муки, перемешанной с имевшимся тогда в свободной продаже ячменным и желудевым «кофе» да овсяным толокном (булочки из этого теста не получались). И эти совершенно черные, особого вкуса лепешки как-то заменяли нам настоящий хлеб и хоть на время насыщали наши детские желудки. Когда я к 13–14 годам вытянулся и ростом перегнал своих старших братьев, у меня возник вопрос: почему я, младший из братьев в семье, стал длиннее их обоих, и среднего, Виктора, и старшего, Ивана? Да и сестра Тоня, младшая в семье, оказалась далеко не самой маленькой по росту из местных девчонок.

Это уже через много лет после войны в одной научно-популярной статье о пользе кедровых орехов я узнал, что этот дар тайги – не только просто кладезь самых различных витаминов, в том числе и способствующих развитию детского организма, но и удивительно богат он различными дефицитными микроэлементами. Я даже рискну перечислить их: марганец, йод, медь, титан, серебро, алюминий и другие. Но оказывается, эти орешки еще и богаты веществами (антиоксидантами), предотвращающими старение организма! И это еще не все. Ореховые ядрышки содержат белка в 12 раз больше, чем куриное мясо, а 100 граммов их содержат почти 700 килокалорий! Так вот почему мы сравнительно легко перенесли трудные тридцатые годы, голодные во всей стране, а не только на Украине, как твердят русофобские «историки». Очевидно, наши растущие организмы не только успешно пополнялись тогда необходимыми составляющими для своего рода акселерации, но и определенное долголетие тоже тогда в нас заложились: все-таки мне уже за 90!

Ну, это, наверное, из области желаний и предположений. А если читателю хочется и дальше знакомиться с нашим взаимодействием с дальневосточной природой, немного еще терпения. Была у нас семейная традиция ежегодно делать различные заготовки плодов дикорастущих растений, ягод, грибов. Эти заготовки спасали нас не только от голода, но и от свиреп-

ствовавшей тогда на Дальнем Востоке, особенно в северных его районах, цинги. Мы с детства были приучены к сбору этих «полезностей» и хорошо их знали. Собирали и в большом количестве сушили грибы – маслята, моховики, главные грибы – белые, и солили большие белые грузди! На соленья брали также рыжики и лисички, но особый грибной деликатес был у нас – беляночки и волнушечки. Мама всегда напутствовала нас, чтобы грибочки эти мы брали не больше пуговицы от пальто или медного пятака. Благо грибных полей много, выбор был.

Фруктами Дальний Восток, как известно, небогат. Но зато ягод!!! В ближайшей тайге мы находили земляничные поляны, кусты жимолости, целые заросли малины, которые кроме нас иногда посещали и медведи, о чем нас не уставали предупреждать взрослые, хотя мне лично такая встреча, к счастью, не привалила. Особый восторг вызывали у нас, ребятни, терпкая, продолговато-крупная ягода, зеленоватая, когда она даже спелая (по-местному ее почему-то называли «кишмиш», хотя научное ее название «актинидия»), да дикий виноград с его исчерна-синими, будто покрытыми легким инеем, продолговатыми ягодами. Собирали, конечно, еще рябину и черемуху – все шло «в дело». А если подальше, на так называемые «ягодные мари», – мы ходили только со взрослыми, хотя «взрослыми» в этих случаях считались и мальчишки лет с 14–15. Оттуда приносили мы полные «туеса» (короба из бересты) голубики, брусники. Так же далеко ходили по весне на сбор черемши, этого дикорастущего широколистного растения с острым запахом и вкусом чеснока, кладезя витамина С, главного «доктора» от цинги.

Отец и дед занимались рыбной ловлей, но не на удочку, как мы, мальчишки, а более «производительно», при помощи сплетенных из ивовых прутьев так называемых «морд» или вершей для ловли рыбы (рыбнадзора не было). И раз-два в неделю отец или дед ходили на недалеко протекавшую бурную, студеную речку Кимкан забирать улов. Иногда приносили «мелочь», а в период нерестового хода лососевых – и красную рыбу: горбушу, кету или кижуча, некоторые экземпляры которых достигали веса 6–8 килограммов. В этом случае появлялась у нас и красная икра, хотя тогда, до войны, в отдельные годы она не была особой редкостью и в магазинах, причем не в баночках, а в бочках! И все это и варилось, и жарилось, и засаливалось, и сушилось. А в общем – все шло к столу... Можно подумать: «Ну, прямо царский стол!» Да, это таежное дальневосточное разнообразие помогало не только выживать в трудные годы, но и просто укреплять здоровье наших растущих организмов, да и выносливость взрослых.

В нашей семье всего родилось семь детей, но трое умерли еще в младенчестве (что по тому времени не редкость), и до начала войны нас дожило четверо: два моих старших брата, моя младшая сестра и я. Пытался я несколько раз составить генеалогическое древо нашего рода, но отец мой никогда не посвящал нас в свою родословную, и дальше своего деда Данилы и бабушки Кати по материнской линии я так ничего и не узнал.

Семья Пыльцыных.

Слева направо, в первом ряду: отец, мама, сестра Тоня; во втором ряду: старший брат Иван, младший Александр, средний Виктор

Да в те годы как-то и не принято было копаться в своих корнях. Это сегодня многие уж очень дотошно разыскивают свои «дворянские» или даже «графско-княжеские» корни, если даже фактически их и не было, чтобы как-то подчеркнуть свою «белую кость» или «голубую кровь», лишь бы хоть чем-то выделиться из общенародной массы и получить какие-нибудь

морально-политические преференции. А вот по боковым ветвям нашего рода я хорошо знал других детей и внуков Карелиных, живших недалеко от нас. Это брат мамы, Петр Данилович Карелин, тоже дорожный мастер, коммунист, угодивший в 1937 году совершенно неожиданно под репрессивный каток как «враг народа» и бесследно исчезнувший где-то, как ходили слухи, вроде бы на строительстве дороги на Колыму. Как я узнал уже после 2000 года, его судьба оказалась куда трагичнее. По данным из «Книги памяти» Хабаровского края:

«Карелин Петр Данилович. Родился в 1898 г., Енисейская губ., с. Курбатово; русский; дорожный мастер ДВЖД ст. Бира. Проживал: ст. Лондоко ДВЖД. Арест. УГБ УНКВД по ДВК 3 июля 1937 г. Приговорен: тройка при У НКВД по ДВК 15 марта 1938 г., обе.: по ст. 58-1 а-8 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 14 мая 1938 г. Место захоронения – г. Хабаровск. Реабилитирован 28 июня 1989 г. по заключению Военной прокуратуры КДВО по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г.».

Остались у него больная жена и пятеро детей, которым удалось выучиться, пережить войну. Одни из них ушли из жизни только недавно, в постсоветское время, другие живы и теперь. Репрессии моего отца и упомянутого мною дяди не затронули, к счастью, нас и родственников дяди, хотя после войны много писали и говорили о том, что жен и даже детей «врагов народа» и в лагеря ссылали, и в тюрьмах гноили. Едва ли только у нас, на Дальнем Востоке, почему-то по-другому было. Или редкие факты прошлого, когда по каким-то особым основаниям и такое случалось, кое-кому выгодно теперь выдавать за массовые явления при «сталинском режиме»?

Внезапные аресты наших близких, за кем никто из окружения никаких преступлений не видел, мы воспринимали как досадные ошибки при таком масштабном деле разоблачения вредителей и вообще всяческих врагов народа (тогда широко пропагандировалась известная поговорка «лес рубят – щепки летят»). Но что удивительно: наряду с этой широкой кампанией поиска «врагов», происходило мощное воздействие на умы (и не только молодежи), воспитывавшее любовь к нашему строю и идеалам коммунизма. Достаточно вспомнить только фильмы и патриотические песни того времени. И это необычайно обостряло и чувство любви к Родине, и сознание высокого патриотизма. С этими чувствами мы вступили в священную войну против гитлеровской фашистской Германии. С ними и победили почти через четыре года тяжелейших испытаний. Вот только теперь, в «новой» России, о патриотизме не только мы, старики, но и многие, родившиеся после нас, говорим с ностальгией и в голосе, и в душе.

Гвардии сержант Пыльцын Иван Васильевич

Но вернемся к моей довоенной жизни и нашей семье того времени. Как я уже говорил, у меня было два брата. Старше меня на пять лет Иван удивлял всех талантом музыканта и рисовальщика, считался одаренным в математике. Его учитель за оригинальные решения задач иногда выставлял ему вместо «пятерки» «шестерку». Кстати, сразу же по окончании 10 классов он был приглашен на должность учителя математики в нашу поселковую школу-семилетку. В 1937 году он был призван на военную службу в береговую охрану Тихоокеанского флота, где успешно осваивал и специальность радиста, и одновременно исполнял роль учителя в группах ликвидации малограмотности среди красноармейцев и краснофлотцев, что в те годы не было удивительным. В начале 1942 года он оказался в действующей армии. Находясь в составе 5-й ударной армии Южного фронта, участвуя уже в освобождении Запорожья, *«гвардии сержант Пыльцын Иван Васильевич... в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 18 сентября 1943 года»* — так свидетельствовала «похоронка».

Десантник Пыльцын Виктор Васильевич

Второй брат, Виктор, старше меня на три года, особыми талантами не выделялся, разве только унаследовал от отца (да и похож был на него) манеру разговаривать сам с собой вслух, особенно во сне, да отличался особой аккуратностью и педантизмом.

Пожалуй, точность и аккуратность, присущие ему, тоже были своего рода талантом. После окончания средней школы он год поработал на железной дороге помощником дежурного по станции, хотя никаких курсов для этого не проходил. Просто мы, дети железнодорожника, были «хорошо подкованы» в разных направлениях профессиональных познаний.

Я, например, учась в 4–5 классе, «на зубок» знал все Гвардии сержант правила, записанные в инструкциях по «путевому Пыльцын Иван Васильевич хозяйству», и даже на экзаменах, которые принимал отец у своих рабочих и путевых обходчиков, пытался подсказывать тем, кто затруднялся с ответом.

Виктора в 1939 году призвали в воздушно-десантные войска на Дальнем Востоке. Незадолго до начала войны бригаду ВДВ, в которой он служил, перебросили на Украину, где ему довелось и встретить первые удары фашистской военной машины, и испытать горечь отступ-

ления. При обороне Северного Кавказа он был ранен, лечился в госпиталях и погиб (вернее – пропал без вести) в декабре 1942 года где-то под Сталинградом.

Сестра моя, Антонина Васильевна (1927 года рождения), после 1945 года избиралась в поселковый Совет Кимкана депутатов трудящихся. А после переезда на жительство в Ленинград работала с секретным деломпроизводством в одном из райвоенкоматов города. Доверяли ей, несмотря на репрессированного отца и «врага народа» дядю.

В Облученской средней школе, куда я поступил после того знаменитого письма наркома Кагановича, в отличие от нашей поселковой школы мы ежедневно после уроков занимались в разных оборонных кружках, и это фактически была хорошо организованная военная подготовка. Штатных военруков в школе не было, а в определенное время в школу или в интернат приходили к нам настоящие сержанты из воинских частей города и тренировали нас по всем оборонным, как тогда говорили, предметам. Некоторые мальчишки, кроме того, ходили на занятия в аэроклубы, где учились и самолетом управлять, и с парашютом прыгать, что давало им право уже после 9-го класса поступать в летные училища.

Пыльцына Антонина Васильевна

10-й класс мы закончили в 1941 году, за два дня до 22 июня, ставшей роковой для всей страны даты, я получил аттестат № 1 с «Золотой каемкой». Золотых медалей тогда еще не было, они стали вручаться лишь после окончания войны с 1945 года. Сразу после выпускного вечера, на следующий день, еще не зная, что завтра будет война, поехали в райцентр Бира (тогда город Облучье входил в Бирский район), чтобы в военкомате определиться в военные училища. В те годы юноши повально увлекались военными училищами, летными, танковыми, артиллерийскими и т. д. Я, будучи учеником 9-го класса, тогда выбрал для себя, с учетом семейной традиции и из чувства благодарности Кагановичу за бесплатное обучение, Новосибирский военный институт инженеров железнодорожного транспорта.

Все наши планы и мечты сломала заставшая нас в райцентре весть о начале войны. И сразу, как по команде, к райвоенкомату стеклась огромная очередь людей, стремящихся скорее влиться в ряды вооруженных защитников Родины. Двое суток нас, выпускников школ, держали в неведении относительно наших заявлений. Я тут же «отменил» свое прежнее решение о Новосибирском, хотя и военном, институте и написал заявление в любое танковое училище. Однако сообщение, что училища уже полностью укомплектованы, подвинуло нас, кому еще

не исполнилось 18, стать добровольцами. Нам объявили, что призываемся как красноармейцы, на сбор нам дали два дня. Быстро разъехались мы по домам, собрали вещи.

Недолгие прощания были с родными, и вскоре эшелоны развезли нас по разным районам Дальнего Востока. Я с несколькими своими школьными товарищами оказался в эшелоне, который вез нас на запад, и ликовали мы оттого, что едем туда, где вскоре будем беспощадно бить фашистов. Но радость наша была недолгой. Довез он нас на вторые сутки только до города Белогорска, всего километров за триста от места призыва. Там мы все влились во вновь формируемый 5-й армейский запасной стрелковый полк 2-й Краснознаменной армии Дальневосточного военного округа, ставшего уже именоваться фронтом, хотя и не действующим.

Этот спешно развертывавшийся полк еще не имел достаточного количества командного состава, а эшелон за эшелонам привозили сюда, казалось, несметное количество призванных и мобилизованных. Ротой, в которую я попал, командовал даже не лейтенант, а младший политрук, но тоже с двумя «кубарями» в петлицах, Тарасов Николай Васильевич. Я хорошо запомнил этого первого в моей армейской жизни командира: высокий, стройный, подтянутый, но уже успевший устать от бессонных ночей и не потерявший при этом мудрого спокойствия.

У нас в средней школе военная подготовка была организована тоже по армейскому принципу, когда каждый класс был взводом, три одноименных класса – рота, все старшие классы (8-9-10-е) – это уже был батальон. Из числа самих школьников назначались командиры взводов, рот и батальона, а поскольку я еще в 9-м классе был избран комсоргом школы, то выполнял роль комиссара батальона. Мы, «командиры-комиссары», нашивали на свои пиджачки или курточки петлички, похожие на армейские, прикрепляли на них вырезанные из консервных банок жестяные квадратики («кубари») или прямоугольники («шпалы»), тоже похожие на армейские. И обращались мы друг к другу на военных занятиях соответственно, добавляя к званию слово «юный», например, «товарищ юный лейтенант». А я, как комсорг школы, был произведен в «юные батальонные комиссары» и носил «две шпалы» жестяных, соответственно тогдашнему званию политработников «батальонный комиссар». К воинскому порядку нас приучали «с молодых ногтей», нам было легко вращаться в воинскую среду.

Наш настоящий комроты, всего младший политрук с двумя красными «кубарями», тем не менее успевал справляться с ротой более чем из пятисот человек, в основном необученных, разновозрастных людей, большинство из которых были в лучшем случае малограмотными. Он сразу выделил тех, кто окончил средние школы, и буквально с первого взгляда определил, кто может временно исполнять обязанности командиров взводов, отделений (мне была определена должность командира взвода). И вся эта вчера еще неуправляемая масса людей стала, хотя и медленно, организовываться в воинские коллективы. На второй день повел он нас в «баню», палатки с душевыми установками. Там нас постригли наголо, мы помылись и обмундировались, став, на первый взгляд, одинаковыми, так что даже своих друзей не узнавали. Не говоря уже о том, что вначале не могли найти свои взводы. Но постепенно рота обретала воинский вид.

Разместили нас в палаточном лагере, который оказался почти в трех километрах от общеполковой столовой. И вот всю эту дорогу наш младший политрук Тарасов успевал и ободрять, и обучать строевому или походному шагу, а мы, «командиры взводов», старались помогать ему в меру своих сил и умения. Каким-то чудом сумел наш ротный организовать и разнообразные занятия по подготовке к принятию воинской присяги, да еще успевал и личные беседы проводить со многими из нас. На всю мою жизнь Николай Васильевич Тарасов остался образцом настоящего командира, и многие свои поступки я всю жизнь сверяю с ним и с подобными ему начальниками и политработниками.

На сон нам едва оставалось по 5–6 часов в сутки, а политруку нашему и того меньше. Но через несколько дней в роту прибыли мобилизованные из запаса лейтенант и младший лейтенант, которым ротный поручил по «полуроте», состоящей из трех-четырёх взводов каждая. Так что рота наша представляла собой почти батальон. Вскоре нас повели на войсковое

стрельбище. Я этому событию очень обрадовался, так как еще в школе успешно сдал нормы на значок «Ворошиловский стрелок» второй ступени. Не знаю, то ли это мой сержант-учитель в школе был такой талантливый, то ли сказалась наследственность (мой дед, сибиряк-охотник, как говорят, «бил белку в глаз»), но стрелком я оказался действительно метким. И здесь, на стрельбище, я оказался лучшим.

Тогда всех, кто хоть как-то выполнил упражнение по стрельбе из винтовки, привели к присяге. Мало было там торжественности в этом ритуале, но запомнилось все до деталей. Тогда мы присягнули на верность нашей Родине – СССР. То был единственный такой день в моей жизни – больше никогда я не присягал ни другому правительству, ни другой родине. Бог милывал. И все 40 лет армейской службы я прошел под этой единственной в моей жизни присягой. Даже счастлив тем, что не принуждали меня, как многих других, после развала СССР и «обретения самостоятельности» Украины присягать ее президенту Кравчуку, одному из авторов развала страны. Ко времени «Беловежского предательства» я был уже уволен в запас.

В том запасном полку 1941 года, со временем мы втянулись в это состояние непрерывных, напряженных учебных будней. Примерно через месяц наша рота стала более или менее слаженным военным организмом, и, как нам казалось, наш командир-политрук гордился уже тем, как эта некогда аморфная масса людей четко «рубала» строевой шаг, проходя по улицам города. Наши «полуротные» лейтенанты грубовато, но умело поднимали наше настроение и подбадривали такими, например, шутками: «Выше голову, задрать носы и подбородки! А как на вас смотрят девушки! И чем выше у вас носы, тем интереснее мысли у них в головах!» И действовали такие шутки беспрочно! Пришло время, и нашу роту распределили по полкам и дивизиям «Дальневосточной, опоры прочной», как пели мы в своей первой строевой песне. А как жаль было расставаться с политруком Тарасовым, успевшим стать для нас поистине отцом-командиром. Спасибо вам, Николай Васильевич, за науку!

Далее судьба забросила меня в разведвзвод 198-го стрелкового полка 12-й стрелковой дивизии 2-й Краснознаменной армии Дальневосточного фронта, под Благовещенск на Амуре. Здесь, уже не в запасном, а в стрелковом полку регулярных войск Дальнего Востока, и нагрузки физические были настоящими, и взаимоотношения устанавливались серьезнее, прочнее. Самым главным для меня командиром оказался помкомвзвода сержант Замятин. От него я схлопотал и свое первое дисциплинарное взыскание – «личный выговор».

А получилось это так. Поскольку я был рослым, то на физзарядке, которая в основном заключалась в передвижении бегом, меня поставили впереди всех, даже старослужащих, то есть «направляющим». И вот когда сержант подавал команду «шире шаг», я своими длинными ногами этот шаг действительно делал шире и ускорял бег, а «старики» все одергивали меня, мол, еще успеешь, набегаешься, и я, конечно, снижал темп. После нескольких таких случаев сержант остановил взвод, вывел меня из строя и за невыполнение команд объявил тот самый выговор. Долго я старался заслужить снятие выговора. Во время одного из марш-бросков километров на тридцать, по дальневосточным сопкам и падам, да еще с полной выкладкой не меньше пуда (16 килограммов), я помог отстававшему красноармейцу, взял себе его винтовку и буквально тащил за руку. Вот за проявленную взаимовыручку на марше сержант и похвалил меня, сняв «прилюдно» свой выговор. Как я был рад этому!

Своего командира полкового взвода разведки, лейтенанта Золотова, видел редко, он целыми днями был на своих командирских занятиях, тогда всех офицеров серьезно «доучивали», чтобы они быстрее вращались в обстановку войны. Командира полка совсем не помню, а вот командира дивизии, полковника Чанчибадзе, невысокого плотного грузина, память хорошо сохранила. К концу войны он уже был прославленным генералом. Многочему научили нас тогда, на Дальнем Востоке, его изобретательность и требовательность. И вообще, «наука побеждать» давалась обильным потом, когда гимнастерки наши настолько просаливались, что, сняв их, можно было поставить (а не положить) – и стояли, не падали! В детстве у меня слу-

чилось какое-то заболевание коленного сустава, и меня долго тогда лечили «от ревматизма» и больничными, и бабушкиными мазями. Здесь же, в армейских условиях, под невероятными нагрузками этот «ревматизм» будто улетучился, только на девятом десятке лет стал давать о себе знать. Многие недуги излечивала армия. И не только физические...

В разведвзводе полка я прослужил до 1 января 1942 года. В новогоднюю ночь меня срочно сменили с поста у полкового знамени (был в карауле) и этой же ночью, не дав мне возможности даже почистить винтовку, срочно отправили по комсомольской путевке во 2-е Владивостокское военно-пехотное училище. Я долго еще сокрушался по поводу невычищенной винтовки (все-таки сумели за столь короткое время приучить к армейскому порядку и привить любовь к оружию). Обрадовался было, что увижу Владивосток – город детской мечты, который я еще не видел, но о котором много слышал.

Но оказалось, что это училище находится в Комсомольске-на-Амуре. Проучился я в нем всего полгода. Но до сих пор с особой теплотой вспоминаю те студеные зимние месяцы учебы и с чувством благодарности – всех моих преподавателей, командиров и воспитателей. И старшину роты Хамсутдинова, и командира нашего курсантского взвода, только что выпущенного из Хабаровского училища, совсем молодого лейтенанта Лиличкина, и командира роты, исключительно подтянутого и удивительно стойкого к почти арктическим амурским морозам, старшего лейтенанта Литвинова. Он даже на полевых занятиях в самые ветреные зимние дни и ночи не опускал клапаны шлема-буденовки. С благоговением вспоминаю и друзей-курсантов: Колю Пахтусова, Андрея Лобкиса, нашего ротного запевалу, способного звонко петь даже в сильные морозы, вечно невысыпавшегося очкарика Сергея Ветчинкина. Эти и многие другие мои сослуживцы-курсанты были теми, кто подставлял свои надежные плечи в трудные для меня минуты, но с которыми, увы, так больше и не суждено было встретиться.

Не могу удержаться, чтобы не вспомнить некоторые подробности быта в училище. Располагалось училище на одной из окраин Комсомольска, именуемой Мылки, недалеко от Амура. Распорядок дня был весьма напряженным. Зарядка начиналась за два часа до завтрака – физической подготовкой или штыковым боем (был тогда такой предмет военного обучения). И это, как правило, ежедневно, за исключением случаев, когда нас ночью по тревоге выводили в поле марш-бросками. Там вместо завтрака выдавали сухари и консервы, как правило, рыбные или «кашу гречневую с мясом» – одну банку на двоих.

В столовой же завтрак обычно состоял из гречневой, овсяной или перловой каши и сладкого чая, хлеба, вдобавок приличного кусочка масла, которого хватало и на бутерброд к чаю, и на кашу. Физически мы выматывались сильно, и нам почему-то всегда не хватало (в принципе, достаточно калорийного) курсантского довольствия. Ведь до обеда, как правило, занятия были на воздухе, в поле, где температура в январе-феврале часто опускалась ниже минус 30 градусов. После обеда, когда уже темнело, было 2–3 часа классных занятий (топография, теория стрелкового дела, изучение матчасти оружия, средств связи, минно-саперная подготовка и т. д.).

Перед ужином каждый вечер по 1–2 часа мы занимались или строевой, или лыжной подготовкой. К счастью, лыжный маршрут проходил недалеко от какого-то магазинчика. В нем, правда, не было ничего, кроме баночек с крабовыми консервами «чатка», заполнившими все полочки и витрины, и мы довольно часто покупали этих крабов. Это был наш «доппаек», который мы либо съедали сразу же по возвращении в казарму, либо сберегали до завтрака, чтобы сдобрить этим деликатесом, стоившим тогда 50 копеек, свою утреннюю порцию перловой или овсяной каши.

Хорошее, скажу вам, сочетание. Здорово вкусно получалось! Обеды были достаточно калорийными. Кроме густого крупяного или макаронного супа либо щей с мясом, к которым регулярно подавалась как приправа какая-то витаминная добавка (вроде размолотого шиповника, как средства против цинги), давали добрую порцию каши или макарон с мясной тушенкой или с соленой кетой, а чаще – с горбушей... Конечно, Дальний Восток – рыбный край!

Однако, несмотря на довольно калорийный рацион, крепкие морозы и огромная физическая нагрузка делали свое дело, выматывая, выжимая, вымораживая из нас эти калории. Досыта удавалось наесться только тем, кому выпадало идти в наряд по кухне. Может, именно поэтому тех, кто получал наказание в виде наряда вне очереди, на кухню не назначали. Для этого были в основном солдатские нужники, мытье полов в казармах после отбоя да расчистка строевого плаца от снежных заносов. Когда модным стало чернить наше советское прошлое, появились такие «художественные» фильмы, как «Курсанты», где командиры у них без нравственных устоев, офицеры КГБ-МВД надзирают почти за каждым курсантом, а те, голодные, воруют и прелюбодействуют.

Все это домыслы авторов множества и других современных фильмов, в которых они считают просто необходимым гипертрофировать роль «кэзбэшников». Ничего подобного в военных училищах того времени не было даже в первом приближении. Строгость была, нагрузки

неимоверные – тоже, но голодных, способных на преступления курсантов и бесчеловечных командиров-солдафонов не было, это вранье.

Да, хотелось нашим молодым организмам и поспать подольше, и поесть послаще, но прекрасно мы понимали, что эти желания просто от «запредельной» физической нагрузки на дальневосточных морозах, без которой не подготовить в такой короткий срок грамотного и умелого командира, который будет способен вести подразделения в бой.

Большим дефицитом у нас были папиросы (тогда о сигаретах мы и понятия не имели!) и даже обыкновенная махорка. По курсантской норме довольствия табачные изделия нам не полагались, видимо из расчета, что будущие офицеры станут пропагандистами борьбы с табаком. Пустое: почти все курили, и никто за время обучения не бросил курить.

Еще немного подробностей о быте училищном и о запомнившихся мне преподавателях. Особенно часто вспоминаю преподавателя топографии, младшего лейтенанта Эльмана, призванного из запаса эстонца. Это он научил нас ориентироваться по звездам, определять фазы луны и с точностью до дня вычислять, когда наступит новолуние или полнолуние. Вообще-то этой премудрости меня научил еще в детстве мой дед Данила, но с «теоретическим обоснованием» и четкой логикой это сделал наш училищный топограф. Настолько он был интересным, знающим человеком, умеющим вкладывать в наши головы нужные знания, что все мы поголовно с нетерпением ждали его занятий. Практическое хождение по азимуту он организовывал так, что при правильном и с меньшими затратами времени прохождении маршрута нас ждал какой-нибудь приз вроде пачки махорки или флакона одеколона. А это, надо сказать, по тому времени были весьма ценные призы. Ну, а на крайний уж случай, когда и такого приза не оказывалось, устраивал просто забавный сюрприз, вроде того, что нужно разыскать его самого, забравшегося на высоченное дерево и подающего звуки, похожие на крик какой-то птицы.

Запомнился навсегда и преподаватель артиллерии и стрелкового вооружения майор Бабкин. Остролов и шутник, он никому не давал шансов вздремнуть на классных занятиях. Если кого-то, после занятий на крепком морозе, в тепле клонило ко сну, он так умел встряхнуть взвод или роту, что общий хохот надолго прогонял дремоту у виновного. Устраивал он и занятия-соревнования по разборке и сборке вслепую, с завязанными глазами, ручного пулемета, еще мало знакомой тогда самозарядной винтовки Токарева (СВТ) или автоматической винтовки Симонова (АВС), и тоже с какими-нибудь призами.

В училище я пробыл с первых дней 1942 года до середины июля, когда окончил полугодовой курс обучения «по первому разряду» (то есть на «отлично») и получил, как и другие семнадцать «перворазрядников», свое первое офицерское звание «лейтенант». Остальных выпустили младшими лейтенантами, а тех, кто не выдержал выпускных экзаменов, – даже сержантами. Выдали нам комсоставские (потом их стали называть офицерскими) удостоверения и снаряжение (ремень с портупеей), полевую сумку с планшеткой для топографической карты и кобуру для нагана, который полагалось получить уже в части назначения. Обмундировали нас в новые суконные гимнастерки, на которые были нацеплены новенькие петлицы с двумя красными эмалевыми квадратиками («кубарями») и пришиты на рукава шевроны. Выдали брюки с кантом, фуражки с малиновым околышем. И мы с непривычной гордостью ходили во всем этом, ужасно поскрипывая кожаным снаряжением и хромовыми сапогами.

Однако радость наша была омрачена тем, что почти всех младших лейтенантов и сержантов отправили в действующую армию, а нас, отличников-лейтенантов, – в войска на Дальнем Востоке. Небольшая группа выпускников, куда вошел и я, получила назначение командирами стрелковых взводов в 29-ю Отдельную стрелковую бригаду, командиром которой был подполковник Суин. Буквально с первых недель после того, как я принял взвод в одном из батальонов бригады, располагавшемся вблизи села Комиссарово у озера Ханка на границе с Маньчжурией, где тогда хозяйничали японцы, мы стали подавать рапорта об отправке в действующую армию на западные фронты. Вскоре нас собрал комбриг и спокойно, но убедительно сумел нам

доказать, что наш «недействующий» Дальневосточный фронт может совершенно неожиданно, в любое время превратиться в «очень даже действующий»! И японцы своими нередкими провокациями тоже убеждали нас в этом.

Наступила зима. И хотя это была южная часть Советского Дальнего Востока, морозы были внушительными, а в сочетании с почти постоянными сильными ветрами в тех краях становились особенно неприятными. Так что на длительные лыжные переходы, которым уделялось немало времени, нам выдавали надеваемые под шапки-ушанки трикотажные шерстяные подшлемники с отверстиями для глаз и рта, чтобы уберечь от обморожения щеки и носы, а иногда мешочки для других, не менее нежных частей тела.

И все-таки к концу 1942 года, когда, видимо в связи с тем, что немецкие войска были остановлены под Сталинградом, и угроза японского нападения на дальневосточных границах Советского Союза стала менее вероятной, по одной роте с каждого батальона нашей бригады в полном составе были переформированы в маршевые (для фронта). Не знаю, был ли дан ход моему рапорту или это просто было не более чем совпадение, но такой маршевой ротой нашего батальона оказалась именно рота, в которой одним из взводных командиров был я. Погрузили нас в эшелоны и в первые дни января 1943 года отправили на Запад. Как потом стало известно, направлялись мы для формирования частей Югославской армии по примеру уже создававшихся дивизий Войска Польского и Чехословацкой бригады Людвиг Свободы.

До Байкала, а точнее – до какой-то станции на нем, наш эшелон не шел, а летел так, что на многих узловых станциях паровозы меняли настолько стремительно, что мы иногда не успевали не только получить горячую пищу из следовавшего в нашем эшелоне вагона с полевыми кухнями, но даже прихватить ведро кипятка. Во время смены паровоза на станции Бира, где мне часто приходилось бывать и где в свое время завершали обучение в средней школе мои старшие братья, я увидел хорошо знакомого мне дежурного по станции. Это был друг и одноклассник моего брата Виктора. Он передал по железнодорожной связи на мой родной полустанок Кимкан, где жили родные, весть о том, что я вскоре проеду эшелонем на Запад. Все мои родные вышли к железнодорожным путям. Но поезд промчался с такой скоростью, что я едва успел разглядеть своих, а дед Данила, пытавшийся бросить мне подарок – кисет с табаком, не попал в открытую дверь теплушки. Как потом мне рассказывала сестренка, дед, крепкий, не слезливый сибиряк, по этой причине расплакался.

На этой прибайкальской станции наш эшелон вдруг остановили, и мы там простояли почти неделю. Что-то, видно, не заладилось с формированием югославских частей, и дальше нас везли так неспешно, что мы почти полмесяца добирались до столицы Башкирии Уфы. Миновав ее, на станции Алкино ясной, морозной, лунной ночью весь наш эшелон выгрузили, и мы влились в состав 59-го запасного стрелкового полка 12-й запасной стрелковой бригады Южно-Уральского военного округа. Помню хорошо, что командиром полка был в то время фронтовик майор Жидович с весьма приметным шрамом во всю левую щеку, казавшимся изда- лека большим бакенбардом. Одним из его заместителей был подполковник явно немолодого возраста, а другим – фронтовик с нашивками о ранениях, красавец, богатырского роста и телосложения, майор Родин.

Командиром нашего батальона был тоже фронтовик, всегда какой-то нервный, взвинчен- ный, всего-навсего младший лейтенант (вот фамилию его не помню), а командиром роты – удивительно спокойный, невозмутимый старший лейтенант Нургалиев. И я часто наблюдал, как наш ротный терпеливо и стойко переносил грубости и «разносы» своего комбата, на две ступени младшего по званию. Вообще там я заметил разницу в отношениях между фронтови- ками и теми, кто еще «не нюхал порошу». Может, тогда еще острее стало проявляться желание скорее попасть на фронт.

Запомнилась и старший врач полка, тоже фронтовичка, капитан медслужбы с фамилией Родина. Это была очень яркая, красивая брюнетка, на удивительно стройной фигуре которой

так ладно сидела недавно только введенная в нашей армии офицерская форма с не совсем привычными погонами. Особенно восхищали нас, молодых лейтенантов, ее классической формы ноги в аккуратненьких хромовых сапожках. Это всеобщее восхищение привело к тому, что почти вся офицерская молодежь стремилась научить свои подразделения петь в строю «Песню о Родине», в которой были слова «как невесту, Родину мы любим»... Да еще то и дело находили причины посетить санчасть, чтобы испытать судьбу. Я сам как-то раз осмелился осуществить посещение санчасти, правда не с амурной, а с другой целью: во-первых, убедиться в правоте восторженных баек о ней, а во-вторых, просто поближе рассмотреть этого медицинского капитана Родину, о красоте которой в полку ходили легенды.

Но она сразу распознавала эти мужские хитрости и умела так «отшивать» мнимых больных, что охота повторить подобный маневр пропадала надолго. Да все, наверное, догадывались, что заместитель командира полка майор Родин, рослый красавец – не иначе как ее муж, так что и это обстоятельство наверняка было хорошим сдерживающим началом от попыток амурных приключений особо жаждущих поволочиться за красивой женщиной. Мой визит был обставлен убедительной причиной, мне она дала хороший врачебный совет, но я убедился в том, что те легенды были чистой правдой.

Но самое мистическое во всем этом то, что теперь, когда мне стали доступными из Центрального архива Минобороны некоторые документы по истории нашего 8-го штрафбата, я узнал, что с первых дней его существования (еще под номером ОДИН), *начсанслужбы того штрафбата была военврач 3-го ранга Родина Юлия Александровна!* Есть в архивных документах несколько донесений, подписанных военврачом Родиной, например о полном обеспечении батальона теплыми зимними вещами или о недостатках в организации продовольственного снабжения и т. и.

Вот еще один любопытный документ:

ПРИКАЗ

по 1-му ОШБ Донского Фронта № 102

от 27 ноября 1942 года:

Военврачу 3 ранга Родиной за проявленную смелость и решительность, оказание первой помощи под огнем противника раненому начальнику финдовольствия, спасение и сохранение при этом ценностей, находившихся при нем, от лица службы объявляю благодарность.

Командир батальона гв. майор Бурков,

Батальонный комиссар Ларенок

Так что наверняка наш доктор-капитан Родина из Алкино и военврач 3-го ранга из 1-го, а затем и 8-го штрафбата Донского фронта – один и тот же человек. Значит, она из штрафбата № 8 – в запасной полк ЮжУрВО, а я из этого полка – в тот же штрафбат № 8! Ну разве не мистика? Да она, эта мистика, кажется, на этом и не завершилась, о чем станет ясно несколько позже.

В этом запасном полку главным нашим делом была подготовка нового пополнения для действующей армии, в основном из немолодых уже людей (чаще всего из мусульманских республик), обучение этих новобранцев азам военного дела, формирование из них маршевых рот для фронта. Долго, почти девять месяцев я, как и многие другие офицеры, своими регулярными рапортами добивался отправки на фронт. После каждого такого рапорта командир полка так же регулярно объявлял мне вначале по 5, а затем и по 10 суток домашнего ареста, а арест этот заключался в удержании из лейтенантского месячного оклада 50 % за каждые сутки ареста.

Здесь, в этом полку, кроме того что я вступил кандидатом в члены партии, происходило много других событий. Одним из таких запомнившихся случаев было то, что однажды

меня вежливо пригласили в особый отдел полка. Как и все солдатские «казармы» и штабные помещения нашего полка, это заведение тоже располагалось в землянке. После небольшого, вроде бы ни к чему не обязывающего предисловия мне прямо предложили сотрудничество с этим одиозным отделом. Оно предполагало информирование определенных офицеров отдела о негативных настроениях или высказываниях как солдат моего взвода, так и моих товарищей-офицеров. Ну, коль мне такую роль «стукача» предложили прямо, может, просто проверяя «сына репрессированного», я так же прямо и категорично отказался от такого «сотрудничества», наверное еще не понимая последствий этого отказа. Жизнь показала, что эти последствия я чувствовал и на фронте, и даже через 20 лет после войны. Другим событием, оказавшимся значительным в моей жизни, было знакомство с девушкой из Ленинграда, которая в 1944 году оказалась медсестрой эвакогоспиталя на одном фронте со мной и там стала моей женой.

В августе или начале сентября 1943 года очередному из многих моих рапортов был дан ход, и нас, небольшую группу офицеров, направили вначале в ОПРОС (Отдельный Полк Резерва Офицерского Состава) округа, а затем в такой же полк, но уже Белорусского фронта. Находясь в этом 27-м ОПРОСе фронта, мы несли боевую службу по охране важных объектов от возможных диверсий противника, но это все-таки была не передовая, куда мы стремились. Но вскоре произошло то, чего даже я, так стремившийся на передний край, не ожидал: я попал в штрафной батальон.

Глава 7

Домыслы о приказе «Ни шагу назад!» и о штрафбатах

*Того, кем путь наш честно прожит,
Согнуть труднее, чем сломать.
Чем, в самом деле, жизнь нас может,
Нас, все выдавших, испугать?*

Константин Симонов

*Потомок мой, не будь холодным к датам
Военных битв сороковых годов.
За каждой цифрой – кровь и смерть солдата,
Судьба страны в нашествии врагов.*

Константин Мамонтов

Для начала об известном приказе Сталина «Ни шагу назад!». Самым расхожим и наиболее упоминаемым в разного рода измышлениях о Великой Отечественной войне, в том числе у наших доморощенных ее фальсификаторов, является этот исторический приказ. Как известно, официально он назывался: «Приказ Наркома Оборона СССР № 227 от 28 июля 1942 года. О МЕРАХ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ДИСЦИПЛИНЫ И ПОРЯДКА В КРАСНОЙ АРМИИ И ЗАПРЕЩЕНИИ САМОВОЛЬНОГО ОТХОДА С БОЕВЫХ ПОЗИЦИЙ», в войсках и в народе он получил звучное и емкое название «Ни шагу назад!».

Не вдумываясь в глубину его содержания, в обстановку того времени, когда он принимался, хулители нашего прошлого видят в нем только «штрафбаты» и «заградотряды», только «сталинскую жестокость», бесчеловечность по отношению к воинам, которых удерживать от отступления могли, по их мнению, только пулеметы заградотрядов.

Но не создание штрафных подразделений и заградотрядов было самой главной целью приказа № 227, хотя это и важная составляющая необычного документа. Главная побудительная причина и основная задача его – добиться морального перелома в войсках, усиления воспитания высокой личной ответственности у каждого воина за судьбу Советской Родины. Не совсем добросовестные историки, вернее – лжеисторики, приписывают Сталину какую-то «дьявольскую», бесчеловечную жестокость в изданном им приказе. Во всех регулярных армиях всегда предусматривалась строгая ответственность за выполнение боевых задач. Возьмем, к примеру, некоторые документы времен Петра Великого, касающиеся русской армии.

Из приказа Петра Первого воинству своему в день Полтавского сражения, июня 27 дня 1709 года:

«Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра и не за государство, Петру врученное... Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого...»

Не правда ли, обращение Сталина в приказе «Ни шагу назад!» очень похоже на петровский документ: «Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникером... Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев – это значит обеспечить за нами победу».

Вот несколько фраз из другого документа петровского времени: **«Собственноручные Петра Первого Великого для военной битвы правила»** *«Никто из господ генералов с места баталши прежде уступить не имеет, пока он от своего командира к тому указ не получит. Кто же место свое без указа оставит, или друга выдаст, или бесчестный бег учинит, то оный будет лишен и чести, и живота. И для того как генералам, так и офицерам повелевается, чтоб крепко то солдатам внушали и оных в том удерживали, а хотя б так и случилось, чтоб рядовых было удержать не можно, то генералам и офицерам остаться при тех, кои устоят, хотя конные при пехоте, или пехота при коннице».*

К этому, пожалуй, следует добавить еще выдержку из **«Артикула 97 воинского 1715 года»**, опубликованного вместе с текстом «Устава воинского 1716 года»: *«Полки широты, которые с неприятелем в бой вступя, побегут, имеют в генеральном военном суде суждены быть. П есть ли найдется, что начальныя притчины тому были, оным шпага от палача переломлена и оныя ошельмованы, а потом повешены будут».*

Очевидно, нет необходимости переводить на современный язык этот документ, все предельно ясно. Сравните эти статьи и положения петровского «Устава» со словами сталинского приказа, которые разъясняют причины, вызвавшие такие жесткие меры:

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу. Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования.

Приказ № 227 – один из самых сильных документов военных лет по глубине патриотического содержания, по степени эмоциональной напряженности. Я, как и многие другие, видел в его содержании и некоторую резкость, и категоричность оценок, но их оправдывало очень суровое и тревожное время. Приказ этот был настолько убедительным, настолько оказался своевременным и крайне необходимым, что только тайным пособникам или сторонникам гитлеровского нашествия на нашу Родину он мог показаться тогда и кажется сегодня жестоким, бесчеловечным.

Фронтвой корреспондент майор Константин Симонов

Вот как, например, вспоминал Константин Симонов о воздействии этого приказа на сознание людей, говоря о своих личных чувствах:

«Стихи „Если дорог тебе твой дом” были написаны мной под прямым впечатлением июльского приказа Сталина, смысл которого сводился к тому, что отступить дальше некуда, что нужно остановить врага любой, самой беспощадной ценой, или погибнуть... Теперь движение жизни представлялось в будущем каким-то прыжком – или перепрыгнуть, или умереть.

Именно это чувство, что выбора нет, что или ты убьешь врага, или он убьет тебя, подтолкнуло меня к столу и буквально заставило написать эти стихи...

*Так убей же хоть одного! / Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его, / Столько раз его и убей!»*

Так что же особенно жестокого, «бесчеловечного», как любят говорить современные «правдоискатели», было в приказе № 227, кроме того, что «нужно остановить врага любой, самой беспощадной ценой, или погибнуть»?

Маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов во время издания этого приказа только что, как и я, окончил военное училище и был командиром взвода. У него, как и у многих из нас, лейтенантов 1942 года, сложилось определенное впечатление от сталинского приказа. Уже в наше время, 6 ноября 2004 года в газете «Красная звезда» Дмитрий Тимофеевич писал: «Сегодня вокруг этого приказа наплели горы лжи, спекуляций. Но можно ли представить себе иную постановку вопроса, когда решалась судьба страны? Разве сумели бы мы выстоять без требования быть сильным, без железной дисциплины?»

Мне в связи с этим приходит на память то ли притча, то ли легенда о том, как нерешительность или непринятие нужных, иногда жестких, именно беспощадных мер в критической ситуации, вопреки желанием всякого рода «советчиков», может привести к непоправимому. В ней рассказывается, как во время крушения поезда молодому человеку зажало ступню между двумя вагонами. А вагон уже горел, и пламя приближалось. Собравшиеся охали, ахали, но помочь бедолаге никто не мог. Вдруг рядом оказался военный с саблей, выхватил ее из ножен и хотел отрубить зажатую и уже размозженную часть ноги. Присутствующие бурно запротестовали и не дали военному «сделать больно» человеку. Так этот «спасенный от боли» и остался, через минуту заживо сгорев вместе с вагоном.

Не похоже ли это на то, что если бы не принять те жесткие меры в нужный момент, о которых так злословят нынче «любители правды», сгорела бы и наша Родина в огне навязанной нам войны? Очень точно выразил мысль большинства фронтовиков бывший офицер-штрафник, полковник в отставке Чернов Николай, персонаж документального фильма «Подвиг по приговору», в котором я тоже принимал участие: «Чтобы судить о штрафных батальонах, надо самому пройти войну, быть военным человеком. На войне идет речь о жизни и смерти всей страны. Штрафбаты созданы своевременно и принесли большую пользу, укрепив дисциплину в армии вообще и предотвратив многие необдуманные поступки военных разных рангов. Считаю, что командир всегда ответственен за дела и поступки своих подчиненных. Я был офицером-штрафником, понес наказание за своих подчиненных, это было уроком и для других».

От имени фронтовиков, от имени погибших на войне штрафников, с которыми вместе сражался на той войне, заявляю, что не могу пройти мимо умышленных искажений истории возникновения и боевых действий штрафных формирований, созданных приказом Сталина «Ни шагу назад!».

Наиболее расхожий миф всех антисталинистов и антисоветчиков возник еще во времена так называемой «хрущевской оттепели». Уже много лет создается и раздувается этот миф о том, что Верховный Главнокомандующий Сталин умышленно создал штрафные батальоны и роты, чтобы загнать туда побольше воинов и просто уничтожать их в кровавых боях. Этот миф, к сожалению, распространяют даже некоторые историки, и писатели, и многие деятели СМИ.

В принципе, любой (настоящий, добросовестный) писатель или сценарист имеет право на вымысел. Плохо, когда этим правом явно злоупотребляют, практически полностью игнорируя историческую правду. Особенно это относится к кинематографу. Не секрет, что современная молодежь читать серьезную литературу, мягко говоря, не любит. Приучили их наши издатели к другим книгам. По данным Российской книжной палаты, в 2011 году самым печатаемым автором у нас была Дарья Донцова (она прочно удерживает первенство уже несколько лет) – 79 изданий за год общим тиражом **более 2 млн 200 тысяч** экземпляров. В 2013 году у нее вышло 143 наименования книг общим тиражом 2831,5 тысячи экземпляров. За Донцовой идет Татьяна Устинова (55 наименований, 897 тыс. экз.) и Юлия Шилова (64 книги, тираж 891 тыс. экз.). А ведь книга – товар необычный, и издатель должен быть скорее просветителем, чем коммерсантом, даже в нынешней рыночно-денежной России. Куда там мне с реальным описанием действовавшего штрафбата со своими 10 книгами за 10 лет общим тиражом чуть более 70 тыс. экземпляров!

Ну, а если получать информацию, то нынешняя молодежь, да и не только она, легче всего предпочитают черпать ее из Интернета и кинофильмов. Наиболее доходчивым и эффективным способом внедрения «нужной» информации из всех современных СМИ, естественно, в наше время считается видео или кино, которые охватывают посредством телевидения все возрастные группы населения. Поэтому хозяева масс-медиа делают упор именно на этот вид воздействия своей антиисторической идеологии на умы и сознание людей, вследствие чего телеэкраны практически круглосуточно заполнены кино-видеоматериалами, направленными на безнравственность, аморальность, искажение и извращение исторических событий.

К примеру, возьмем фильм по сценарию уже не раз упомянутого выше Володарского «Последний бой майора Пугачева» по одноименному рассказу Варлама Шаламова. Как утверждал бывший зэк Варлам Шаламов и как это показано в фильме по Шаламову-Володарскому, побег из колымского лагеря совершили майор Советской Армии и несколько таких же *невинно осужденных фронтовиков*, гибнущих в финале побега от пуль чекистов-палачей.

Исторически факт дерзкого побега в действительности был, только не фронтовики его совершили, а отпетая дюжина в составе *2 полицейских, 7 власовцев и 3 уголовников-рецидивистов*. Вот такая «правда»-наоборот «впаривается» в мозги обывателю.

Да простит мне читатель личные впечатления, но вот такой факт, когда молодая, но уже далеко не школьного возраста дама из одной известной российской телекомпании брала у меня телеинтервью для своего ТВ-канала. На одну из моих фраз о том, как мы перехитрили фрицев, эта дама вдруг возмущенно заметила мне, что «это не честно, не по правилам», будто речь шла не о жестокой войне за свободу и независимость целой огромной страны, а что-то вроде спортивной борьбы по жестким правилам. И эта дама – человек из наших СМИ, который должен понимать разницу между спортистами и войной со злейшим врагом – фашизмом. Пришлось ей разъяснить, что военная хитрость – одна из составляющих и тактики, и стратегии, и напомнить, что, например, генерал-фельдмаршал Кутузов, когда ему задали вопрос, как ему удастся победить Наполеона, ответил что-то вроде: «Победить не знаю, а обмануть смогу». Факт сам по себе прискорбный, если в наших СМИ сотрудники, делающие материалы для эфира, сами уже со столь «запудренными» мозгами.

Но вернемся к начальной теме этой главы – про домыслы о штрафбатах.

Первое и, пожалуй, главное в давно взятом на вооружение фальсификаторами массовом нагромождении преднамеренной лжи о штрафбатах – это спекуляции о приказе № 227 и обо всем, что при исполнении этого приказа тогда происходило. К сожалению, этому способствовало существовавшее в годы войны и много лет после нее «табу» на официальную информацию о созданных по этому приказу штрафных батальонах и штрафных ротах, а также о заградотрядах. В 1944 году даже вышел специальный приказ № 034 маршала Василевского, подтверждающий незыблемое «табу» на всякую информацию о них, то есть *«запрещение к открытому опубликованию сведений о заградительных отрядах, штрафных батальонах и ротах»*.

Все это, конечно, порождало массу недостоверных слухов, а часто и преувеличенных или искаженных представлений у тех, кто только где-то что-то слышал о них. Но чаще – это злонамеренные вымыслы о том, чего не только не было, но просто не могло быть. Именно после приказа Сталина № 227 по-настоящему стали укреплять дисциплину, бороться с паникерами и дезертирами, отстаивать каждый клочок земли. И цель была достигнута. Эти решительные меры повысили обороноспособность войск, укрепили в них уверенность в окончательном разгроме врага.

И, конечно же, если штрафбаты и заградотряды учреждались одним приказом, то это не значит вовсе, что создавались именно одни для других. Однако особенно ярким любителям извращения нашей отечественной истории уж очень хочется эти события так увязать в своих рассуждениях и публикациях, чтобы все поколения, пришедшие на смену победителям фашистской чумы, поверили этим бредням. Хочется сказать всем этим лгунам: поменьше злобы, побольше исторических фактов, господа!

Откровенная атака средств массовой информации на историю Великой Отечественной войны, ее извращение, фальсификация, к сожалению, оставляют заметные негативные следы в умах тех, кто не знал, не видел всего, что на самом деле происходило в поистине страшные, но и героические годы. И не только в умах школьников, у которых не осталось в живых родных, на себе перенесших лишения и потери тех лет, о которых они могли бы рассказать своим потомкам. Даже люди взрослые, уже с большим жизненным опытом, порой поддаются ложным доводам хулителей всего советского.

Пожалуй, наиболее употребляемой у лжеисториков является обязательная комбинация штрафбатов и заградотрядов. На страницах этой книги, которая повествует о пути штрафбата, реально действовавшего от Сталинграда до Берлина без заградотрядов, надеюсь, удастся дать достойный отпор всей этой братии дельцов от истории.

Штрафные батальоны и отдельные штрафные роты в те военные годы оказались не только очень эффективным инструментом в повышении ответственности всех категорий воинов. Они еще, во-первых, минимизировали применение к трусам и паникерам такой формы наказания, как расстрел, правом применять который обладали в военное время на фронте командиры

многих степеней, и не только в нашей армии. Во-вторых, штрафбаты и штрафроты давали провинившимся возможность в боевых условиях искупить свою вину, «отмыть» позорное пятно, вернуться в строй честным бойцом, а если он сложит голову в бою за Родину, то тоже павшим, как миллионы честных бойцов Красной Армии. Что касается заградотрядов, то нам, штрафбатовцам, с ними никогда не приходилось не только «взаимодействовать», но даже соседствовать.

Как говорят, «дурной пример заразителен». К 65-й годовщине Победы Никита Михалков выдал фильм «Утомленные солнцем-2». Приурочен он был не только к юбилею Победы, чтобы обидеть фронтовиков, но еще и к Каннскому кинофестивалю, в надежде повторить успех своего первого оскароносного фильма под тем же названием. Благополучно провалился этот фильм в Каннах, как фактически провалился и в отечественном прокате. Михалков, однако, не стесняясь, заявляет в одной телебеседе, что для него *«история не главное, какое значение для молодого человека имеет то, что штрафбаты создавались не в 1941 году»*. И штрафбат у него не офицерское подразделение, а сброд экзов-«врагов народа», и лагерники встречают сообщение о начале войны радостно, как избавление от ненавистной советской власти, а эта власть направляет их на фронт в штрафбат, чтобы они остановили тех, кто пришел уничтожить ту самую власть. Все с точностью до наоборот. Недаром известный киноактер Леонид Филатов намного раньше, в своем удивительно точном по многим параметрам «Федоте-стрельце», выразил весьма подходящую к данному случаю мысль:

А что сказка дурна – то рассказчика вина.
А у нас спокон веков нет суда на дураков!

Нашел я как-то в Интернете одно высказывание, которое ну очень точно совпало с моим мнением относительно фильма «Штрафбат». И хотя я не установил подлинного имени автора, привожу это высказывание с некоторым сокращением: «Художественный вымысел? Не смешите, – не такие уж идиоты создатели „Штрафбата“. Если фильм не документальный, а художественный, все позволено? Художественный вымысел тоже имеет границы. Подлость – это и есть предел для художественного вымысла».

Спасибо, дорогой мой единомышленник по этой очень важной для меня, штрафбатовского офицера, теме, и автора книг о нашем 8-м штрафбате. Значит, не зря мы ломаем копыя за настоящую правду, единомышленников наших становится все больше.

Теперь снова перейдем к нашим боевым действиям, чтобы еще раз опровергнуть бездоказательные домыслы, а часто и откровенную ложь о том, что за штрафниками всегда стояли заградотряды. *Никаких заградотрядов*, о чем многие хулители нашей военной истории говорят, пишут и стряпают дорогие фильмы, *за нами не было*. Интересно, как эти псевдоисторики представляли бы заградотряд, понуждающий штрафников действовать там, за линией фронта, во вражеском тылу, как дерзко действовал наш 8-й штрафбат в феврале 1944 года при взятии Рогачева? Тогда была вера в то, что эти штрафники, бывшие офицеры, хотя и провинившиеся в чем-то перед Родиной, остались честными советскими людьми и готовы своей отвагой и героизмом искупить вину свою, которую в большинстве своем они сознавали или против которой, скрепя сердце, не возражали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.